

«НЕ ДАЙ ВАМ БОГ ЖИТЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН».

Интервью с Б. Н. Мироновым

Ключевые слова: дискуссии о российской модернизации и революции, антропометрия, клиометрия, статистические источники, А.Л. Шапиро, А.Г. Маньков, Б.Н. Миронов.

Аннотация. Самый цитируемый историк России, лауреат премии им. В.О. Ключевского Российской академии наук за выдающийся вклад в области отечественной истории и славяноведения дал интервью С.Е. Эрлиху, научному руководителю журнала «Историческая экспертиза». В нем затронуты вопросы о становлении Б.Н. Миронова как историка в студенческие и аспирантские годы, о его научных руководителях и профессиональной карьере. В беседе больше всего внимания уделено острым дискуссиям, которые ведутся вокруг его исследований о модернизации и российской революции 1917 г., а также его клиометрическим, в частности антропометрическим, работам и качеству исторических источников. Б.Н. Миронов делится своими творческими планами, которые говорят о смене его исследовательских интересов.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-275-309

Борис Николаевич Миронов, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, автор более 400 работ, более 80 из них переведены на английский, немецкий, французский, испанский, японский и китайский языки. Основные монографии:

Миронов Б.Н. Историк и математика (Математические методы в историческом исследовании). Л.: Наука, 1975. 184 с.; *Миронов Б.Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л.: Наука, 1981. 259 с.; *Миронов Б.Н.* Историк и социология. Л.: Наука, 1984. 174 с.; *Миронов Б.Н.*

Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л.: Наука, 1985. 301 с.; *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 271 с.; *Миронов Б. Н.* История в цифрах: (Математика в исторических исследованиях). Л.: Наука, 1991. 167 с.; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.; То же. 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.; То же. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 583 с.; *Mironov B. N.* The Social History of Imperial Russia, 1700–1917: In two volumes. Boulder: Westview Press, 2000. Vol. 1. 562 p.; Vol. 2. 398 p.; *Миронов Б. Н.* Историческая социология России: Учебное пособие. СПб.: Издательский дом С.-Петербургский

гос. университет; Интерсоцис, 2009. 536 с.; *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.; То же. 2-е изд., испр., доп. М.: Весь мир, 2012. 848 с.; *Mironov B. N.* The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917. London and New York: Routledge; Taylor and Francis Group, 2012. 668 p.; *Миронов Б. Н.* Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 336 с.; То же. 2-е изд. М.: Весь мир, 2014. 336 с.; *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014, 2015. Т. 1. 896 с.; Т. 2. 912 с.; Т. 3. 992 с.; То же. 2-е изд., испр. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.; Т. 2. 912 с.; Т. 3. 992 с.; *Миронов Б. Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.; *Миронов Б. Н.* Российская модернизация и революция. СПб.: Дм. Буланин, 2019. 528 с.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Почему вы решили стать историком? Сказалось ли здесь влияние семьи, школьных учителей, чтение книг?

Б. М. Историком я стал, можно сказать, нечаянно и случайно. Когда в 1959 г. поступал в Ленинградский государственный университет, то выбрал не исторический, а экономический факультет, отделение политической экономии. У меня были для этого соответствующие мотивы. В школе физика, химия, биология, география, астрономия давали пред-

ставление о том, как и по каким законам живет цельная, гармоничная, целесообразно устроенная природа. Из социальных наук преподавали только историю, которая подобных знаний относительно общества не давала. Между тем общество, как и природа, представлялось, да и, честно говоря, сейчас представляется цельным, разумным, гармоничным, целесообразным, рациональным, упорядоченным, стройным целым. В голове были вопросы: какими средствами достигается эта цельность; как в стране миллионы

разных людей с различными и часто противоречивыми целями дружно и согласованно работают друг для друга и достигают поставленных целей? Мне хотелось найти на эти вопросы ответы.

Перед поступлением в университет я размышлял, какой факультет выбрать, чтобы заниматься интересующими меня проблемами. Подходящего факультета не было, потому что мои интересы находились, как бы мы теперь сказали, в сфере социологии, социальной психологии, культурологии, социальной антропологии или социальной философии, а историческая наука, как мне казалось, не могла удовлетворить моих интересов. Исходя из того, как история изучалась в школе, я считал, что историческая дисциплина далека от жизни, это своего рода музей или антикварный магазин. А мне хотелось заниматься глобальными актуальными проблемами современности. В 10-м классе я стал наводить справки.

Мой преподаватель литературы, он же директор школы, Александр Дмитриевич Переверзев как-то заметил в разговоре, что интересующие меня вопросы изучаются на философском факультете (исторический материализм) и на экономическом факультете (политическая экономия). Познакомившись со структурами факультетов, я решил, что мне скорее подойдет отделение политической экономии экономического факультета — по двум причинам. Во-первых, исторический материализм изучался на философском факультете, а мне философия представлялась слишком абстрактной наукой, далекой

от реальной жизни по сравнению с политэкономией. Во-вторых, мне казалось, что экономическая сфера в обществе главная и более конкретная, а у меня всегда была склонность к эмпирии и актуальности. Поэтому я остановился на экономическом факультете, хотя теперь понимаю, что исторический материализм, т.е. социальная философия, более соответствовал моим тогдашним устремлениям. Сдав экзамены, я на два года стал политэкономом и изучал все то, что изучалось тогда на экономических факультетах — политическую экономию, математику, исторический материализм, экономическую историю, экономический анализ, бухгалтерский учет и т.д. Благодаря этому я познакомился с основами экономической и математической статистики и экономического анализа и кое-что усвоил.

Если говорить об экономическом факультете, то поступил я на него исключительно из личных побуждений и соображений. Не было учителей и старших товарищей, которые бы мне его порекомендовали. Я все-таки оканчивал школу в 1959 г. Старшие классы пришлось на 1957–1959 гг. — на время, когда, несмотря на начавшуюся оттепель, все, включая учителей, были по-прежнему очень осторожны и никто не решался обсуждать какие-либо серьезные проблемы со своими учениками. Не припомню, чтобы в школе говорили о XX съезде КПСС и разоблачении культа личности И.В. Сталина. Кроме того, я был круглым отличником и первым учеником в школе. Мне легко давались все предметы. Наверное, поэтому у учителей и не возникало вопроса, что порекомендовать этому

юноше. Мои родители были далеки от моих интересов, но их не обсуждали и не осуждали. Отец был кадровым офицером, мама — служащей (по-современному — скромным менеджером). Куда решил сын поступать, то и хорошо. В 1950-е гг. проблемы дохода, карьеры и славы меня, моих родителей, как и моих учителей, не волновали. Если бы в 1959 г. в университете был весь набор факультетов, существующих в настоящее время, думаю, что пошел бы на социологический или психологический, потому что, как я уже говорил, меня интересовали те проблемы, которыми сейчас занимаются социология, социальная психология, культурология, социальная антропология.

Что касается чтения, то не припомню, чтобы в школьные годы какие-то книги повлияли на мои интересы и увлечения и подвигли к поступлению на экономический факультет.

С. Э. На втором курсе, в 1961 г., вы были отчислены из ЛГУ за «антимарксистские взгляды», но в том же году решением ректора были восстановлены. Расскажите, пожалуйста, об этой истории.

Б. М. Я проучился на экономическом факультете два года, был отличником, получал повышенную стипендию, на которую, кстати сказать, можно было прожить. А в конце второго курса меня действительно отчислили. Проблема была в том, что на втором курсе на занятиях по политекономии и экономической истории я стал задавать неудобные в то время для преподавателей вопросы.

Ведь тогда было принято считать: то, что говорит преподаватель, а тем более профессор, есть истина если не в последней, то в предпоследней инстанции. И вопросы, ставящие под сомнение то, что говорил преподаватель на лекциях, задавать было не принято. А может быть, они даже и не возникали в головах студентов. Во всяком случае, я таких вопросов не слышал. Я был в то время наивным молодым человеком — какие вопросы возникали, те и задавал; если сомневался, то высказывал свои сомнения. Мои выступления на семинарах вызывали у двух преподавателей недоумение и раздражение.

Чаша терпения моих учителей переполнилась, когда я сделал три ревизионистских доклада. В одном доказывалось, что при капитализме не происходило обнищания рабочих (что шло вразрез с марксистской доктриной об относительном и абсолютном обнищании пролетариата при капитализме), во втором — что источником прибыли капиталистов являлась не эксплуатация рабочих, а природа, в третьем развивалась идея, что при социализме существовало товарное производство и что советские рабочие были отчуждены от собственности. Должен сказать, что к этим мыслям я пришел вполне самостоятельно, ибо не читал никакой запрещенной литературы, не слушал радиостанции «Голос Америки» и «Свободную Европу» и не общался с диссидентами. Подвела любознательность и отсутствие страха думать и говорить.

В довершение в конце второго курса я написал курсовую работу на тему «Относительное и абсолютное обни-

щение пролетариата при капитализме». В советской политической экономике была сформулирована такая концепция, из которой следовало, что при капитализме положение рабочего класса ухудшается не только относительно других классов, но и в буквальном смысле, т.е. понижаются реальная заработная плата и реальные доходы в целом. Мне нужны были данные, касавшиеся прежде всего положения пролетариата за рубежом, поскольку Маркс сформулировал свои выводы на материале западноевропейских стран, прежде всего Великобритании. Я взял для исследования XIX–XX вв. В 1961 г. западной литературы на эту тему в библиотеках не было, а то, что поступало, находилось в спецхране. Студенту второго курса попасть туда было невозможно. Поэтому я использовал, кроме работ советских экономистов, доступные мне книги зарубежных «буржуазных» экономистов, опубликованные в России в 1900–1930-е гг., монографии известного марксистского немецкого экономиста и историка Юргена Кучинского, напечатанные по-русски в 1950-е гг., а также доступные статистические справочники. Когда я собрал и проанализировал по своему разумению эти данные, у меня не получилось, что на Западе происходит абсолютное обнищание рабочих. Наоборот, оказалось, что реальный жизненный уровень повышался у всех слоев населения, в том числе у пролетариата. Думаю, это была последняя капля.

Дело осложнилось тем, что занятия на втором курсе вел декан факультета — профессор Виктор Андреевич Воротилов, который читал политическую экономию социализма и со-

ветскую экономическую историю. Я думаю, именно он сыграл ключевую роль в том, что меня решили отчислить: Виктор Андреевич был человеком ответственным и, может быть, чересчур усердно выполнял свои обязанности. Шел 1961 г., требования к лояльности студентов еще не были отменены. По-видимому, я иногда ставил его в затруднительное положение своими вопросами и сомнениями в том, как он толковал советскую экономическую историю, и вызывал раздражение своей критикой его учебных курсов за то, что они дублировали друг друга.

В начале 1960-х гг. студенты на экономический и философский факультеты должны были поступать с обязательным трехлетним производственным стажем. Меня же приняли сразу после школы, потому что как примерному ученику и активному комсомольцу мне, по ходатайству школы, для поступления в университет на экономический факультет дали рекомендацию от горкома комсомола. Поэтому среди студентов я оказался самым молодым — 17-летним мальчиком. Остальные были старше меня как минимум на пять лет. Учились даже отставные офицеры. Словом, по сравнению со мной они были зрелыми. Сокурсники не вмешивались в мои дискуссии с преподавателями, а просто слушали и с интересом наблюдали. Было, наверное, любопытно смотреть со стороны, как мальчик спорит с профессором и что из этого выйдет. Но ни осуждений, ни одергиваний, ни предупреждений от них мне не поступало. Скорее они поддерживали мою любознательность, но сами вопросов и сомнений не высказывали.

Декан решил отчислить меня из университета. С этой целью меня вызвал заместитель декана Рюрик Степанович Горчаков и предложил уйти с факультета по собственному желанию, т. е. «по-хорошему». Я не предполагал подобного сценария развития событий, был потрясен и от предложения отказался. Декан повторил предложение и пригрозил, что будет хуже, если я не сделаю так, как мне говорят. На вопрос: «За что?» — он ответил: «Вы нам не подходите». Я вновь отказался. Тогда администрация применила следующий прием. Догово­рилась с четырьмя преподавателями, чтобы они не принимали у меня четыре зачета и поставили «неуд». Я приходил сдавать зачет, но преподаватели отказывались меня слушать, говоря, что зачет мне поставить не могут.

Курсовая работа — один незачет; спецсеминар, где я выступал с докладом, — второй; политическая экономия социализма (этот курс читал декан) — третий; и четвертый — физкультура! Очевидно, что декан не смог найти на факультете четвертого преподавателя, который бы согласился поставить мне незачет, и поэтому вынужден был обратиться к преподавателю физкультуры, который это сделал. Таким способом мне искусственно сделали академическую неуспеваемость и на этом основании отчислили из университета с соответствующей формулировкой: «За академическую неуспеваемость», которая лишала меня права поступить учиться на другой факультет или в другое учебное заведение как неспособного получить высшее образование.

Когда я проявлял на занятиях активность и самостоятельность, то

не предвидел никаких тяжелых последствий для себя. Был уверен, что ничего дурного не делаю, проявляя обычную для меня любознательность. Мне казалось, что это нормальное поведение — спорить о том, с чем не согласен, спрашивать о том, в чем сомневаешься, и т. д. Ведь тогда нас в школе учили и ориентировали на инициативу, на проявление самостоятельности, на искренность и честность. Поэтому я не мог представить, что такое примерное поведение повлечет за собой столь тяжелое последствие — отчисление из университета.

Декан хотел, чтобы меня исключили также из комсомола. Но совершенно неожиданно — думаю, для всех — меня поддержал секретарь комсомольской организации экономического факультета. Это была аспирантка или молодая преподавательница — к моему великому сожалению, не запомнил ее имя. Ее поддержка меня спасла, и дело ограничилось выговором. Если бы меня тогда вдобавок исключили с треском из комсомола, то продолжить учебу было бы очень проблематично. Конечно, мир не без добрых людей. Однако очевидно, что изменилось время. Десять лет до этого секретарю комсомольской организации за свое поведение как минимум пришлось бы расстаться с университетом. Но шел 1961 г., испуг у многих прошел, люди стали обретать свое лицо и мнение. Декан, чтобы не входить в конфликт с секретарем комсомольской организации, пошел на компромисс: мне объявили выговор по комсомольской линии.

Когда о случившемся узнали родители и бабушка с дедушкой, они

были в шоке. Бабушка даже начала сушить сухари. Они полагали тогда, что исключением из университета дело не закончится и меня заберут и посадят. В моей семье о таких вещах никогда прежде не говорили, и я поэтому не представлял, какие последуют неприятности, если отклоняться от принятых стандартов и образцов поведения. Потому и вел себя опрометчиво и легкомысленно. Отец пожалел, что не предупредил меня, и рассказал, что, когда он учился в академии, у него тоже были там некоторые идеологические проблемы, которые, к счастью, благополучно разрешились.

Одновременно с отчислением администрация факультета обратилась в военкомат с просьбой немедленно забрать меня на трехлетнюю службу в армию, дав при этом отрицательную характеристику, в которой я назывался антимарксистом и антисоветчиком. Студенты тогда освобождались от воинской повинности — в университете была военная кафедра и по окончании присваивался офицерский чин. А теперь, когда меня исключили, я автоматически подлежал призыву в армию. Действительно, вскоре меня вызвали повесткой в военкомат и назначили дату для прохождения медкомиссии.

Между тем по настоянию родителей я начал ходить по разным инстанциям с просьбой восстановить меня в университете. Я прошел по всем доступным мне инстанциям. Но безрезультатно. Меня удивило, что никто меня не стыдил, не призывал повиниться и исправиться, а просто говорили, что ничего теперь уже нельзя сделать, надо просто отслужить в ар-

мии, а потом вновь поступить в университет. Например, когда я говорил с первым проректором, китаеведом Геронтием Валентиновичем Ефимовым. Он был со мной очень любезным, не высказывал никаких упреков, не осуждал и не стыдил. В его глазах мне виделось сочувствие, но ситуация была такая, по его словам, что отменить приказ уже нельзя.

Военкомат заседал, у меня уже забрали паспорт. Оставалось поговорить только с ректором университета — математиком, членом-корреспондентом АН СССР Александром Даниловичем Александровым. Он как раз вернулся из длительной командировки во Францию, поэтому раньше мне не удавалось с ним встретиться. Я пришел на прием, а в это время ректор собирался на ученый совет и находился на пороге кабинета. Он предложил мне рассказать ему о моей проблеме по дороге на ученый совет. Наша беседа продолжалась не более пяти минут. Я вкратце рассказал о своем деле. Ректор спросил: «Извините, обнищание? Я только что вернулся из Парижа и не видел там никакого обнищания. Вы не путаете что-нибудь?» Отвечаю: «Нет». Он назначил прийти на следующий день в ректорат, к первому проректору. У меня не было никаких радужных надежд. Но когда я пришел в назначенное время, Г. В. Ефимов, у которого я уже неоднократно безрезультатно бывал, спросил: «На какой факультет хотите?» Для меня это было полной неожиданностью. Я говорю: «Как на какой?! На экономический, конечно». Проректор: «Ну, к сожалению, на экономический нельзя. Декан решительно против. Он так поставил вопрос: “Либо

я, либо Миронов». А так — можете пойти на любой, мы вас переведем». Тогда в ЛГУ было, кажется, 11 факультетов. Я стал размышлять и решил перевестись на исторический факультет.

Буквально на следующий день был подготовлен приказ об отмене приказа об исключении, т.е. о восстановлении меня студентом, и переводе на второй курс исторического факультета. Помню, новый приказ начинался словами: «Во изменение приказа №...». Решение А. Д. Александрова о восстановлении меня в университете было беспрецедентно быстрым и смелым. Наверное, он принял его, посоветовавшись с доверенными людьми. С одной стороны, это свидетельствует о том, что в ректорат ЛГУ пришла оттепель. Однако, на мой взгляд, личностные качества ректора сыграли большую, а может быть, и решающую роль. Принять и реализовать важное неординарное и, наверное, рискованное решение за один день способен далеко не каждый администратор.

Так я стал историком. Между прочим, в 1961 г. экономический, исторический и философский факультеты находились в одном здании. Экономический потом перевели в другое место, а философский и исторический расширились. Я мог свободно ходить с одного факультета на другой, иногда встречаться с В. А. Воротиловым, который при нечаянной встрече делал вид, что меня не узнает.

Часто думаю, что было бы, если бы я остался на экономическом факультете и его окончил? Факультет

готовил преподавателей политической экономии для экономических факультетов, где эта дисциплина и читалась. Поэтому меня ожидала судьба преподавателя политической экономии и автора работ по соответствующей тематике. Однако, учитывая мои научные устремления и известную самостоятельность в мыслях, я бы вряд ли остался в политэкономии. Из-за ее чрезмерной идеологизированности у меня очень скоро вновь бы начались конфликты, которые добром бы не закончились. Легко было простить заблуждения 19-летнего юноши, списав их на молодость. Прощать подобные грехи зрелому человеку вряд ли бы стали. В лучшем случае мне пришлось бы оставить экономическую науку и найти другое поприще. Мой двухлетний опыт убедил, что политическая экономия в том виде, в котором она существовала в позднесоветскую эпоху, — это не для меня. В поисках своего места в науке в конечном итоге я пришел бы к тому, чем занимаюсь как историк в последние тридцать лет после перестройки. От себя никуда не уйти.

В моей первой бесцензурной книге «Социальная история Российской империи» я реализовал свои смутные стремления молодости понять и объяснить, как существовало и функционировало общество, как оно развивалось, как поддерживалось его единство и целостность, какие факторы это обуславливали. Вторая книга, вызвавшая большие споры в историографии, — «Благосостояние населения и революции в имперской России» — это, по сути, завершение моей курсовой студенческой работы об обнищании пролетариата

при капитализме. Моя последняя монография «Российская модернизация и революция» — это воплощение моего увлечения исторической психологией в аспирантские годы и стремления понять, как изменялась психология людей исторически, и объяснить связь между исторической психологией и социальным поведением. В принципиальных моих исследованиях я пытаюсь ответить именно на те вопросы, которые меня волновали в молодости.

Чем старше я становлюсь, тем больше чувствую, что в моей голове в молодые годы (а может быть, еще в детстве) было посажено зерно, которое выросло в дерево и дает плоды, заложенные в этом зерне. Наверное, то же и у других людей. И как ни ухаживай за осинкой, от нее не родятся апельсины. Так что вопросы, на которые я искал и до сих пор ищу ответы, возникли у меня еще в студенческие и аспирантские годы. Я их тогда для себя поставил, но решить не мог. Во-первых, не хватало знаний, во-вторых, приходилось заниматься другими сюжетами, в-третьих, не хотелось работать в стол. Но в конце концов, при удобном случае возвращался к этим вопросам — меня как будто к ним вела неведомая сила.

Как бы то ни было, 1961 г. в моей жизни безусловно был поворотным моментом — точкой бифуркации. Если бы я выбрал другой факультет, моя жизнь, в том числе научная, сложилась бы по-другому. В принципе все социальные и гуманитарные науки, кроме, пожалуй, филологии, меня всегда в большей или меньшей степени интересовали. Именно поэтому мои исследования являются

междисциплинарными. Некоторые коллеги меня — вряд ли верно — называют экономическим историком, хотя мне нравятся историко-экономические сюжеты, и я ими с удовольствием занимаюсь в междисциплинарном контексте.

С.Э. Скорее антропологом, если брать вашу книгу «Российская модернизация и революция».

Б.М. В современном смысле — да, по преимуществу социальным антропологом. Только в начале научной карьеры я писал работы сугубо по экономической истории — по истории цен и рынка. Но это была необходимость.

С.Э. Кто из преподавателей истфака повлиял на ваши взгляды?

Б.М. На мои научные взгляды, если под этим иметь в виду теорию, методологию, исторические концепции, никто из преподавателей истфака не повлиял. Подумайте сами, кто из преподавателей в первой половине 1960-х мог со мной разделять антимарксистские взгляды? Таких преподавателей не было. У меня было свободное расписание, я посещал мало лекций и с преподавателями общался главным образом тогда, когда сдавал зачеты и экзамены. Единственный преподаватель, с которым я был тесно связан на факультете, — доктор исторических наук, профессор Александр Львович Шапиро. У него я писал курсовые, диплом и участвовал в работе его интересного спецсеминара.

Когда в 1966 г. я поступил в аспирантуру Ленинградского отделения

Института истории АН СССР, моим научным руководителем назначили доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Аркадия Георгиевича Манькова. Но и в аспирантские годы мы с Александром Львовичем находились в постоянном контакте. Обоих я считал моими научными руководителями, хотя на мое историческое мировоззрение они воздействия не оказали. Они повлияли на меня в другом, не менее важном отношении — они дали мне образцы высокопрофессиональной научно-исследовательской работы. Оба были историками-работоголиками, фанатиками исторического ремесла, беззаветно любившими свою профессию, отдавая себя ей до конца. При этом очень честно, строго по-научному старались делать свою работу. Хотя они и были искренними марксистами, но это не помешало им оставить значимое научное наследие — очень серьезные, хорошо фундированные работы, основанные на добросовестном анализе первичных источников. В том числе они широко обращались к архивным массовым статистическим источникам, которые я особенно люблю использовать в своих исследованиях. На их примере я видел — и это до сих пор у меня осталось почти что в крови — как нужно работать.

Александр Львович в 1960-е гг. мало печатался. Как-то я его спросил, что он будет делать в этом году. Он отвечал, что собирается выступать с докладом на симпозиуме по аграрной истории, а потом доклад превратить в статью. И это все. Представьте — умный, работоспособный, компетентный исследователь-профессор писал в год **одну** статью по аграр-

ной истории и участвовал в **одной** конференции! В настоящее время некоторые историки печатают в год по 20–30 работ, чем и бахвалятся, не понимая, что этим обесценивают их научную значимость. Будучи экспертом в научных фондах, получаю на экспертизу заявки на гранты. Как себя сейчас презентуют некоторые ученые, претендующие на роль научного руководителя? Они состоят членами десятка, а иногда и больше, ученых и прочих советов и всяких фондов, входят в редколлегии пяти и более журналов, у каждого из них по десятку аспирантов и докторантов, они преподают, заведуют кафедрами и при этом умудряются печатать по 20–30 научных работ в год. Как это возможно?! На своем опыте знаю, что невозможно иметь такую плодовитость, если речь идет об оригинальных, серьезных исследованиях, основанных на источниках. Поэтому я очень благодарен и А. Г. Манькову, и А. Л. Шапиро за науку. Как в средние века, я работал рядом с мастерами, которые передавали мне, подмастерью, свое мастерство, так сказать, из рук в руки. Важно еще и то, что ученые не являлись ползучими эмпириками, не разменивались на мелкие темы, а умели ставить и решать крупные научные проблемы.

Кроме этого, они были настоящими русскими интеллигентами — честными, порядочными и очень доброжелательными. В моей жизни регулярно возникало довольно много проблем, пока я был студентом и аспирантом, да и после защиты кандидатской диссертации тоже. И пока они были живы, они мне помогали, делая все, что могли, порой в ущерб себе,

поддерживали во всем, что бы я ни делал, даже когда мы расходились во мнениях и оценках. Я таких людей, честно говоря, больше не встречал. В 1964 г. Александр Львович меня, студента четвертого курса, можно сказать, привез на весьма престижный в то время симпозиум по проблемам аграрной истории Восточной Европы в Кишинев. Тогда студенты в таких серьезных конференциях не участвовали. Поэтому, когда он договаривался о том, чтобы мой доклад включили в программу, он неопределенно говорил о моем статусе. Организаторы решили, что я аспирант, включили в программу. Накануне симпозиума была опубликована моя первая научная работа — тезисы доклада. Уже на конференции, после моего успешного выступления, Александр Львович признался, что я студент. Так благодаря ему состоялся мой научный дебют.

Во время учебы в аспирантуре, в 1966–1968 гг., Аркадий Георгиевич был моим научным руководителем. В 1951 г. он опубликовал книгу «Цены и их движение в Русском государстве XVI века», где доказывал, что в XVI в. в России, одновременно с западноевропейскими странами, произошла знаменитая революция цен, вызванная наплывом драгоценных металлов из Америки. В своей кандидатской диссертации я доказывал, что в действительности революция цен в России произошла на два столетия позже — в XVIII в. Аркадий Георгиевич — маститый ученый — прочитал мою диссертацию и, не возразив ни слова, поддержал меня на защите. Как зав. отделом, к которому я был приписан, и научный руководитель он легко мог мне

навредить, как минимум задержать защиту. Но этого не случилось. Он признал мою правоту. Вот такие были замечательные люди! Они мне помогают до сих пор.

Не могу не сказать и о том, что оба моих руководителя стимулировали мою научную работу еще одним способом — они ценили мои труды, уважали мое мнение, даже когда не были с ним согласны. Как заметил ныне почти забытый Козьма Прутков: «Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза».

Таким образом, хотя мои научные руководители не повлияли на мои методологические представления, теоретические ориентации или историческое мировоззрение, в профессиональном плане их влияние было очень важным и сильным!

С.Э. Но кто-то все-таки повлиял на ваши научные взгляды?

Б.М. После моего исключения с экономического факультета мое отношение к марксизму, точнее к фундаментальному его течению, стало быстро изменяться. Поначалу меня просто раздражала его монополия на истину, невозможность, даже оставаясь в его рамках, размышлять, сомневаться, ставить новые вопросы, что-то изменять. Постепенно, по мере расширения кругозора, я понял ограниченность марксизма и стал сознательно учиться у других методологических направлений и по возможности применять их подходы в своей работе. Как исследователь я складывался в библиотеках. Это хорошо и плохо. Плохо — потому

что развивался стихийно, без руководства и помощи, не раз открывал велосипед, много времени и сил тратил напрасно и непроизводительно. Хорошо — потому что до некоторой степени уберег свои мозги от господствующих стереотипов, пропаганды и сохранил в какой-то мере свежесть взгляда и мысли. Я много читал. Кроме обязательной литературы по учебной программе, преимущественно дореволюционных историков. Больше всего нравились работы П. Н. Милюкова, А. А. Кизеветтера, А. С. Лапшо-Данилевского, Н. П. Павлова-Сильванского, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, В. И. Сергеевича, Б. Н. Чичерина; из советских историков — медиевиста А. Я. Гуревича. Но еще больше читал книг по социологии, психологии и философии истории. Увлекался сочинениями модных в 1960–1970-х гг. О. Шпенглера, А. Тойнби, З. Фрейда, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра и др. К сожалению, читать современную западную литературу, книги и журналы, было затруднительно: она находилась в спецхранах, куда отправлялось во многих случаях даже то, что переводилось на русский язык. Я нашел в некоторой степени выход из положения — читал литературу, посвященную критике западной социологии, психологии, философии истории и историографии, пропуская критику и акцентируя свое внимание на критикуемых идеях. В 1960–1970-е гг. такая литература уже была гораздо объективнее, чем прежде, и ее стало намного больше. К первым моим «учебникам» по западной социальной науке можно отнести «Современную буржуазную социологию (критический очерк)»

Г. В. Осипова (М., 1964) и «Современную психологию в капиталистических странах» под ред. В. Е. Шороховой (М., 1963). После окончания университета я получил более широкий доступ к книжным и журнальным фондам БАН и Публичной библиотеки, в том числе и хранящимся в спецхране. Намного доступнее была переводная литература, которая, несмотря на гриф «для научных библиотек», выходила довольно большими тиражами, благодаря чему удавалось доставать книги на время, а иногда и покупать. Моими настольными книгами стали: «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении» Г. Беккера и А. Боскова (М., 1961), «Социальная психология» Т. Шибутани (М., 1969), «Элементарные понятия социологии» Я. Щепаньского (М., 1969), «Методы социальных наук» Р. Пэнто и М. Гравитца (М., 1972), «Американская социология: перспективы, проблемы, методы» под ред. Т. Парсонса (М., 1972), «Философия и методология истории» под ред. И. С. Кона (М., 1977), «Структура научных революций» Т. Куна (М., 1977), «Новые направления в социологической теории» (М., 1978) и др. Иногда удавалось читать и оригинальную литературу на английском. Я познакомился с профессором философии ЛГУ Игорем Семеновичем Коном, обладавшим большой домашней библиотекой научной зарубежной литературы. Он давал мне читать на дом книги и журналы. Мне кажется, он снабжал научную литературу и других студентов, и аспирантов. Эффект от знакомства с зарубежной литературой был бы намного более глубоким, если бы можно было полученные знания в полной

мере использовать в своей исследовательской и педагогической работе. Однако под влиянием личного опыта на экономическом факультете я опасался это делать, старался камуфлировать и скрывать новые знания и мысли, которые они рождали.

Как оказалось в дальнейшем, мои самостоятельные занятия социологией и психологией не пропали даром. В 1980-е гг. мне удавалось публиковать работы, в которых немарксизм был закамуфлирован, не бросался в глаза, благодаря чему они проходили цензуру под прикрытием междисциплинарности и математических методов — то и другое вошли тогда в моду. Например: «Историк и социология» (Л., 1984), «Историческая психология и историческое знание» (Общественные науки. 1986. № 1), «Семья: Нужно ли оглядываться в прошлое» (В человеческом измерении. М., 1989). Некоторые работы печатались за границей, например: «The Russian Peasant Commune after the Reform of the 1860s» (Slavic Review. 1985. Vol. 44, no. 3), «In Search of Hidden Information: Some Issues in the Socio-Economic History of Russia in the Eighteenth and Nineteenth Centuries» (Social Science History. 1985. Fall. Vol. 9, no. 4), «Le mouvement des prix des céréales en Russie du XVIII-e siècle au début du XX-e siècle» (Annales: Économies. Sociétés. Civilisations. 1986. Vol. 41, no 1).

Во время перестройки и особенно после ее завершения появилась возможность писать без опаски, по своему разумению. Эту возможность я реализовал в полной мере в «Социальной истории Российской империи». Это

первая работа, где я откровенно критикую марксизм и пишу не по-марксистски. Русская версия моей книги называется «Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства». В самом названии содержится полемика с известной работой Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В книге мне удалось настолько интенсивно использовать накопленные знания по социологии и социальной психологии, что «Социальную историю» относят к исторической социологии. После публикации книги меня пригласили работать на факультет социологии СПбГУ, где я преподавал в 2003–2016 гг. на кафедре социологии культуры и коммуникации. Ее до сих пор возглавляет проф. Владимир Вячеславович Козловский. Он поручил мне читать курс социологии на историческом факультете СПбГУ и помог опубликовать в 2009 г. учебное пособие «Историческая социология России». Более 10 лет я читал всему истфаку (дневникам, вечерникам и заочникам) курс социологии в тесной связи с социальной историей России.

Мои научные взгляды сформировались в 1960–1970-е гг. — до того, как постмодернистская парадигма утвердилась в западной историографии во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. Мне импонировали теория модернизации, теория стадий экономического роста У. У. Ростоу, структурный функционализм, теория социального конфликта, символический интеракционизм и драматургическая социология. Очень нравился

институционализм — направление в политической экономии, изучающее эволюцию социальных институтов, таких как традиции, мораль, право, семья, общественные объединения, государство и др., и их влияние на формирование экономического поведения людей. Постмодернизм был мне знаком, но не вызывал и до сих пор не вызывает глубоких симпатий. Мне нравится заниматься не частными, экзотическими сюжетами, а «метарассказами», конструировать целое, следить за развитием социальных и политических структур, объяснять их изменения. Я продолжаю верить в объективность мира и исторического процесса, в закономерность, в эволюцию и т. д. Однако было бы неверно сказать, что постмодернизм не оказал на меня никакого воздействия. Я разделяю три фундаментальные идеи постмодернизма: 1) исторические документы должны восприниматься как тексты, созданные с определенной целью, в определенных системах значений, редко однозначных и бесспорных; 2) прошлое в значительной степени создается самими историками; 3) так называемая объективность исторических феноменов не может существовать вне человеческого сознания, она существует также в головах людей. В своей методологии и практической работе пытаюсь синтезировать все ценное, на мой взгляд, в дореволюционной, советской и западной русистике, т. к. глубоко верю в то, что разные интеллектуальные ориентации, включая марксизм, имеют свои плюсы и минусы.

С. Э. Аркадий Георгиевич Маньков в 1994 и 1995 гг. издал свой, можно сказать, антисталинский, дневник

о работе на заводе в 30-х гг. Многие подозревали, что он задним числом отредактировал свои записи. А как вы считаете, действительно ли мог в то время молодой рабочий придерживаться таких откровенно антисоветских взглядов?

Б. М. Маньков был не простым рабочим. Он окончил полную среднюю школу. Но не мог сразу поступить в университет из-за социального происхождения. А в рабочие он пошел для того, чтобы заработать стаж и потом поступить в вуз. В то время социальное происхождение играло важную роль; «бывшие» были поражены в правах. Его отец служил классным чиновником в Сенате. Так что А. Г. Маньков был номинальным, вынужденным рабочим. Сам по себе этот факт его биографии мог способствовать скорее негативному, чем позитивному отношению к советской власти — благородный вынужден работать на заводе. Кроме того, А. Г. Маньков в 1930-е гг. занимался литературным трудом и хотел стать не историком, а писателем. У него были даже публикации. Это потом уже так случилось, что он ушел в науку. В силу этого предпосылки для критики власти существовали. Если даже он впоследствии и редактировал свои дневниковые записи, то ради того, чтобы воспроизвести свои испытанные в молодые годы чувства хотя бы задним числом. Мне трудно предположить, что он мог написать о том, что с ним не происходило.

С. Э. Это, как говорится, была «подводка» к следующему вопросу. Так получилось, что в прошлом году я в один день брал два интервью: у недавно умершего на 99-м

году Ильи Семеновича Кремера и у вашего ровесника Габриэля Гавриловича Суперфина. Я спросил их, действительно ли они верили в советскую власть. Кремер ответил, что, несмотря на то что он был очевидцем и голодомора, и репрессий, он и его товарищи реально считали тогда, что в нашей стране существует лучшая в мире советская власть. Суперфин ответил, что, когда умер Сталин, он очень переживал и для него это была тяжелая потеря, как почти для любого советского человека того времени, но со временем, ближе к концу школы, он перешел на диссидентские рельсы. А когда вы, учась на экономическом факультете, опровергали марксистско-ленинский закон «относительного и абсолютного обнищания пролетариата», вы реально верили в то, что у нас все устроено правильно? Были ли вы советским человеком?

Б. М. В школьные годы я был активным комсомольцем — никаких сомнений не имел. Как мне казалось, не было их и у моих родных. Я тоже помню смерть Сталина и всеобщую скорбь. Вспоминаю, как в день объявления о его смерти шел из школы после траурной линейки, а все люди, шедшие мне навстречу, горько плакали. Но мои родители были спокойны. Мне было непонятно: в чем дело? Вся страна рыдает, а родители спокойны. Отец был офицером; я никогда от него не слышал никаких сомнений, какого-либо недовольства своим положением, властями или политическим строем. Энтузиазма, правда, тоже не было, но нигилизма не наблюдалось, сомнений не высказывалось. А ведь сомнения в душу ребенка кто-то должен был заронить.

Это могли быть родители, учителя или книги. Но родители, учителя и доступные книги власти не критиковали. В моей семье никто не был репрессирован, трагедии в семейной памяти отсутствовали. Теперь мы понимаем, что там, наверху, шла своя жизнь, а внизу — своя. Для огромного большинства людей жизнь была трудной, не хватало необходимого, и они думали о выживании, а не о политике.

Человек был погружен в экзистенциальные проблемы — как прокормиться, одеться, купить, «достать». То, что делалось на самом верху, держалось в большом секрете. До простых людей не доходило, и они об этом не задумывались. Политические пертурбации в основном волновали элиту, крупных хозяйственных, военных и политических деятелей, людей, входивших в номенклатуру, тех, кто вел борьбу за влияние и власть. Это, по оценке М. С. Восленского на 1970 г., лишь около 750 тыс. человек, вместе с членами семей — 3 млн, или менее 1,5% населения. Собственно в сталинское время численность номенклатуры была еще меньше. Родители с номенклатурными работниками не общались; я не имел дел с их детьми.

Пропаганда работала хорошо. Я, как и другие простые советские люди, не знал, что такое заграница, т. к. никуда не выезжал и не представлял, какая реальная жизнь происходила за пределами СССР. Поэтому подобно большинству относился к советской власти лояльно, если так можно говорить о подростке. Только те, кто от нее пострадал, что-то понимали, сомневались и испытывали к ней

негативные чувства. Но, как мы знаем, даже у большинства репрессированных не было никакой обиды; они являлись в массе убежденными советскими гражданами, лояльными власти. Маршал К. К. Рокоссовский, просидевший почти 4 года, в 1937–1940 гг., в тюрьме НКВД и подвергавшийся жестоким пыткам, считал И. Сталина «святым человеком». Что уж говорить о людях от власти далеких и не пострадавших!?

С. Э. Когда к вам пришла мысль, что в стране что-то идет не так?

Б. М. Можно твердо сказать, что 1961 г. — переломный момент в моей жизни. Именно с этого времени стали происходить изменения в моих представлениях и взглядах. После отчисления я начал размышлять: за что, почему и в чем дело?! Стал замечать то, на что раньше не обращал внимания. Больше всего меня угнетали цензура, отсутствие свободы мысли, устного и печатного слова, ограничения в чтении, наличие спецхранов в библиотеках и железный занавес. Моя идеологическая наивность постепенно испарялась, марксистские взгляды трансформировались, иллюзии исчезали. Лояльное отношение к советской власти сменилось скепсисом. Однако интерес к политике не появился. Меня увлекла наука. Я понимал, что заниматься политической или социальной историей и советским периодом мне противопоказано и опасно. Поэтому выбрал досоветскую экономическую историю. Причем взял совершенно новый и аполитичный сюжет, чтобы ни с кем не сталкиваться и на поприще науки: с третьего курса я стал из-

учать историю цен в России и много работать в архивах.

На истфаке меня встретили спокойно, студенты даже доброжелательно. Никто не обижал. Но я чувствовал некоторую настороженность со стороны студентов и преподавателей.

С. Э. Примечательно, что и со стороны студентов!

Б. М. Ну а как же иначе?! Все знали, почему я спустился с другого этажа — экономический факультет находился в том же здании, только на другом этаже. Помню, что где-то на 3-м или 4-м курсе, когда мне казалось, что все осталось позади и забыто, секретарь партбюро факультета мягко намекнул мне: «Боря, ну мы же все знаем, но доверяем вам! Так что вы уж там!..» — и предложил выполнить какую-то не очень приятную для меня в то время общественную работу. И я постоянно это чувствовал и позже, до конца перестройки. Правда, напоминания, что «никто не забыт и ничто не забыто», шли не со стороны студентов и преподавателей, а из других инстанций. Контакты с западными славистами были закрыты или затруднены. Долго не мог печататься в западных исторических журналах. Не мог выехать за границу, хотя меня приглашали на различные конференции. А очень хотелось посмотреть, как там люди живут, в частности коллеги по цеху. Я погрузился в цифры и цены, подальше от политики и идеологии. Честно скажу, опасался, как бы чего не вышло. И все же теперь не исключаю, что мои страхи были преувеличены — кто обжегся на молоке, дует на воду. Со стороны студентов было, наверное, скорее

любопытство, чем настороженность и недоверие. По правде говоря, если смотреть объективно, и студенты, и преподаватели, и вся истфаковская администрация ко мне относились хорошо. Может быть, не они, а я к ним относился настороженно. Экономический факультет изрядно испортил мой характер.

Тем не менее два года на экономическом факультете не пропали даром. Курсы математической статистики, экономической статистики, экономического анализа и некоторые другие оказались в будущем весьма полезными, когда я стал заниматься клиометрикой.

С. Э. Традиционные историки часто критикуют авторов клиометрических исследований на том основании, что они используют недостаточно надежные статистические данные, которые до нас дошли. Например, они указывают на расхождение статистики МВД, ЦСК и земств. Можно ли выявить реальные данные в сопоставлении двух источников? Критике подвергаются и данные, полученные на основе ревизских сказок. Насколько надежно этот источник позволяет реконструировать социальную структуру империи в период крепостного права?

Б. М. Исследователи, занимающиеся экономической и демографической историей достаточно давно и много, хорошо усвоили, что абсолютно точных данных не существует в природе. Жалуются дилетанты, которые думают, что настоящая статистика должна быть абсолютно точной, иначе нет смысла ею пользоваться. Между

тем неточность сведений характерна для статистики любой страны во все времена, включая день сегодняшний. Выдающийся американский экономист немецкого происхождения О. Моргенштерн предпринял попытку оценить уровень точности в отдельных областях экономической статистики в развитых западноевропейских странах XX в. Его книга «О точности экономико-статистических наблюдений» переведена на русский язык в 1968 г. В результате кропотливого сравнения сведений разных источников об одном и том же предмете он обнаружил: расхождения в показаниях различных источников достигали по внешней торговле — 167%, по ценам — 100%, по добывающей промышленности — 30%, по сельскому хозяйству — 50%, по занятости — 30%, по безработице — 50%, по национальному доходу — 50%.

Отличается неточностью и демографическая статистика. Например, официальные российские данные по сравнению с официальной израильской статистикой занижали масштабы еврейской эмиграции в Израиль в 1,5 раза в 1993–2002 гг., в 2,7 раза в 2003–2010 гг. и в 4,1 раза в 2011–2015 гг. Общая эмиграция евреев из России в страны дальнего зарубежья в 2003–2010 гг. по сведениям Росстата занижена в 2,7 раза сравнительно с зарубежными источниками, в том числе в США — в 5 раз, в Германию — 1,3 раза.

В чем причина? Во-первых, первичные статистические сведения содержат неизбежные погрешности в точности, происходящие по причине неадекватности способов сбора

данных характеру этих данных, ввиду ошибок и неполноты наблюдения, а также из-за ошибок приборов, недостатка компетентности у «наблюдателей», отсутствия четких определений, классификаций и программ сбора данных. Подобные погрешности связаны с уровнем развития науки.

Во-вторых, статистические сведения относятся к социально-экономической сфере, к деятельности людей и поэтому прямо и непосредственно затрагивают их интересы. Вследствие этого в отличие, например, от данных в естественных науках социально-экономическая статистика нередко преднамеренно фальсифицируются. Недостоверность сведений проистекает из стремления людей, которые собирают или сообщают сведения, скрыть или исказить их. Мотивы для этого могут быть самые различные: ввести в заблуждение официальные органы с целью уменьшить налоги, приукрасить положение дел, обмануть конкурентов, обосновать собираемыми данными политические цели или правильность своих предположений и т. д. В точности или неточности сведений заинтересованы как лица, их собирающие, так и лица, их сообщающие. Этот факт неизбежно накладывает на них свою печать. Например, различия в данных статистических служб разных стран об эмиграции евреев из России имеют свое объяснение. Многие евреи, действительно эмигрировавшие из России, при пересечении российской границы по разным мотивам указывали в качестве цели отъезда не эмиграцию, а туризм, в гости, на лечение и т. д. При въезде же в страну эмиграции

они указывали истинную цель приезда, т. к. без этого не могли получить право в ней остаться.

В силу невозможности иметь абсолютно точные статистические сведения расхождение статистических данных из разных источников в пределах 15–20% экономисты и статистики считают допустимым и приемлемым. Иначе нужно забыть о научной работе со статистическими данными.

Теперь конкретно рассмотрим российскую урожайную и демографическую статистику по разным источникам. В 1800–1913 гг. важнейшим, а в 1800–1880 гг. единственным источником урожайных сведений являлись губернаторские отчеты. По единодушному мнению специалистов XIX в., они занижали урожайность и сборы зерновых на величины от 10 до 30%. На что имелись объективные причины. Во-первых, сама оценка посева, сбора и урожайности хлебов осуществлялась таким способом, что в принципе не могла дать точных данных. В октябре, после жатвы, по инициативе коронных властей в нескольких селениях каждого уезда производились пробные умолоты. На их основе устанавливалась урожайность зерновых в текущем году в «самах» (число «самов» показывает, во сколько раз сбор превосходил посев) для всего уезда. Далее предводители дворянства, палаты государственных имуществ и удельные конторы путем опроса земледельцев получали информацию о собранном хлебе в помещичьей, государственной и удельной деревне и представляли ее в губернские комиссии для продовольствия, где вся информа-

ция суммировалась. Основываясь на пробных умолотах и общем сборе хлеба, комиссии определяли величину посева путем деления величины сбора на урожайность. Точной инструкции о том, кому и как делать пробные умолоты, разработано не было. Никакого обоснованного подхода к выбору селений и их числа не существовало. Между тем российские уезды занимали огромную площадь, а урожайность в разных частях уезда, в отдельных селениях, у крестьян и помещиков существенно различалась. Измерение посевных площадей до 1880-х гг. не производилось, а с 1880-х гг. осуществлялось приблизительно. Точная оценка посевов в масштабе России требует огромных затрат времени и средств. Специальные органы и лица, ответственные за сбор урожайных сведений, отсутствовали. Сложное и тонкое дело оценки урожая отдавалось на усмотрение местных властей, а фактически находилось в компетенции сельских выборных, крестьян — ведь именно они выполняли пробные умолоты и определяли величину собранного хлеба.

Еще весомее были субъективные причины. Крестьяне и их выборные, которые производили пробные умолоты и со слов которых собирались сведения о сборе хлебов, были заинтересованы в занижении сведений из-за страха повышения налогов. Нужно быть полным идеалистом и совершенно не знать психологии крестьян, чтобы полностью довериться данным губернаторских отчетов. Для крестьян представлялось насущной потребностью занижить как урожай, так и посевы и сбор хлеба в целом. И крестьяне, да и помещики

тоже, из-за опасения дополнительных поборов зерна и фуража стремились занижить величину сбора. Кроме того, наблюдалась и элементарная халатность и некомпетентность, соответствующая интеллектуальному уровню развития крестьянства. Ведь крестьяне не употребляли абстрактных мер веса и объема, которые использовались в отчетах и науке того времени. Они могли учитывать урожай в возах, снопах и т. д. Многие вообще думали, что измерять урожай — это грех! Урожай — подарок от Бога. А как можно считать то, что дал Бог?! Характерно, что крестьяне занижали не только урожайные сведения, а все вообще показатели, которые интересовали власть. Они придерживались стратегии слабых — при общении с властями всегда жаловались на нищету, голод, бедность, «сиротство». Эти жалобы хотя и не принимались за чистую монету, но всегда учитывались властями. Раз крестьяне жалуются на налоги, лучше налоги при возможности не повышать, а недомимки прощать, что верховная власть регулярно и делала.

В 1880-х гг. произошла реформа урожайной статистики. С 1880 г. появился второй источник сведений — Департамент земледелия при Министерстве государственных имуществ. Он стал собирать информацию от добровольных корреспондентов из числа крестьян и частных землевладельцев. С 1883 г. заработал третий источник — Центральный статистический комитет (ЦСК) при Министерстве внутренних дел. Он наладил сбор сведений через волостную администрацию: в каждую волость для обязательного заполнения посылались вопросные бланки

о посевах, сборе и урожае — по шесть для крестьян и для частных землевладельцев. Из поступивших материалов выводились средние цифры посева и сбора для каждого хлеба. С 1881 г. ЦСК стал регулярно собирать также сведения о величине посевных площадей. Они были тоже приблизительные, но мера искажения была меньше, чем до реформы.

Четвертым источником урожайных сведений с 1880-х гг. стали земства. Но их обследования проводились не одновременно, не каждый год и не во всех, а только в земских губерниях, которых в 1880 г. насчитывалось 34, в 1913 г. — 43.

Профессиональные статистики регулярно проводили оценки точности поступивших сведений. Суммируем итоги проверок урожайности из четырех источников за 1883–1915 гг., приняв за 100% данные губернаторских отчетов: ЦСК — 107, Департамент земледелия — 113, земства — 117. Считается, что земства давали самые точные данные, потому что в их сборе лично участвовали компетентные специалисты, каковыми являлись земские статистики. Они тщательно готовили программу обследования, разъясняли населению его цели, сами собирали и обрабатывали полученные сведения. Земские данные были точнее других, но тем не менее их нельзя считать совершенно точными. Они все равно были заниженными. Крестьяне, несмотря на разъяснительную работу, боялись учета и не вполне доверяли земским статистикам. Например, организатор обследований в Воронежской губернии в 1890–1900-е гг. Ф. М. Щербина засвидетельствовал,

что крестьяне видели в переписях недобрые признаки, указывающие на участие в деле чуть ли не антихриста, во всяком случае нечистой силы; перепись считали «нечистым» и вредным для них делом. Для отвращения нечистой силы старухи старались вкладывать кресты в ящики тех столов, на которых вели записи регистраторы; ставили крестики мелом на скамейках, на полу, иногда даже на спине или подошве сапога у регистраторов; читали молитвы, производили заклинания и т. п. Я привел хорошо известную специалистам информацию о несовершенстве статистики урожая. Но ведь занижались и все другие сведения — о посевах, о скоте и т. д. Занижение урожаев, умноженное на занижение посевов, дает преуменьшение сборов хлебов до 30%. Преуменьшение численности скота преувеличивает степень имущественного расслоения крестьянства. И, несмотря на это, находились и находятся историки, считающие урожайные сведения, в том числе из губернаторских отчетов, заслуживающими полного доверия и не нуждающимися в поправках, — А. С. Нифонтов, С. А. Нефедов, А. В. Островский. Мотив у всех один — доказать, что положение крестьян как до, так и после крестьянской реформы 1861 г. ухудшалось. Если в официальные данные сборов зерновых внести поправки на понижение, то идея обнищания деревни лишается твердой опоры.

Чтобы убедить читателей в реальности огромного дефицита зерновых для питания крестьян в пореформенный период, С. А. Нефедов и А. В. Островский используют еще два аргумента — «голодный экспорт»

и большой расход хлеба на корм скоту. На самом деле хлеба для экспорта хватало, за исключением лет больших неурожаев. Но тогда экспорт ограничивался не только правительством, но и самим рынком. Во время неурожая цены на внутреннем рынке настолько поднимались, что зерно выгодно было продавать внутри страны.

Столь же несостоятелен аргумент о фураже для скота. Для оценки расхода зерновых на корм крестьянского скота мои оппоненты принимают образцовые нормы, принятые наукой и рекомендованные для армии. Между тем земледельцы такой возможности не имели и кормили скот по своим, более низким крестьянским нормам. Я провел, что называется, мыслительный эксперимент. Для 1901–1910 гг. мы располагаем фактическими данными о производстве и расходовании зерновых и картофеля на все нужды, кроме фуража, — на личное питание крестьян и горожан по бюджетным обследованиям, на экспорт, винокурение, армию и на семена. Если принять для прокорма крестьянского скота образцовые нормы, то для питания людей останется хлеба на 27% меньше, чем необходимо по *физиологическим нормам* для выживания! При таком огромном дефиците хлеба крестьяне в течение нескольких лет буквально вымерли бы. Скот съел бы людей! (См.: Страсти по революции... С. 160–161).

Теперь по поводу ревизий и ревизских сказок. Ревизии — это, по существу, десять переписей населения, которые производились с 1719 по 1857 г. с интервалом примерно

в 20 лет. Интересно само название переписи — «ревизия» (от позднелат. *revision*), что означает «пересмотр» или «переоценка». До ревизий в России проводились подворные переписи, когда единицей учета и налогообложения служил двор. В 1710 г. Петр I решил провести новую подворную перепись, потому что после последней переписи 1678 г. прошло 32 года, численность населения и, соответственно, число налогоплательщиков должно было увеличиться. Однако вместо ожидаемого прироста число дворов сократилось почти на 20%. Повторная подворная перепись 1715–1717 гг. дала еще худшие результаты. Причина этого состояла в том, что население искусственно укрупняло дворы, чтобы не платить государственные налоги. Ради этого самостоятельные семьи поселялись в границах одного двора и, продолжая вести самостоятельное хозяйство, числились одним двором и, соответственно, платили налоги за один двор.

В ответ на это правительство решило ввести новую систему обложения — подушную и провести новую перепись, которая позволила бы пересмотреть и переоценить число налогоплательщиков. В 1718 г. провели первую ревизию, численность населения сравнительно с 1678 г. увеличилась, но незначительно — примерно на 10–12%. Власти заподозрили утайку душ и решили проверить результаты переписи. Проверка обнаружила: пропущенное население составило около 25% от всего податного населения. И это несмотря на серьезное наказание, грозившее за утайку. Пропущенные крестьяне церковных и монастырских имений

передавались в казну вместе с землями, которые они обрабатывали. Отодворцы и татары за утайку душ подлежали наказанию кнутом. Кроме того, за каждую утаенную душу у них должны были забрать одного человека в рекруты. Помещики должны были заплатить за утаенных крестьян двойную подать. Выборные крестьянские власти, которые не внесли крестьян в ревизию, подлежали смертной казни. Учитывая масштаб утайки, смертную казнь пришлось заменить другими наказаниями. С той поры после каждой ревизии проводилась проверка, которая уточняла число душ. Население извлекло уроки после первой ревизии. В последующих переписях утайка сильно уменьшилась, но не исчезла. По 3-й и 5-й ревизии она составила 5%, по остальным — около 3%. Разумеется, речь идет лишь о выявленной утайке. Действительное число пропущенного населения неизвестно, и узнать его невозможно.

Второй недостаток ревизий состоит в том, что только в 6 из 10 ревизий учитывалось женское население. А когда оно фиксировалось, то данные не обобщались в масштабе уездов, губерний и страны в целом, а оставались только в первичных переписных листах — ревизских сказках. Ввиду этого при оценке общей численности населения число женщин приравнивалось равным числу мужчин. На самом деле доля женщин в населении изменялась: в XVIII в. их было меньше мужчин, а в XIX в. больше.

Наконец, третий недостаток ревизий, прямо относящийся к вашему вопросу о возможности реконструиро-

вать социальную структуру империи в период крепостного права. Ревизии не регистрировали дворянство, духовенство и другие категории неподатного населения. Их численность была невелика — около 3% всего населения. Но это были очень важные strata, без которых социальная структура населения не может считаться достоверной. К счастью, имелись другие демографические источники, которые фиксировали привилегированные социальные группы — церковный и административно-полицейский учет.

С. Э. Я помню ваш доклад о росте рекрутов и призывников в СПб ИИ РАН в начале 2000-х и был впечатлен тем, что вы открыли новый, неожиданный источник вычисления уровня благосостояния, прежде всего крестьян. Тем не менее ваши выводы по данной теме также подверглись критике на том основании, что измерения, которые в разное время делались по разным методикам, невозможно сопоставлять между собой. Что бы вы могли возразить вашим критикам?

Б. М. Не я открыл зависимость между уровнем и качеством жизни и ростом (длиной тела) населения. На шумерском языке сохранилась глиняная табличка, датируемая 3500 г. до н.э., с записью о том, что знатные люди отличаются более высоким ростом и лучшим здоровьем по сравнению с людьми низкого общественного положения. Можно считать, что проблема социальной обусловленности длины тела была поставлена неизвестным наблюдателем из Междуречья по крайней мере 5,5 тыс. лет тому назад. Древние египтяне, китайцы, индусы, греки и римляне

стали измерять человеческое тело. Однако и в древности, и много позднее, в Европе Нового времени, вплоть до XVIII в., главный интерес сосредоточивался на определении идеальных форм и пропорций тела, а не на оценках его размеров. Только в XVIII в. повсеместно в Европе возникла традиция измерения новобранцев для оценки пригодности к службе, и на этой почве появился интерес к собственно размерам тела, которые стали рассматриваться в качестве критериев уровня физического развития. В первой половине XIX в. в антропологии появилась школа, связывавшая повышение или понижение длины тела населения с изменением уровня жизни. С 1950-х гг. антропометрические данные приобрели многофункциональное назначение: стали использоваться в экономических, социальных, медицинских и даже политических целях.

Но как научное направление историческая антропометрия институционализировалась позже. Годом ее рождения считается 1969-й, когда известный французский историк Э. Ле Руа Ладюри опубликовал работу, доказывающую, что в XIX в. рост французских новобранцев и благосостояние населения изменялись согласованно, а вариации в длине тела между различными социальными группами зависели от их социально-экономических характеристик (социального статуса, образования и т.п.). Его исследование получило развитие в работах американского экономиста Роберта Фогеля и его коллег и стало важным направлением в экономической истории в Европе и США. В 1993 г. Фогель за свои исследования получил Нобелевскую премию. В России ан-

тропометрические данные в качестве показателя биологического статуса населения первыми стали использовать физические антропологи. А в социально-экономической истории России, насколько мне известно, первым применил этот подход я в 1994 г. в докладе на международной конференции в Мюнхене «Diet and Health of the Russian Population from the Mid-Nineteenth to the Beginning of the Twentieth Century», который в 1995 г. был опубликован.

Теперь что касается критики результатов моих исследований по исторической антропометрии. Антропометрические данные в российских публикациях я впервые использовал в 1999 г. в книге «Социальная история России периода империи». В большой книге они не были замечены. Зато маленькая статья 2002 г. «Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным» вызвала, мягко говоря, энергичную критику со стороны Б. В. Ананьича. Она сводилась к тому, что «бухгалтерский подход» — так автор называл антропометрический подход — дает искаженную картину прошлого: «Чисто бухгалтерский подход к событиям прошлого, без оценки исторических реалий (как это сделано в статье Б. Н. Миронова), не может служить основанием для того, чтобы представить читателю благодатную картину экономического развития России на рубеже XX в. Когда я читал статью Б. Н. Миронова, меня не покидала мысль, что это розыгрыш читателя, демонстрация искусства искаженного изображения прошлого с помощью ошеломляющего

обилия цифрового материала и отсылок на англоязычные издания». Мне потребовалось четыре года, чтобы добиться публикации ответа в том же ежегоднике «Экономическая история» (2006), и только благодаря вмешательству академика-секретаря ОИФН РАН Анатолия Пантелеевича Деревянко, посчитавшего полезным продолжить дискуссию.

После этого научные споры сосредоточились в Санкт-Петербургском институте истории РАН в связи с обсуждением рукописи моей новой монографии «Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века», подготовленной к печати. В общероссийском масштабе страсти разгорелись в 2010 г., после выхода ее в свет. Многим коллегам книга не пришлась по душе просто из-за негативного отношения к самому антропометрическому подходу. Они полагали, что зависимость между ростом людей и уровнем жизни — искусственная закономерность, это идея фикс, моя выдумка, за которой ничего резонного не стоит. Аргументы приводились разные, вроде: «У меня есть брат, мы росли в одной семье и нас кормили одинаково, а он выше меня ростом». Некоторые просто объявляли: «Не верится», «Сомнительно», «Неубедительно», не приводя никаких контраргументов. Меня это крайне удивило. Мне казалось, что любому человеку без предубеждений зависимость между условиями жизни в детстве (питанием, уходом и т.п.) и здоровьем и ростом кажется явлением нормальным, даже если ему это раньше в голову не приходило. Наверное, не найти взрослых людей, имеющих детей, которые бы не знали, что здоровье и рост

ребенка зависят от ухода за ним. Те, кто выращивает цветы или содержит домашних животных, знают: ухаживай за цветами — они вырастут красивыми; корми хорошо любимую кошку или собаку — будет она здоровой, рослой, с хорошей густой шерстью.

Ан нет! Если законы природы противоречат стереотипам, убеждениям и интересам, они отвергаются. Коперник, Галилей, Дарвин и сотни других пострадали по этой причине. Поэтому в нашем случае особенно взволновались те, чьи научные взгляды были поставлены под сомнение — творцы концепции системного кризиса позднеимперской России, сторонники происхождения русских революций по причине обнищания трудящихся, т. е. прежде всего историки, работающие в марксистской парадигме. Об этом свидетельствует тот факт, что опубликованные мною данные о динамике длины тела россиян в XVIII в. никого не взволновали — они говорили о снижении уровня жизни в это столетие.

Одни обвинили меня в биологическом детерминизме (д-р ист. наук А. А. Куренышев), вторые заявили об опасности антропометрии, поскольку ее данные использовались в криминальной антропологии и расистских теориях фашизма (д-р ист. наук П. П. Щербинин). Третьи называли меня лжеисториком и в моей книге видели «самые худшие образцы банальной конспирологической беллетристики» (канд. филос. наук С. А. Ермолаев). Четвертые обвиняли в аморальности: «“Антропометрические” приемы Миронова аморальны — к истории людей нельзя подходить как к истории скотов, набирающих или теряю-

щих вес под наблюдением правительственных зоотехников» (д-р ист. наук В. П. Булдаков). Пятые утверждали, что я выполняю политический заказ, имеющий целью придать научную видимость представлениям, будто накануне 1917 г. в России все обстояло благополучно. И намекали на заказ от спецслужб США и на мое пребывание на содержании у врагов русского народа (д-ра ист. наук С. А. Нефедов и А. В. Островский). Здесь наука заканчивается и невольно вспоминаются времена, когда против ученых выдвигались подобные обвинения.

Вначале идея, лежащая в основе антропометрического подхода к уровню жизни, отвергалась значительной частью историков в принципе. Соответственно, не принимались и выводы, сделанные на базе антропометрических данных. Интересно, что социологи, экономисты, антропологи, политологи встретили антропологический подход весьма положительно. Однако позже, когда оппоненты узнали, что историческая антропометрия — направление в мировой историографии, что в каждой приличной в научном отношении стране есть историки (в основном экономические), этим занимающиеся, ситуация изменилась. Лобовая атака захлебнулась, критика антропометрии как направления утихла. Оппоненты (фактически их осталось уже трое — С. А. Нефедов, А. В. Островский и М. Элманн) стали искать ошибки в моей методике. Во-первых, они стали утверждать, что **ввиду изменений требований к росту новобранцев** данные о росте новобранцев являются несопоставимыми, вследствие чего правильную динамику роста на их основе построить невозможно. Это не соответству-

ет фактам. До введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. требования к росту новобранцев действительно изменялись, как правило, в сторону понижения, что делало данные за разные годы не вполне сопоставимыми. Но в современной исторической антропометрии эта проблема успешно решается с помощью метода максимального правдоподобия, и для его применения разработана специальная компьютерная программа. Метод унифицирует выборки за разные годы и делает их однородными и сопоставимыми. Эта стандартная методика обработки ростовых данных, принятая в мировой антропометрии, в моих работах (особенно в книге «Благосостояние населения») подробно объяснена. Кроме того, если бы я не учитывал снижение ростового ценза, то полученные мною данные **занижали** бы средний рост новобранцев, и, значит, позитивная динамика длины тела преуменьшалась бы, а не преувеличивалась, как думают оппоненты.

Далее критики полагают, что даже данные о росте новобранцев, принятых на службу в 1874–1912 гг., нельзя считать сопоставимыми, т. к. в 1890 г. изменилась методика учета ростовых данных в воинских присутствиях. Объясню суть проблемы.

От рекрутских присутствий не требовалось вычислять **средний** рост новобранца в волости, уезде или губернии, и они его не считали. Чинovníки присутствий должны были лишь распределить рекрутов по 11 ростовым интервалам для удобства их последующего отправления в строй. Дело в том, что различные рода войск предъявляли разные

требования к росту: новобранцы ростом выше 2 аршин 8 вершков (от 175 см и выше) направлялись в гвардию и гренадеры, самые низкорослые — в пехоту и т. д. Согласно инструкции 1874 г. уездные присутствия в своих годовых отчетах распределяли освидетельствованных рекрутов по 11 интервалам:

- I) 2 аршина 2 ½ вершка00000
- II) до 2 аршин 3 вершков ...00000
- III) до 2 аршин 4 вершков ...00000
- IV) до 2 аршин 5 вершков...00000
-
- XI) до 2 аршин 12 вершков ...00000

На основании этих данных сами исследователи должны вычислять средний рост новобранцев в уезде, губернии или России в целом. Стандартная статистическая методика происходит следующим образом: (1) определяется середина каждого из 11 интервалов (в аршинах и вершках), (2) середина интервала умножается на число рекрутов в данной интервальной группе, и получается 11 произведений, (3) эти 11 произведений складываются, (4) полученная

общая сумма делится на число рекрутов во всех 11 группах (на общее число рекрутов). И здесь возникает вопрос: как чиновники конструировали интервалы при распределении рекрутов по интервалам? В инструкции ни верхняя, ни нижняя граница интервалов не были точно определены (в статистике это называется открытым интервалом). Например, 2-й интервал — до 2 аршин 3 вершков — не имеет точных границ. В силу этого перед чиновником возникал вопрос: если рост рекрута 2 аршина 3 вершка — в какую интервальную группу нужно его включать — во II или III? Если рост новобранца 2 аршина 4 вершка, то включать в III или IV? И т. д. В соответствии с решением о верхней границе интервала определялась нижняя граница интервалов. Чтобы решить этот вопрос, чиновник должен был, по сути дела, открытые границы интервалов превратить в закрытые (конечно, при этом он не размышлял в статистических категориях). Теоретически при конструировании интервалов с округлением исходных данных до 1/8 вершка можно использовать два варианта:

№ интервала	Конструирование интервалов		Середина интервала, см		Разница, см
	1-й вариант	2-й вариант	1-й вариант	2-й вариант	
I	2 арш. 2 4/8 вер.	2 арш. 2 4/8 вер.	153,4	153,4	0,0
II	2 арш. 2 5/8 верш. — 2 арш. 3 верш.	2 арш. 2 5/82 верш. — 2 арш. 2 7/8 верш.	154,7	154,5	0,2
III	2 арш. 3 1/8 верш. — 2 арш. 4 верш.	2 арш. 3 верш. — 2 арш. 3 7/8 верш.	158,1	157,5	0,6
IV	2 арш. 4 1/8 верш. — 2 арш. 5 верш.	2 арш. 4 верш. — 2 арш. 4 7/8 верш.	162,5	162,0	0,5
V	2 арш. 5 1/8 верш. — 2 арш. 6 верш.	2 арш. 5 верш. — 2 арш. 5 7/8 верш.	167,0	166,4	0,6
VI–X	
XI	2 арш. 11 1/8 верш. — 2 арш. 12 верш.	2 арш. 11 верш. — 2 арш. 11 7/8 верш.	193,6	193,1	0,5

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Вследствие изменения границ 10 интервалов средний рост новобранцев, находившихся в этих интервалах, должен различаться на величину изменения границ интервала (потому что средний рост соответствует середине интервала). В первом и втором вариантах агрегирования **середина I интервала** одинакова, потому что в обоих случаях там указывается ростовой ценз; **во II интервале** различие составляет 1/16 вершка, или примерно 2,4 мм, поскольку увеличилась только верхняя граница интервала на 1/8 вершка. **Середина III–XI интервалов** в первом варианте агрегирования будет на 1/8 вершка, или на 5–6 мм, больше, чем во втором варианте, потому что верхняя и нижняя границы интервалов сдвинулись на 1/8 вершка, или 5,6 мм. Величина расхождений среднего роста, вычисленного по двум вариантам, зависит от степени округления исходных данных — чем грубее округление, тем различия больше, и наоборот. В монографии «Благополучие населения и революции в имперской России» при вычислениях средней длины тела применялась специальная компьютерная программа, которая позволяла округлять исходные данные до 1/16 вершка. В этом случае различия среднего роста, вычисленного по первому и второму варианту, уменьшились до 1/16 вершка — до 2,8 мм. Величина столь незначительная, что ею можно пренебречь.

В 1890 г. Управление по делам о воинской повинности МВД разослало во все воинские присутствия циркуляр, в котором требовалось несколько изменить форму представления годовых отчетов о длине тела новобранцев. Раньше форма имела следующий вид:

I) 2 аршина 2 ½ вершка 00000
II) до 2 аршин 3 вершков 00000
III) до 2 аршин 4 вершков 00000
IV) до 2 аршин 5 вершков 00000
.....
XI) до 2 аршин 12 вершков 00000

С 1890 г. форма должна быть такой:

I) 2 аршина 2 ½ вершка..... 00000
II) до 2 аршин 3 вершков **включительно** 00000
III) до 2 аршин 4 вершков **включительно** 00000
IV) до 2 аршин 5 вершков **включительно** 00000
.....
XI) до 2 аршин 12 вершков **включительно** 00000

«Включительно» — важное дополнение, потому что открытые интервалы для агрегирования ростовых данных стали закрытыми, и теперь чиновники без колебаний должны были использовать первый вариант агрегирования. Однако, как я выяснил, и до циркуляра 1890 г. в присутствиях использовался первый вариант. Циркуляр просто его формально подтвердил. Но по мнению моих оппонентов, ни на чем не основанному, до 1890 г. присутствия использовали второй способ агрегирования первичных данных, а после 1890 г. — первый, что привело к завышению среднего роста новобранцев примерно на полвершка, или на 2,5 см, в результате чего рост новобранцев, призванных в 1890–1912 гг., уменьшился, а не увеличился, как полагаю я. Этот вывод ошибочен. Само по себе изменение величины интервалов влияет только на средний рост и численность новобранцев в отдельных интервалах. Средний рост всех рекрутов из 12 интервальных групп остается

ся постоянным. Проблема может возникнуть в том случае, если чиновники при распределении новобранцев по росту использовали одни интервалы, а исследователи при подсчете среднего роста — другие. Например, чиновники применяли 1-й вариант интервалов, а я — 2-й вариант, или наоборот — чиновники использовали 2-й, а я — 1-й вариант. В подобных случаях различия среднего роста, подсчитанного по двум вариантам, будут отличаться на величину изменения середины интервалов, т.е. на $1/8$ вершка или 5,6 мм, если рост оценивался с точностью до $1/8$ вершка, или на $1/16$ или 2,7 мм, если рост оценивался с точностью до $1/16$ вершка.

Для всего изучаемого периода, 1874–1913 гг., я использовал единый 1-й вариант интервалов. Поэтому если интервалы в 1890 г. изменились, как полагают оппоненты, то надо вносить поправки в данные за 1874–1889 гг., уменьшая их на 3–6 мм. Но в таком случае увеличение среднего роста в 1890–1913 гг. будет на 3–6 мм больше, чем определил я, и тенденция повышения длины тела новобранцев будет еще явственнее. Однако вносить поправки не нужно, поскольку «включительно» не изменило интервалы агрегирования ростовых данных в воинских присутствиях. Слегка изменилась только форма представления годового отчета. Характерно, что циркуляр не содержал пояснений и объяснений, как по-новому распределять ростовые данные по возрастным интервалам. Между тем во всех случаях, когда в методику сбора или обработки любых официальных сведений вносились какие-либо изменения, они подробно разъяснялись. Отсутствие в циркуляре каких-либо пояснений

и объяснений привело воинские присутствия к выводу, что все остается по-прежнему, и они долгое время представляли годовые отчеты по старой форме, без слова «включительно». И они были правы — циркуляр не требовал изменить методику агрегирования ростовых данных. Само Управление по делам о воинской повинности и Центральное статистическое управление в ретроспективных сводках сведений о росте за 1874–1913 гг. указывали 11 ростовых интервалов единообразным способом, как было утверждено в 1874 г. В ежегодных отчетах Военного министерства также указывались единые ростовые интервалы для 1874–1912 гг.

Следующее замечание по методике работы с ростовыми данными состоит в том, что средний рост рабочих, вычисленный на основе *выборочных* индивидуальных данных по сведениям земских врачей, и средний рост новобранцев, вычисленный на основе *суммарных* данных в воинских присутствиях, полностью не совпадают. Математическая статистика утверждает: полного совпадения выборочных средних не должно быть вследствие наличия стандартных ошибок выборок. Во-первых, по причине различного числа наблюдений (измерений): индивидуальные данные о росте рабочих охватывали от нескольких десятков до нескольких тысяч рабочих на империю в год. Суммарные данные о новобранцах охватывали от 100 тыс. до 400 тыс. человек в год. Во-вторых, рабочие и новобранцы относились к различным социальным группам, отличавшимся социальным статусом, грамотностью, возрастом, семейным положением и другими характеристиками, оказывавшими влияние

на рост человека. Было бы странным, если бы при таких условиях выборочные средние полностью совпадали.

С. Э. Многие критикуют вашу концепцию успешной модернизации Российской империи в конце XIX — начале XX в. Даже те, кто не исходит из марксистского тезиса абсолютного и относительного обнищания рабочего класса, задаются вопросом, каким образом рост благосостояния привел к трем революциям?

Б. М. Никто не считал, сколько историков мою концепцию принимают или отвергают. Поэтому говорить «много» или «мало» критиков затруднительно. Если основываться на рецензиях или обсуждениях на круглых столах, то большинство участников мою концепцию поддержало. Кратко расскажу, в чем ее суть.

В имперской модернизации можно выделить два этапа: 1) раннеимперский — XVIII — первая треть XIX в., 2) позднеимперский — вторая треть XIX в. — 1917 г. Верхнюю границу второго этапа я датирую первой третью XIX в. К 1830-м гг. относится начало промышленного переворота в России, с которым традиционно связывается переход от аграрного общества к индустриальному.

Великие реформы 1860–1870-х гг. дали мощный толчок для продолжения модернизации — с этого момента она стала по-настоящему многомерной и глубокой. Получили особенное развитие такие процессы, как индустриализация, профессионализация, секуляризация, индивидуализация, распространение средств массовой информации, рост социальной и про-

фессиональной мобильности, демографический переход, семейная революция, нацистроительство и, что особенно важно, развитие конституционализма и гражданского общества, рыночной экономики и частной собственности. Во всех перечисленных сферах был достигнут прогресс. Качество жизни российских граждан повысилось во всех отношениях, что является критерием успешности модернизации. Мы можем поэтому назвать позднеимперскую модернизацию успешной, несмотря на все издержки, трудности и периодические кризисы.

Отметим две характерные особенности позднеимперской модернизации. Первая — высокий темп, о чем говорит тот факт, что в 1880–1913 гг. российская экономика развивалась самыми высокими среди крупных европейских держав темпами. Вторая — незавершенность. К 1914 г. модернизация не завершилась, вследствие чего Россия не соответствовала в полной мере ни одному из критериев современного общества. Империя находилась на полдороге от традиционного общества к современному.

Итак, революции начала XX в. произошли в условиях быстрого экономического и культурного роста, повышения уровня жизни, на фоне успешной, но незавершенной модернизации. Традиция и современность находились в состоянии острого конфликта, в чем и состоял важнейший источник социальной напряженности в обществе. И это не нонсенс, а закономерность. Прогрессивные по сути изменения, имеющие позитивные результаты, обнаруживают свою негативную сторону именно в силу того, что являются изменениями,

нарушают устоявшийся, стабильный порядок, нарушают равновесие, ставят под сомнение или лишают смысла прежние навыки и привычки. В России, как и везде, именно высокие темпы и успехи модернизации создавали новые противоречия, порождали неведанные прежде проблемы, вызывали временные и локальные кризисы, которые при благоприятных обстоятельствах и благоразумии элит и правящего класса могли бы благополучно разрешиться.

На нескольких конкретных примерах проиллюстрирую тезис о противоречивых последствиях прогрессивных изменений. Возьмем коммерциализацию экономики — явление, как считается, прогрессивное. С одной стороны, она способствовала рационализации экономической деятельности, росту эффективности производства, производительности труда и доходности, обеспечивала улучшение потребления. Об уровне коммерциализации в городе данных нет, но в деревне она как минимум удвоилась, т. к. товарность сельского хозяйства возросла в два раза. Под влиянием коммерциализации росла материальная дифференциация и одновременно с ней социальная вражда между богатыми и бедными. Особенно драматические последствия имела коммерциализация в деревне. Крестьянам приходилось мыслить категориями «выгодно», «невыгодно», в то время как прежде мыслили в категориях «хорошо» или «плохо», «грешно» или «добродетельно». Принципиально разрушалась вся системы традиционных ценностей. Человек человеку — не сосед и товарищ, а конкурент и соперник. За все надо платить. Все продается

и покупается. Представьте, как страдал в это переходное время традиционный крестьянин! Произведения Г. Успенского хорошо иллюстрируют стресс, испытываемый земледельцами под влиянием монетизации человеческих отношений. В итоге положительный в принципе и по далеким последствиям процесс принес в деревню в кратко- и среднесрочной перспективе массу социально-экономических проблем и увеличил социальную напряженность и вражду.

Урбанизация — не менее прогрессивный процесс. Земледельцы приезжали в город, устраивались на работу, получали там — по крестьянским меркам — приличную заработную плату. Одновременно они приобщались к городской культуре и цивилизации, овладевали новыми компетенциями и современными стандартами поведения. Но что за жизнь была у них в городе (по крайней мере на первых порах)? Оставшись без поддержки родственников, без дома и семьи, в отрыве от привычной жизненной обстановки, они фактически превратились в социальных маргиналов. А как чувствовали себя их семьи в деревне, оставшись без кормильца, хозяина и защитника?

В ходе прогрессивной индустриализации сотни тысяч крестьян изменили традиционный земледельческий образ жизни на новый индустриальный и благодаря этому повысили материальный достаток. Индустриализация способствовала росту их образования и культуры, приобщала к техническому прогрессу, изменяла образ жизни и менталитет. Но сделали ли жесткий и напряженный режим работы, строгая дисциплина, увеличение про-

должительности труда и прочие радости работы на заводе или фабрике их счастливыми? Если сравнить сельскохозяйственный и промышленный труд — это как рай и ад для крестьянина. Сельский труд на свежем воздухе. Когда нужно и есть охота — можно поработать больше, когда нет — меньше. Много праздников, свободная жизнь, сам себе хозяин. Есть дом, семья и всегда поддержка родственников. О «счастливой» жизни рабочих говорит тот факт, что по криминогенности (числу преступлений на 1000 человек) рабочие, в подавляющем числе крестьяне по сословной принадлежности, превосходили крестьян-хлебопашцев, проживавших в деревне, в 19 раз! В силу своей маргинальности именно рабочие шли в авангарде борьбы с царским режимом.

Семья трансформировалась из патриархально-авторитарной в демократическую, из составной в малую. В ходе семейной революции женщины и дети получали права и защиту. Снохачество, тиранство, побои жен и детей стали считаться по закону преступлениями. Трудно придумать какое-нибудь более прогрессивное изменение. Но всем ли это нравилось и приносило ли спокойствие в деревню? Что чувствовали в деревне мужики, когда их жены и невестки выходили из подчинения и жаловались в мировой суд на запрещение работать на стороне, на рукоприкладство, на снохачество? Суды призывали мужиков за это к ответу и наказывали. На этой почве между мужчинами и женщинами в семье возникали ссоры, конфликты, противоречия. С другой стороны, дети становились самостоятельнее и грамотнее родителей и хотели устраивать свою жизнь по своему усмотрению.

Нравилось ли это родителям? Отцы, когда отдавали мальчиков (и много реже девочек) в школу, стремились ограничить их обучение годом-двумя, чтобы они могли научиться лишь писать, читать и считать, не стали умнее отца и не вышли из послушания. Составные или большие семьи становились малыми. Это способствовало возникновению и усилению противоречий между родителями и детьми, между братьями, увеличивало число имущественных разделов, которые почти всегда сопровождалась ссорами и конфликтами. И позитивный, в сущности, процесс тоже создавал новые серьезные проблемы и увеличивал напряженность.

Аналогичные, прогрессивные по сути, процессы происходили в городе, и они, так же как в деревне, имели противоречивые последствия и способствовали росту социальных конфликтов и напряженности. Не избежали трудностей все городские социальные группы, включая мещан, ремесленников и дворян, значительная часть которых испытывала не только относительную, но и абсолютную депривацию.

Считается безусловным благом формирование гражданского общества со множеством добровольных общественных организаций; складывание правового государства с парламентом, верховенством закона, открытостью, гласностью, публичностью, многопартийностью. Однако эти прогрессивные процессы, составляющие суть политической модернизации, создали контрэлиту, породили настоящую борьбу за политическую власть, в ходе которой противники режима мобилизовали интеллигенцию

и народные массы в свою поддержку, организовали протесты, стачки и демонстрации, призывали к революционной замене существующего строя.

Таким образом, любой прогрессивный процесс модернизации имел противоречивые последствия и создавал массу проблем, в особенности на первом этапе. Это явление в социологии называется *травмой социальных изменений*.

Мои оппоненты часто искажают мою концепцию с помощью приема, который первым применил Б. В. Ананьич в статье против использования антропометрических данных. «Б. Н. Миронов, — писал он, — представил читателю благостную картину экономического развития России на рубеже XX в.». Слово «благостный» в толковых словарях трактуется как «приятный, умиротворяющий, приносящий благо». Следовательно, «благостная картина экономического развития» — это такое развитие, которое приносит всем благо, умиротворение и удовольствие. Что ни в коей степени не соответствует тому, что я имею в виду. Я говорю об улучшении, а не о том, что народ стал благоденствовать. «Положение улучшается» вовсе не означает, что «положение хорошее». Критики подменяют понятия. Лейтмотив всех моих работ, посвященных уровню жизни, совсем другой. Вот в подтверждение несколько цитат. «Несмотря на позитивную динамику зарплаты российских рабочих в конце XIX — начале XX в., было бы легкомысленно думать, что они благоденствовали. Тренд и уровень жизни — различные ракурсы при оценке благосостояния. Уровень жизни в России повышался, но, как и всюду в Европе, он был то-

гда низким» (Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. С. 205). «Народ жил скромно, но — подчеркну — не нищенствовал, как часто утверждается: основные материальные потребности удовлетворялись, причем с конца XVIII в. и вплоть до начала Первой мировой войны уровень жизни рос среди всех слоев населения, включая крестьян и рабочих» (Там же. Т. 3. С. 728). Этот вывод относился и к привилегированным слоям населения: «Преобладающая часть людей, относившихся формально к привилегированным слоям, на самом деле существовала скромно, вместе с огромным большинством россиян — крестьянством и мещанством» (Благосостояние населения. 2-е изд. С. 380). Как видим, оппоненты приписывают мне идеи, которые я категорически не разделяю.

Итак, в начале XX в. народ жил скромно, хотя его положение сравнительно с концом XVIII в. улучшилось. Кроме того, надо учесть, во-первых, что уровень скромности в начале XX в. был намного ниже, чем в настоящее время, и, во-вторых, — и в этом самое главное — что *рост потребностей постоянно обгонял возросший уровень жизни*. Все хотели больше того, что реально возможно было иметь при тогдашних экономических и финансовых ресурсах, культуре и производительности труда. Возникла *относительная депривация* — психологическая неудовлетворенность достигнутым повышением уровня жизни, разрыв между тем, что есть, и тем, что хочется и должно быть с точки зрения людей. Когда относительная депривация охватывает целые социальные группы, она становится причиной яростной агрессии против властей, элит и законов.

Конфликт традиции и современности можно назвать кризисом. Однако такой кризис не имеет ничего общего с тем пониманием системного кризиса, которое доминировало в советской историографии и до сих пор широко бытует в современной литературе, — как всеобщего и перманентного кризиса, превратившего российский социум в несостоятельную и нежизнеспособную систему, неспособную развиваться и приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни и обеспечивать благосостояние граждан. Кризис российского социума был болезнью роста, свидетельствовал о его развитии, а не о приближении его конца, представляя собой скорее мутацию и трансформацию, чем упадок. Кризис не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее предпосылки, только возможность, ставшую реальностью в силу особых обстоятельств — военных поражений, трудностей военного времени и непримиримой, ожесточенной борьбы за власть между оппозиционной общественностью и монархией.

Рост социальной напряженности, конфликтов, протестных движений в пореформенное время являлся результатом прогрессивных социальных изменений в обществе, последствием предоставленной свободы огромной массе прежде бесправных людей, результатом быстрого развития рыночной экономики и невероятного прежде роста потребностей и ожиданий. Высокие темпы модернизации создавали новые противоречия, порождали новые проблемы, вызывали временные и локальные кризисы, которые при неблагоприятных обстоятельствах перерастали

в большие, а при благоприятных могли бы благополучно разрешиться.

С.Э. Вроде даже есть закон, что все революции начинаются на экономическом подъеме, а на спаде их не происходит.

Б.М. Действительно, в последнее время историки обнаружили, что английская, французская и другие революции происходили на фоне позитивных изменений в обществе, им предшествовал не кризис, не обнищание населения, а экономический подъем и значительный прогресс во всех сферах жизни. Голодный человек думает о том, как и где найти пищу, а не о смене политического режима и революционных преобразованиях. Стало также очевидным, что положительные изменения в обществе на первых порах создают трудности и социальное напряжение. Даже если во время модернизации жизнь улучшается, социальное напряжение увеличивается. Это социологическая закономерность. «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен», — сказал Конфуций.

С.Э. Вы писали о том, что предреволюционная интеллигенция манипулировала данными, чтобы представить ситуацию в российской действительности как безысходную, и тем самым провоцировала «великие потрясения». Действительно, в сравнении с «реакционным» самодержавием «прогрессивный» сталинский социализм был адом. Есть ли послереволюционные свидетельства интеллигентов, в которых они признают свою ответственность в том, что произошло с Россией?

Б. М. Интересный вопрос. Некоторые видные лидеры интеллигенции признали свои ошибки в оценке пореформенного развития России, хотя в большинстве случаев косвенным путем. Ревизия парадигмы системного кризиса империи началась уже накануне Первой мировой войны. В декабре 1913 г. известный, уважаемый либерал и земский деятель Е. Н. Трубецкой в либеральном журнале «Русская мысль» опубликовал статью «Новая земская Россия», в которой почти с восторгом отмечал: «Два новых факта в особенности поражают наблюдателя русской деревни за последние годы — подъем благосостояния и поразительно быстрый рост новой крестьянской общности». Успехи были столь быстры и значительны, что Трубецкой опасался, как бы повышение уровня жизни не привело к забвению духовных ценностей. Статья Трубецкого вызвала большой резонанс; его выводы поддержали известные оппозиционные деятели. Например, ученый народнической ориентации Ф. А. Щербина отметил изменение менталитета крестьянства как первопричину позитивных сдвигов. Один из лидеров правых эсеров и известный публицист И. И. Бунаков-Фондаминский пенял городской интеллигенции, что она не заметила коренных сдвигов в деревне. П. Б. Струве подчеркнул отставание общности от быстро развивавшейся жизни. Начавшаяся война помешала этим взглядам оформиться в новую концепцию, т. к. не замечать очевидного прогресса в России становилось идеологической слепотой. Известный статистик-либерал А. А. Кауфман прямо признал ошибочность своих выводов относительно дина-

мики урожаев после крестьянской реформы, на которых в значительной степени основывались выводы об обнищании крестьянства. «Я приходил к выводу, что урожаи у нас в России остаются более или менее стационарными, — писал он в 1917 г. — Однако новейшие подсчеты заставляют отказать от этого вывода. Последовательный рост урожайности в течение последнего полувека не может подлежать сомнению. Средний урожай для 1901–1910 гг. для крестьянских земель почти наполовину, для владельческих — почти на две трети выше, чем в 1861–1870 гг. Рост урожайности как на владельческих, так и на крестьянских землях идет ускоряющимся темпом».

После Октябрьского переворота либералы, оказавшиеся в эмиграции, сформулировали новую точку зрения на пореформенное развитие страны в своих мемуарах, публицистике и исторических работах. Видные кадеты В. А. Маклаков, Н. И. Астров и М. М. Карпович сформулировали концепцию потерянных возможностей. В. А. Маклаков делал акцент на позитивной динамике гражданского общества и правового государства, М. М. Карпович — на «ошеломляющих» экономических успехах начала XX в. и возможности решения социальных проблем мирным путем. Н. И. Астров подчеркивал всесторонность прогресса. «Еще какой-нибудь десяток лет, — утверждал он, — и Россия стала бы непобедимой, могучей и уравновешенной в своих внутренних силах. Она выходила уже на путь правового порядка, свободной самостоятельности и свободного развития своих производительных сил». П. Н. Милоков, более сдер-

жанно оценивавший успехи страны в предвоенный период, признавал, что главные причины Февральской революции были отнюдь не экономическими, а лежали в плоскости политики и культуры. Даже в самый канун революции, по его мнению, не наблюдалось обеднения широких масс населения. В. А. Маклаков в своих воспоминаниях «Власть и общественность на закате старой России», написанных в эмиграции, прямо признал, что в развязывании гражданской войны между властью и оппозицией «вина общественности, пожалуй, больше, чем власти».

Поистине: что имеем — не храним, потерявши — плачем.

С. Э. Каковы ваши творческие планы?

Б. М. Начал работать над новой для меня темой — «Распад Советского Союза в человеческом измерении». На этот сюжет уже написано сотни статей и книг. Хочется на эту проблему посмотреть в другом ракурсе. Опираясь на данные всесоюзных переписей населения СССР 1926, 1939, 1959, 1979 и 1989 гг. о развитии человеческого капитала, оценить, какого прогресса достигли союзные и автономные республики за годы советской власти в различных сферах жизни, чем они были довольны и недовольны, как это повлияло на амбиции республиканских элит и их стремление к отделению. Работа по оцифровке материалов переписей практически закончена. На очереди анализ. Хотелось бы в течение трех лет написать на эту тему книгу.

“GOD FORBID YOU TO LIVE IN AN ERA OF CHANGE”. Interview with B. N. Mironov

Mironov Boris N. — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Key words: discussions about Russian modernization and revolution, anthropometry, cliometry, statistical sources, A. L. Shapiro, A. G. Mankov, B. N. Mironov.

Abstract. The most cited historian of Russia, laureate of the V. O. Klyuchevsky of the Russian Academy of Sciences for his outstanding contribution to the history and Slavic studies gave an interview to S. E. Erlich, scientific director of the journal “Historical Expertise”. It touches upon questions about the formation of B. N. Mironov as a historian in his student and postgraduate years, about his scientific advisers and professional career. In the conversation, most of all attention was paid to the heated discussions that are taking place around his research on modernization and Russian revolution of 1917, as well as his cliometric, in particular anthropometric, works and the quality of historical sources. B. N. Mironov shares his creative plans, which speak of a change in his research interests.

Д. Я. Травин

МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА МИРОНОВА

Ключевые слова: имперская Россия, модернизация, революция, Первая мировая война, исторические оптимисты и пессимисты.

Аннотация. Д. Я. Травин дает оценку модернизационной концепции революции, отмечает ее сильные стороны и делает некоторые замечания. Он соглашается с Б. Н. Мироновым в том, что российская революция являлась побочным продуктом успешной модернизации, что именно ее успехи породили проблемы, что ускоренное, а в ряде случаев и преждевременное проведение реформ потребовало больших издержек и жертв. По мнению автора, между имперской и советской модернизацией в действительности больше кардинальных различий, чем представляется Б. Н. Миронову. Он также сомневается, что авторитарный стиль управления может быть оптимальным для достижения максимальной эффективности труда и наилучшим образом обеспечивать общее благо.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-310-318

Книга доктора исторических наук Бориса Николаевича Миронова «Российская модернизация и революция» (Миронов 2019) относится скорее к исторической социологии, чем к истории как таковой (Миронов 2004). И в этом, думается, ее большое достоинство. Существует немало качественных исследований русской революции 1917 г. Из уже имеющихся в нашем распоряжении книг мы можем получить впечатляющую общую картину «красной смуты» и ее разнообразных последствий (Булдаков 2010; 2012), доскональный

анализ событий «революционного момента» в узком смысле слова (Рабинович 2008), серьезное исследование отдельных аспектов событий 1917 г. (Колоницкий 2001), а также яркие портреты ключевых фигур российской политики того времени (Колоницкий 2017). Работа над историей революции имеет, в свою очередь, долгую историю. Даже монографии, подготовленные в советское время, несмотря на идеологические и цензурные ограничения, приносили большую пользу читателям тех лет (Старцев 1982). Однако у чита-

© Д. Я. Травин, 2020

Травин Дмитрий Яковлевич — кандидат экономических наук, научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия); dtravin61@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

теля, интересующегося не столько этой конкретной (бесспорно, очень важной) страницей отечественной истории, сколько тем, что же происходит с нашей страной на протяжении «долгого времени», оставались серьезные вопросы даже после прочтения множества томов, посвященных революции. Почему эта революция привела к столь тяжелым последствиям для экономики и политики России, почему она привела к многочисленным жертвам? Можно ли сказать, что именно наша страна обречена на разрушительные революции, или все революции неизбежно приводят к трагедиям? Если эта проблема относится не только к России, то почему же мы сегодня видим, что наша страна отстает по многим экономическим и социальным показателям от других стран, в которых происходили известные революции Нового времени? Это все вопросы, скорее, не исторические, а социологические, но относящиеся именно к исторической социологии — той сфере науки, которая анализирует не сегодняшнее общество, а общество в развитии, в динамике.

В отечественной научной литературе наблюдается явный дефицит исследований по исторической социологии России. В то же время за рубежом историческая социология неплохо развивается, однако нечасто погружается глубоко в российские проблемы. Как по причине незнания ведущими западными социологами русского языка, так и потому, что наша страна вообще находится на периферии их внимания. В этой ситуации ответы на острые вопросы часто дают, к сожалению, авторы непрофессиональные, но готовые писать

много и доходчиво по любой из проблем, вызывающих интерес (Соловей 2008; 2016; Соловей, Соловей 2009). Б.Н. Миронов — один из немногих ученых, работающих в области исторической социологии ярко, профессионально и с большим успехом.

Думается, книгу «Российская модернизация и революция» следует изучать в связи с другими научными трудами автора, и в первую очередь с трехтомником «Российская империя: от традиции к модерну» (Миронов 2018а; 2018б; 2018в). Это широкомасштабное исследование, в основе которого лежала другая книга — двухтомник «Социальная история России» (Миронов 2003), фактически создавалось автором на протяжении нескольких десятилетий. Если слегка упростить, то можно сказать, что трехтомник представляет собой синтез 12 отдельных монографий (по числу входящих в него глав), каждую из которых можно читать и отдельно от других. Колонизация, социальная стратификация, демография, семья, город и деревня, крепостное право, община, государство, общественное мнение, право, уровень жизни, культура — все эти проблемы последовательно исследуются в трехтомнике. И завершается «Российская империя: от традиции к модерну» общими выводами, которые тоже фактически могут существовать как отдельная книга — краткая энциклопедия жизни нашей страны. Единственный важный аспект отечественной истории, отсутствовавший в трехтомнике в виде специальной главы, — это революция. Хотя о ней, конечно, много говорится в итоговой главе, а также в другой книге Б.Н. Миронова «Благосостояние населения и революции

в имперской России: XVIII — начало XX века» (Миронов 2012), специальный раздел в трехтомнике все же напрашивался. Трудно сказать, почему автор его не написал: был ли он еще не готов, или объем книги и так перешел за оптимальные рамки? Но через несколько лет раздел появился, как отдельная монография, которую мы сейчас и обсуждаем.

Думается, очень важно понимать связь этих двух книг Б.Н. Миронова. Если революция анализируется не просто как событие, а как результат российской модернизации (в трехтомнике даже точно и остроумно говорилось: «как побочный продукт успешной модернизации» (Миронов 2019: 3, 676), но в новую книгу этот оборот, к сожалению, не вошел), то для понимания причин революции мы должны видеть всю картину движения от традиции к модерну, нарисованную автором. Мы должны понимать, что происходило с российским обществом по мере развития экономики (особенно после отмены крепостного права). Мы должны видеть деревню и город, осознавая, кто, как и по каким причинам выбирался из сельской местности. Мы должны осознавать долгосрочные последствия трансформации крестьянского сознания. Без учета всех этих моментов наши представления о революции в историко-социологическом плане будут недостаточно полными. Книга «Российская модернизация и революция» содержит, естественно, некоторые выводы, следующие из анализа, проведенного в книге «Российская империя: от традиции

к модерну», но всю сложность большой картины нельзя передать в картине малой.

Б.Н. Миронов создает модернизационную концепцию Российской революции 1917 г., и в этом прежде всего состоит значение его труда. Автор убедительно опровергает представления, будто предреволюционная Россия находилась в состоянии тяжелого экономического кризиса (и тем более общего кризиса капитализма, как утверждалось порой в марксистской литературе прошлого). На самом деле наша страна находилась в состоянии модернизации. Возникали принципиально новые условия функционирования хозяйственной системы (особенно после отмены крепостного права). «С 1861 по 1913 г., — по данным автора, — темпы экономического развития стали сопоставимы с европейскими. Национальный доход за 52 года увеличился почти в 4 раза» (Миронов 2019: 16). Б.Н. Миронов приводит в своей книге не только статистические данные, но и важные оценки современника. Например, слова журналиста А.С. Суворина, сказанные в 1911 г.: «Все мы жалуемся каждый день, что ничего нам не удастся, во всем мы отстали... За мою жизнь, вот уже 50 лет, как я оглядываюсь сознательно, Россия до такой степени страшно выросла <...> что едва веришь»¹ (Там же: 71).

Здесь надо подчеркнуть следующее: Б.Н. Миронов говорит не о том, что Россия стала в результате модернизации беспроблемной богатой

¹ Примерно так же мы сегодня порой сетуем, что нам ничего не удастся в формировании демократического общества, но при этом за 30 лет Россия сильно изменилась в лучшую сторону.

страной (в такой стране революции, конечно, не случилось бы!), а лишь о том, что она успешно развивалась и к моменту революции сумела сдвинуться с мертвой точки. Однако при подобном движении вперед существует опасность напороться на «подводные камни». В полемике со своими оппонентами автор сам отмечал этот момент (Миронов 2014: 141–142).

И вот парадокс: именно из успехов произошли проблемы. Мы сможем это осмыслить, если откажемся от представления, будто модернизация — это только созидание, а революция — только разрушение. Отказ от черно-белой картины мира позволяет понять, что революция действительно является признаком успешной модернизации.

Успех модернизации для нас состоит, конечно, в том, что лучше работает экономика, повышается производительность труда, возрастают доходы населения, появляются разнообразные блага, доступные только человеку, живущему в современном обществе. Однако для обеспечения этого успеха должны произойти колоссальные перемены в структуре общества, связанные с урбанизацией и индустриализацией. Значительная часть сельского населения должна покинуть деревню, перебраться в город, устроиться на фабричную (заводскую) работу, целиком изменить свой образ жизни, привыкнуть, в частности, к той дисциплине труда, которой не знают крестьяне, работающие сами на себя в соответствии с природным циклом. Подобные перемены происходят для многих чрезвычайно болезненно. И дело здесь

не только в том, что в город уходят часто деревенские «скрытые безработные», т.е. те, кто уже не может обеспечить себя с помощью труда на земле и вынужден отправляться на заработки из-за плохой жизни, соглашаясь на самые тяжелые условия. Дело здесь и в том, что сам по себе городской образ существования является стрессом для многих плохо адаптирующихся к переменам людей из деревни. Даже если человек сознательно устремляется к новой жизни, надеясь на успех и благоприятные перспективы, даже если он находит хорошо оплачиваемую работу и устраивается на новом месте, он испытывает значительные трудности, привыкая к тем правилам, по которым не жили раньше его отцы и деды и по которым он сам не жил прежде.

Модернизация формирует многочисленные конфликты разнообразных групп населения — и именно потому, что общество приходит в движение. Возникают конфликты между рабочими и буржуазией, между консервативной государственной администрацией и желающим обрести новые права обществом, между этносами, между регионами, между поколениями, между стремящейся к переменам образованной частью населения и той частью, которая предпочитает жить в соответствии с традициями. Реформаторская часть предлагает осуществлять преобразования, консервативная их тормозит. Если данный конфликт не находит разрешения при помощи компромисса, усиливается вероятность революции.

Россия, конечно, не была обречена на революцию именно в 1917 г.

Однако трудно представить, чтобы весь этот комплекс противоречий, связанных с модернизацией общества, в определенный момент не вызвал «взрыва». Обострить противоречия могла большая война (так и получилось на деле). Но обострить противоречия могла бы и Великая депрессия, если бы к моменту ее начала Россия по-прежнему оставалась страной с рыночной экономикой, серьезно зависящей от спроса на ее продукцию. Модернизация не обрекает страну неизбежно пройти через революционную ломку (здесь нет жесткого детерминизма), однако сложность общественного устройства, с одной стороны, и скорость осуществляемых перемен — с другой, серьезно повышают вероятность такого рода исхода. Через несколько революций прошли Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия, Испания. Трудно представить себе, что Россия смогла бы как-то без революции обойтись. Российский путь преобразований не является путем особым. Это путь европейской модернизации, хотя с естественной для любой страны спецификой (Травин 2018).

Книги Б.Н. Миронова позволяют увидеть многочисленные подробности протекания вышеописанных сложных процессов в России. В небольшой статье стоит, пожалуй, выделить лишь важнейший вывод, к которому приходит автор: «Таким образом, в социально-экономическом, социобиологическом и психологическом отношении российские рабочие представляли собой нездоровое сообщество — агрессивную и гремучую массу, готовую взорваться при неблагоприятных обстоятельствах. К тому же основная их часть концен-

трировалась в немногих промышленных центрах и особенно в двух столицах, что делало их еще более социально опасными» (Миронов 2019: 217). Подробное изучение книг Б.Н. Миронова, содержащих большой объем информации, позволяет увидеть общую картину, из которой этот вывод следует, а также понять, почему рабочие, ставшие продуктом модернизации, в свою очередь произвели иной продукт — революцию, которая нанесла по модернизации сильный удар. При этом об обратном влиянии революции на модернизацию следует сказать особо.

В книге Б.Н. Миронова немного таких положений, с которыми хочется поспорить, но все же они существуют, как, наверное, во всяком новаторском масштабном исследовании, затрагивающем широкий круг сложных вопросов. Автор «Российской модернизации и революции» оспаривает характерное для многих исследователей (и автора этих строк в том числе) «противопоставление имперской и советской модернизации» (Там же: 55). Отмечается, что «трем поколениям советских людей усиленно прививалось социалистическое отношение к труду, которое в ряде аспектов приближалось к буржуазному. Был разработан комплекс специфических мер (ударники, социалистическое соревнование, хозрасчет, самозакрепление, стахановское движение и т.д.) для стимулирования труда. Существенно повысился уровень образования у работников всех социальных групп. В результате этого к концу советской эпохи трудовая мораль российских граждан продвинулась в сторону буржуазной» (Там же: 59). Нет сомнения в том, что

в советской хозяйственной системе осуществлялись попытки стимулировать труд. И без них, скорее всего, в СССР производилось бы меньше продукции. Однако пороки административной системы были в большей степени связаны с отсутствием рынка как механизма макроэкономического регулирования, чем с отсутствием стимулов к труду непосредственно на рабочем месте. Например, с помощью ударного труда могло производиться много продукции, которая на самом деле была не нужна экономике и попадала в производственные планы из-за ошибок планирования или, точнее, из-за того, что без рынка плановые органы вообще не могли определить, что нужно, а что не нужно делать. Многочисленные начатые, но незаконченные стройки. Большое число станков, для которых невозможно было найти станочников. Обилие сельскохозяйственной техники, приходящей в негодность и уничтожаемой буквально за один сезон. Сырье и материалы, годами лежавшие на складах предприятий только потому, что «экономика дефицита», по Яношу Корнаи (*Корнаи* 1990), вынуждала снабженцев формировать запасы. Эти и многие другие примеры показывают, насколько неэффективно функционировала административная система в целом, и порой ударный труд приводил лишь к бессмысленной растрате ресурсов: если бы ударник трудился поменьше, больше ресурсов было бы сэкономлено для чего-то полезного, производимого на другом предприятии. В рыночной экономике (в том числе в описанной Б. Н. Мироновым экономике имперской России) существуют ограничители, препятствующие значительному производству

ненужной продукции (во всяком случае, в частном секторе). В административной экономике эти ограничители исчезли. В этом главное отличие советской «модернизации» от той модернизации, которая началась в России, но была прервана революцией.

Конечно, из вышесказанного ни в коем случае нельзя делать вывод, будто все, что создавалось в СССР, было не нужно. Данный момент следует оговорить, поскольку подобная примитивизация подхода рыночников популярна порой среди их противников. Революция не остановила развития, но сильно затруднила его. Трудом советских людей за 70 лет было создано много нужного, но в рыночной среде можно было бы при тех же усилиях сделать значительно больше. Именно то, что на протяжении десятилетий в советской экономике накапливались структурные перекосы, не выправлявшиеся рынком, привело в начале 1990-х гг. к серьезному трансформационному спаду. Он связан был вовсе не с ошибками реформаторов (во всех странах Центральной и Восточной Европы, осуществлявших рыночные реформы, спад имел место), а с тем, что существовало много предприятий, производивших ненужную обществу продукцию, но поддерживавшихся с помощью искаженной системы административного ценообразования и разнообразных дотаций (*Корнаи* 1990). Трансформационный спад 1990-х гг. стал трагедией для миллионов честных тружеников, обнаруживших внезапно, что советское государство создало такие рабочие места, содержать которые можно лишь за счет перераспределения в их

пользу денег успешно функционирующих предприятий.

«Получается, что в имперский, а также в раннесоветский и сталинский периоды (в последние два периода в том числе по причине мобилизационного характера модернизации) авторитарный стиль управления, — отмечает Б.Н. Миронов, — оказывался оптимальным для достижения максимальной эффективности труда и чтобы наилучшим образом обеспечить общее благо» (Миронов 2019: 59). Думается все же, что вряд ли можно признать эффективным труд, создававший продукцию, нужность которой определялась только авторитарными решениями плановых органов, а не рублем потребителя, готового за нее платить. Конечно, применительно к предвоенному периоду необходимо сделать неизбежную поправку на милитаризацию экономики, вынуждавшую создавать во всех странах какую-то часть продукции не на рыночных принципах. Но в США и некоторых других западных странах милитаризация более-менее нормально сочеталась с рынком (Травин и др. 2017: 36–45).

Таким образом, трудно все же не противопоставлять имперскую и советскую модернизацию. В первом случае мы имеем дело с нормальной догоняющей модернизацией, профессиональное изучение которой показывает успехи России (и это блестяще демонстрирует Б.Н. Миронов в своих книгах). Во втором случае мы имеем дело с системой, которая скорее мешала эффективно использовать труд советских людей, чем помогала, а потому слово «модернизация» применительно к ней стоит,

возможно, заключать в кавычки. Тем не менее спорность тезисов Б.Н. Миронова относительно советской «модернизации» несколько не снижает общей ценности блестящего исследования «Российская модернизация и революция», поскольку данная проблема общем-то выходит за рамки основной тематики книги. Думается, книга, анализу которой посвящена данная статья, вполне может стать хорошей базой для дальнейших исследований сложностей и последствий модернизации России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Булдаков 2010 — *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 965 с.

Булдаков 2012 — *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 756 с.

Колоницкий 2001 — *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Дм. Буланин, 2001. 318 с.

Колоницкий 2017 — *Колоницкий Б.И.* «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). М.: Новое литературное обозрение, 2017. 511 с.

Корнаи 1990 — *Корнаи Я.* Дефицит. М.: Наука, 1990. 607 с.

Миронов 2003 — *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX века). В 2 томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

Миронов 2004 — *Миронов Б.Н.* Социология и историческая социология: взгляд историка // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 55–62.

Миронов 2012 — *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. 2-е изд. М.: Весь мир, 2012. 848 с.

Миронов 2014 — *Миронов Б.Н.* Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. 2-е изд. М.: Весь мир, 2014. 336 с.

Миронов 2018а — *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дм. Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.

Миронов 2018б — *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. В 3 томах. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 2. 912 с.

Миронов 2018в — *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. В 3 томах. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 3. 992 с.

Миронов 2019 — *Миронов Б.Н.* Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.

Рабинович 2008 — *Рабинович А.* Большевики у власти: первый год советской эпохи в Петрограде. М.: Новый хронограф, 2008. 622 с.

Соловей 2008 — *Соловей В.Д.* Кровь и почва русской истории. М.: Русский мир, 2008. 473 с.

Соловей 2016 — *Соловей В.Д.* Revolution!: основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2016. 316 с.

Соловей, Соловей 2009 — *Соловей Т.Д., Соловей В.Д.* Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009. 434 с.

Старцев 1982 — *Старцев В.И.* Крах Керенщины. Л.: Наука, 1982. 271 с.

Травин 2018 — *Травин Д.Я.* «Особый путь» России: От Достоевского до Кончаловского. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 221 с.

Травин и др. 2017 — *Травин Д.Я., Гельман В.Я., Заостровцев А.П.* Российский путь: Иден. Интересы. Институты. Иллюзии. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 301 с.

BORIS MIRONOV'S MODERNIZATION CONCEPT OF THE REVOLUTION

Travin Dmitry Ya. — PhD in Economics, Research Director of the Center for Modernization Research at the European University in Saint Petersburg

Key words: Imperial Russia, modernization, revolution, World War I, historical optimists and pessimists.

Abstract. D. Ya. Travin gives an assessment of the modernization concept of the revolution, notes its strengths and makes some comments. He agrees with B. N. Mironov that the Russian revolution was a by-product of successful modernization, that it was its success that created problems, and that the accelerated and in some cases premature implementation of reforms required great costs and sacrifices. According to the author, there are actually more cardinal differences between Imperial and Soviet modernization than B. N. Mironov thinks. He also doubts that an authoritarian management style can be optimal for achieving maximum labor efficiency and best ensuring the common good.

REFERENCES

- Buldaikov V.P. *Krasnaia smuta: priroda i posledstviia revoliutsionnogo nasiliia*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN); Fond "Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina", 2010. 965 p.
- Buldaikov V.P. *Utopiia, agressiia, vlast': psikhosotsial'naiia dinamika postrevoliutsionnogo vremeni*. Rossiia, 1920–1930 gg. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2012. 756 p.
- Kolonitskii B.I. "Tovarishch Kerenskii": *antimonarkhicheskaia revoliutsiia i formirovanie kul'ta "vozhdia naroda" (mart – iun' 1917 goda)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 511 p.
- Kolonitskii B.I. *Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast'. K izucheniiu politicheskoi kul'tury rossiiskoi revoliutsii 1917 goda*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001. 318 p.
- Kornai Ia. *Defitsit*. Moscow: Nauka, 1990. 607 p.
- Mironov B.N. *Blagosostoianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX veka*. 2nd ed. Moscow: Ves' mir, 2012. 848 p.
- Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 1. 896 p.
- Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 2. 912 p.
- Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 3. 992 p.
- Mironov B.N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2019. 528 p.
- Mironov B.N. *Sotsial'naiia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX veka)*. In 2 Vols. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003.
- Mironov B.N. Sotsiologiia i istoricheskaia sotsiologiia: vzgliad istorika. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2004, no. 10. pp. 55–62.
- Mironov B.N. *Strasti po revoliutsii. Nravny v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii*. 2nd ed. Moscow: Ves' mir, 2014. 336 p.
- Rabinovich A. *Bol'sheviki u vlasti: pervyi god sovetsskoi epokhi v Petrograde*. Moscow: Novyi khronograf, 2008. 622 p.
- Solovei T.D., Solovei V.D. *Nesostoiaivshaia revoliutsiia. Istoricheskie smysly russkogo natsionalizma*. Moscow: Feoriia, 2009. 434 p.
- Solovei V.D. *Krov' i pochva russkoi istorii*. Moscow: Russkii mir, 2008. 473 p.
- Solovei V.D. *Revoliution!: osnovy revoliutsionnoi bor'by v sovremennuiu epokhu*. Moscow: Eksmo, 2016. 316 p.
- Startsev V.I. *Krakh Kerenshchiny*. Leningrad: Nauka, 1982. 271 p.
- Travin D.Ia., Gel'man V.Ia., Zaostrovtssev A.P. *Rossiiskii put': Idei. Interesy. Instituty. Illiuzii*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo Universiteta v Sankt-Peterburge, 2017. 301 p.
- Travin D.Ia. "Osobyi put'" *Rossii: Ot Dostoevskogo do Konchalovskogo*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018. 221 p.

И. В. Поткина

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНЫХ ДИСКУССИЙ

Ключевые слова: российская модернизация, революция, экономика, Первая мировая война, жизненный уровень, психологический облик, рабочие, крестьяне, интеллигенция.

Аннотация. В статье анализируются основные положения концепции известного историка-экономиста Б. Н. Миронова, изложенные в монографии «Российская модернизация и революция». Автор разработал свое видение исторического развития Российской империи на рубеже XIX–XX вв., и в особенности в 1914–1920 гг., создав оригинальную, логически последовательную, стройную и обоснованную концепцию. Наблюдения и выводы Б. Н. Миронова опираются на широкий и разнообразный круг источников, включая изобразительные. Автор задействовал также огромное число научных трудов отечественных и зарубежных ученых. Однако в этот обширный список не попали фундаментальные монографии крупнейшего специалиста в области финансовой и экономической истории России В. И. Бовыкина. Концепция Б. Н. Миронова получила бы таким образом мощную поддержку и расширила бы свою доказательственную базу.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-319-328

Особенности российской и советской модернизации, острые и противоречивые проблемы революции 1917 г. в течение длительного времени находились и еще долго будут находиться в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. Вышедшая в 2019 г. новая монография Б. Н. Миронова в который раз возвращает историческое сообщество к ситуации оживленной и часто непримиримой полемики, разгоревшейся с особой силой в результате много-

численных юбилейных публикаций. Как справедливо констатировал петербургский историк в предисловии, разногласия в ученой среде только усилились, и «все активные участники дискуссии остались при своих мнениях; появились новые и реанимированы забытые точки зрения» (Миронов 2019: 6). Очевидно, такая ситуация сохранится и в дальнейшем, с этим придется смириться. И книга Б. Н. Миронова подтверждает данный тезис, поскольку она в высо-

кой степени полемична, многие его выводы и наблюдения однозначно не примут старые и новые оппоненты. Однако в такой ситуации есть свой положительный момент: научные дискуссии стимулируют поиск новых источников, фиксирующих те или иные еще нераскрытые стороны явления, способствуют созданию более разнообразной документированной доказательственной базы, а значит, в конечном счете они приближают исследователя к той сокровенной истине, которая обладает свойством не до конца раскрываться даже при самом глубоком анализе всей совокупности имеющихся фактов. И насколько автор подступится к ней — зависит от него самого, и не в последнюю очередь от полноты источниковой и историографической базы. Указанным свойствам в полной мере соответствует новая книга Б. Н. Миронова.

Монографию «Российская модернизация и революция» можно одновременно рассматривать как в некоторой степени старое и в полной мере новое научное произведение Б. Н. Миронова, собственно говоря, в чем главным образом и заключается ее оригинальность. Объясняется это тем, что автор многие годы последовательно разрабатывает фундаментальную научную тему концептуального уровня: процесс социально-экономической и политической модернизации Российской империи и его итоги в связи с революцией 1917 г. в широком сравнительно-историческом контексте.

С одной стороны, первая и вторая главы книги 2019 г. — это квинтэссенция предыдущей многотомной монографии «Российская империя:

от традиции к модерну» (Миронов 2018а; 2018б; 2018в). Вместе с тем они дополняются новыми темами — например, такими как советская и постсоветская модернизация. Вторая глава «Модернизационная концепция Российской революции 1917 г.» хотя и опирается на материал, опубликованный в статьях о Первой мировой войне, все же представляет собой их расширенный и обновленный вариант с включением дополнительно привлеченных документов, научных трудов и близких по теме сюжетов. Именно в этой главе Б. Н. Миронов не только излагает, но и обосновывает центральные положения своих воззрений на состояние народного хозяйства Российской империи в годы Великой войны и причины революции. Междисциплинарный анализ туго затянутого узла социально-экономических, политических и идеологических проблем военного лихолетья привел к возникновению взаимосвязанной и логически выстроенной авторской концепции. Главными в ней являются следующие положения: отсутствие системного кризиса, вполне удовлетворительная адаптация народного хозяйства к чрезвычайным условиям, в целом позитивная оценка мобилизационных усилий царского правительства, сходный вектор развития экономической ситуации во всех воюющих странах, относительное повышение уровня жизни основной массы населения (крестьян и рабочих). Представляет интерес, на мой взгляд, объяснение причин революции, которые лежат, по мнению автора, в сферах идеологической, общественно-психологической и социально-политической, а не экономической. Это комплекс

взаимосвязанных пяти факторов, которые Б. Н. Миронов достаточно подробно описывает и обосновывает. В итоге автор заключает: «Таким образом, революция 1917 г. произошла не потому, что Россия после Великих реформ 1860-х гг. вступила в состояние глобального перманентного упадка, а потому, что общество не справилось с процессом перехода от традиции к модерну. Как и в других странах второго эшелона модернизации, ее ускоренное, а в ряде случаев и преждевременное проведение потребовало больших издержек и даже жертв» (Миронов 2019: 161).

Занимаясь изучением корпуса законодательных источников периода Великой войны и на этой основе проблем регулирования народного хозяйства в России, я также пришла к выводу о том, что причины Февральской революции лежат в области социально-политической, и в значительно меньшей степени — экономической¹. Сравнительный анализ различных источников показал, что правящая элита совсем неплохо справлялась с острыми текущими народно-хозяйственными проблемами даже на фоне противостояния общества и власти, а также непримиримой борьбы контрэлит. Что касается проблемы издержек социально-экономической модернизации, то на примере изучения истории конкретной фирмы мною было показано, насколько высока была цена рывка, которую пришлось заплатить и рабочим, и предпринимателям. Острые социальные взрывы стали «проявлением крайней напряженности и несбалан-

сированности модернизационного процесса в России на рубеже XIX–XX вв.» (Поткина 2004: 321). Таким образом, главные положения «модернизационной концепции революции» Б. Н. Миронова находят подтверждение при изучении экономической истории России на микроуровне.

Особое место в монографии Б. Н. Миронова занимают проблемы социально-экономического развития страны в 1914–1917 гг. и попытка дать максимально приближенную к действительности оценку состояния народного хозяйства накануне революции 1917 г. Авторский анализ непростых процессов в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте вписан в контекст существующих точек зрения ведущих специалистов в этой области, придерживающихся прямо противоположных взглядов. Б. Н. Миронов опирается на материалы официальной статистики, признавая ее неполноту и уязвимость. Как нам представляется, автор приходит к весьма рациональному решению, с которым трудно не согласиться: «Поскольку <...> абсолютно точных статистических данных <...> не существует, результаты любого анализа являются ориентировочными — при правильном и аккуратном их использовании они достаточно удовлетворительно отражают динамику изучаемых экономических явлений» (Миронов 2019: 79).

В современной российской историографии появились новые примеры сопоставительного анализа темпов промышленного роста в 1914–

¹ Рукопись монографии «Государство и экономика в России в годы Первой мировой войны: источники, историография, проблемы» подготовлена к печати и ждет своей публикации.

1917 г. Один из них был проведен А. С. Грузиновым в 2017 г., который сравнил подсчеты валового внутреннего продукта / национального дохода В. Е. Варзара, В. Г. Громана, П. Гэтрелла, С. Н. Прокоповича, А. М. Маркевича и М. Хариссона, а также динамику отдельных секторов экономики (сельского хозяйства, крупной и мелкой промышленности, строительства и транспорта). Автор проделал собственную работу со статистическими данными в контексте трудов указанных ученых, и в итоге он не склонен «снимать с Временного правительства ответственность за экономический коллапс 1917 г.». Тем не менее, как полагает А. С. Грузинов, «динамика российской экономики в годы войны, при сравнительном изначальном ее отставании, делала подобное развитие событий весьма вероятным (пусть и при, возможно, несколько меньшей глубине экономического спада) и при ином сценарии февральских событий» (Грузинов 2017: 230–231). Если перефразировать осторожный вывод автора, то российская экономика плохо справлялась с вызовами военного времени, что было обусловлено прежде всего ее общим отставанием от развитых стран Европы. Другими словами, А. С. Грузинов представляет точку зрения, которую последовательно оспаривает Б. Н. Миронов. И если воспользоваться определением петербургского историка, то он является сторонником основных положений «формационной концепции».

Второй пример исчисления валового внутреннего продукта и национального дохода принадлежит автору рецензируемой книги, который

проводит сравнительный анализ и верификацию темпов развития, представленных Н. Я. Воробьевым, Л. Б. Кафенгаузом, Я. А. Иоффе, С. Г. Струмилиным, А. М. Маркевичем — М. Харрисоном, и свое собственное расследование с учетом результатов работы предшественников. В этом списке нет А. С. Грузинова, с чьими расчетами Б. Н. Миронов, вероятнее всего, не успел ознакомиться до сдачи своей монографии в производство. Как это видно, давний спор сторонников двух разных точек зрения продолжился, и аргументы оппонентов достаточно хорошо освещены в новейшей литературе. Что выгодно отличает научно обоснованную позицию Б. Н. Миронова, так это его широкий взгляд на проблему не только как сугубо экономическую: параметры развития в военные годы рассматриваются в тесной связи с обострившимися в чрезвычайных обстоятельствах проблемами идеологическими, социально-психологическими и общественно-политическими (Миронов 2019: 185–188).

Во второй главе наибольший интерес представляет точка зрения Б. Н. Миронова на благосостояние разных категорий населения империи в период войны. Эту очень сложную тему историк разрабатывает давно, а в новой работе он ее пролонгировал на военные и послереволюционные годы. Влияние войны на уровень жизни населения волновало с особой силой непосредственных очевидцев, включая государственных деятелей того времени, и их точка зрения анализируется в книге. Столетие спустя проблема благосостояния стала предметом анализа историков-экономистов,

которые также разделились на две противостоящие друг другу группы. Однако в последние годы стало появляться все больше конкретно-исторических работ, пересматривающих советский тезис об обнищании народных масс и показывающих резкое падение уровня жизни россиян в течение 1917 г., когда у власти находилось Временное правительство (Бородкин 2017а; 2017б). На данный момент пока еще не сформирована полноценная картина происходившего, поскольку авторы опирались в основном на единичные свидетельства. Б.Н. Миронов расширил исследовательское поле, включив в него не только статистику, такие косвенные показатели, как вклады населения в сберегательных кассах, но и яркие письменные сообщения очевидцев. При этом личные источники сопровождаются репродукциями акварелей И.А. Владимирова, своеобразным живописным протоколом, беспристрастно фиксирующим события. В конечном счете, на мой взгляд, появилось убедительное и документированное описание материального положения крестьян, рабочих, работников умственного труда в 1914–1920 гг. (Миронов 2019: 114–136).

В третьей главе Б.Н. Миронов уделил пристальное внимание такой малоизученной в отечественной историографии проблеме, как психология масс в кризисный период развития страны, нарисовав психологический портрет больших групп людей, обладавших общностью взглядов и восприятия окружающей действительности, как то: правящая элита, либеральная оппозиция, крестьяне и рабочие. Этот раздел монографии

становится цементирующей основой для модернизационной концепции революции Б.Н. Миронова, без которой она была бы не только лабильной, но и не объемлющей. Его выводы и наблюдения идут в полный разрез со сложившейся в нашей стране традицией изучения облика и роли пролетариата, которую автор назвал «нормативной концепцией». Однако глава настолько фундирована источниками, что даже противников нового взгляда на «застрельщика революции» должна заставить если не пересмотреть, то хотя бы задуматься над политически ангажированной и широко растиражированной точкой зрения советских историков российского пролетариата. Как нам представляется, Б.Н. Миронову удалось на основе междисциплинарного подхода развенчать лакированный образ передового рабочего класса, который господствовал в историографии долгие годы.

В главе четвертой «Российская революция 1917 г. сквозь призму демографической модернизации» Б.Н. Миронов возвращается к проблемам семьи и брака, а также демографии, которые комплексно исследовал в монографии «Социальная история России». Данная тема становится конструктивным элементом его общей концепции. В работе 2019 г., опираясь на проведенный ранее анализ, Б.Н. Миронов подводит итоги демографической модернизации, растянувшейся на два столетия, и рассматривает их в связи с протестным движением в годы Великой войны и последовавшими за ними революционными событиями. Самое главное состоит в том, что историк делает попытку ответить на вопрос,

повлиял или нет переход от патриархально-авторитарных отношений в семьях, в которых формировались «пассивность, конформизм, ригидность мысли, склонность к стереотипам, отсутствие критической рефлексии, сексуальное подавление, страх и отвращение ко всему новому, непохожему и девиантному» (Миронов 2019: 299), к малой демократической семье, основой которой стала «новая активная индивидуалистическая личность». По его мнению, в демографическую революцию было вовлечено не более 14% населения империи. Данную цифру Б. Н. Миронов получает, как мне представляется, все-таки умозрительно, хотя и обосновывает свою точку зрения отсылками на статистические источники. В частности, он посчитал возможным опереться на итоги переписи населения 1897 г., взяв за основу этноконфессиональные и образовательные показатели. Согласно его точке зрения, к категории людей, которые наиболее восприимчивы к социальным, политическим и иным переменам, можно отнести «всех протестантов, католиков и иудеев, а также лиц с высшим и средним образованием среди православных, мусульман и других нехристианских конфессий мужского пола». Именно они, как полагает историк, изменились «психологически, ментально и культурно <...> и являлись наиболее подготовленными и желающими преобразований общественной жизни» (Там же: 300).

Нельзя не признать, что в таком решении вопроса есть разумное основание. Однако не уверена в том, что необходимо давать точную цифру, в любом случае это будет только

экспертная оценка. Больше того, из представленного в монографии материала ясно, что в Российской империи рубежа XIX–XX вв. насчитывалось совсем немного людей, готовых к глубоким переменам во всем жизненном укладе страны. И в этом смысле автор прав, подчеркнем только, что среди девиантов или пассивнариев преваляло, конечно, молодое поколение. Но главное заключается в другом. Вряд ли исторически оправданно, на наш взгляд, проводить столь жесткие границы по этноконфессиональному и культурно-образовательному признаку. Если обратиться к мировой художественной литературе тех лет, то можно без особых колебаний поставить под сомнение столь резкий водораздел. Например, к романам-эпопеям, многослойным в социально-психологическом плане семейным хроникам Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах» или Т. Манна «Будденброки». Простой житейский опыт подсказывает, что не все высокообразованные люди или не все протестанты, англикане, католики или иудеи жаждали кардинальных перемен в общественно-политической сфере. В своем поведении и отношении к действительности, какая бы она ни была, часть из них (и это константа, если следовать практикам современных избирательных кампаний) все-таки руководствовалась здравым смыслом по принципу «не буди лихо, пока оно тихо». И тем не менее, несмотря на высказанные соображения, финальный вывод Б. Н. Миронова о том, что сформировавшийся «инновационный человеческий капитал» в России был значительным и стал той необходимой критической массой «для медленной и постепен-

ной всеобъемлющей модернизации страны», не вызывает возражений, равно как и то, что его еще было недостаточно «для быстрых и глубоких революционных буржуазно-демократических преобразований». И в конечном счете итоги демографической модернизации, по мнению автора, также свидетельствовали о том, что «революция 1917 г. оказалась преждевременной» (Миронов 2019: 300).

Монографии Б. Н. Миронова, как правило, сопровождаются большим числом изобразительных источников, которые играют не последнюю роль в системе доказательств. Помимо фиксации события, они обладают огромной эмоциональной силой, несколько в этом смысле не уступающей материалам личного происхождения. Так случилось и в этот раз. Обращает на себя внимание широкое использование репродукций графических работ И. А. Владимирова, которого по праву называют художественным летописцем революции. Однако для полноты картины можно было бы обратиться к его рисункам периода Первой мировой войны, которые регулярно публиковались на страницах журнала «Нива». Военные репортажи И. А. Владимирова, а также его блестящие рекламные плакаты внутренних займов царского правительства уравнивали бы видеоряд, сделав его максимально приближенным к действительности и сбалансированным во всех частях. Заметим также, что журнал «Нива» печатал не только И. А. Владимирова, но и других художников, фронтовых корреспондентов, которые несколько не уступали ему в точной передаче реалий военных будней.

Например, известный иллюстратор и баталист того времени Н. С. Самокиш, который также являлся репортером популярнейшего в России периодического издания.

Что касается историографической базы монографии, то серьезным упущением Б. Н. Миронова является забвение монографий В. И. Бовыкина — крупного специалиста в области финансовой и экономической истории. Его книги имеют непосредственное отношение к проблемам, поднятым Б. Н. Мироновым в первых двух главах, в частности к итогам эволюции России к 1913 г. Это — советская и зарубежная историография вопроса, тенденции и особенности развития народного хозяйства страны, ее место в мировой капиталистической системе, национальный доход, динамика роста промышленности, денежный рынок, роль и объемы иностранных инвестиций (Бовыкин 1988; 2001). В противном случае петербургский историк вряд ли стал опираться на данные П. В. Оля, корректировка подсчетов которого давно вошла в историографию проблемы иностранного капитала. Более того, с точки зрения концепционной В. И. Бовыкин и Б. Н. Миронов во многих аспектах являются единомышленниками. И использование результатов исследования еще при жизни признанного за рубежом отечественного историка еще больше укрепило бы позиции Б. Н. Миронова в его споре с оппонентами.

Не менее интересна и важна для исследования Б. Н. Миронова позиция В. И. Бовыкина в вопросе об особенностях социально-экономической эволюции России, который

не отрицал ее своеобразие и определенное отличие от передовых стран Западной Европы. Петербургский историк весьма категоричен, утверждая, что «цивилизационная уникальность России в смысле неких культурно-национальных черт, не поддающихся влиянию времени, на мой взгляд, — миф» (Миронов 2019: 16). Конечно, ни в коем случае нельзя абсолютизировать уникальную культурно-историческую традицию России, но и игнорировать ее тоже нельзя. Все-таки она находит яркое проявление в религии, народном песенном творчестве, духовной и академической музыке, литературе, иконописи, живописи и т.д. На известное изречение древнегреческого мудреца можно возразить стихами величайшего писателя-философа XX в. Хорхе Луиса Борхеса: «...наперекор превратностям судьбы / и вопреки тому, что мы всего лишь капли / неверной Гераклитовой реки, / в нас остается нечто / незыблемое» (Борхес 2011: 38). Выражаясь по-научному, в интерпретации явлений истории должен присутствовать вероятностный подход.

Б. Н. Миронов выпустил в свет книгу, которая вновь привлечет внимание специалистов и породит дискуссию. Он предложил научному сообществу оригинальную, обоснованную и логически стройную концепцию российской модернизации и революции. Заключая, воспользуюсь словами В. И. Бовыкина, сказанными им о его собственной работе. Во всех отношениях интересное и новаторское исследование Б. Н. Миронова все-таки «не лишило работы историков, которые последуют за ним» (Бовыкин 2001: 298).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бовыкин 1988 — Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1988. 155 с.

Бовыкин 2001 — Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001. 320 с.

Бородкин 2017а — Бородкин Л. И. Реальная заплата и снабжение населения городов России в годы Первой мировой войны: когда начался обвал? // Города империи в годы Великой войны и революции. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 491–508.

Бородкин 2017б — Бородкин Л. И. Уровень жизни населения городов России в годы Первой мировой войны: обвал 1917 г. // Память о прошлом — 2017. Материалы и доклады VI историко-архивного форума, посвященного 100-летию революции 1917 г. в России. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2017. С. 23–30.

Борхес 2011 — Борхес Х. Л. Собрание сочинений: в 4 т. 2-е изд. СПб.; Амфора, 2011. Т. 1. Произведения 1921–1941 годов. 591 с.

Грузинов 2017 — Грузинов А. С. Экономический коллапс в 1917 г.: последствия длительной войны или результат революции // Экономическая история. Ежегодник. 2016/17. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 201–240.

Миронов 2018а — Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дм. Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.

Миронов 2018б — Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 2. 912 с.

Миронов 2018в — Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 3. 992 с.

Миронов 2019 — Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дм. Буланин, 2019. 528 с.

Поткина 2004 — Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М.: Главрехив Москвы, 2004. 384 с.

RUSSIAN MODERNIZATION AND REVOLUTION IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC DISCUSSIONS

Potkina Irina — Dr. Sci. in History, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Key words: Russian modernization, revolution, economy, World War I, living standard, psychological image, working class, peasants, intellectuals.

Abstract. The article deals with the basic concept by the famous economic historian Boris Mironov, set out in the monograph “Russian Modernization and Revolution”. The author has developed his own vision of historical development of the Russian Empire at the turn of the 20th c., and especially during 1914–1920s. He created an original, coherent, well-founded concept. The Mironov’s observations and conclusions rely on a wide and varied range of sources, including graphic one. The author also used a huge number of scientific works by Russian and foreign scientists. However, his extensive list did not include the fundamental monographs of the largest specialist in the field of financial and economic history of Russia Valery Bovykin. The Mironov’s concept would thus receive strong support and would expand its evidentiary base.

REFERENCES

Borges J L. *Sobranie sochinenii* v 4 t. 2 izd. St. Petersburg: Amfora, 2011. Vol. 1. Proizvedeniia 1921–1941 godov. 591 p.

Borodkin L.I. Real’naia zarplata i snabzhenie naseleniia gorodov Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny: kogda nachalsya obval?. *Goroda imperii v gody Velikoi voiny i revoliutsii*. St. Petersburg: Nestor-istoriya, 2017. P. 491–508.

Borodkin L.I. Uroven’ zhizni naseleniia gorodov Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny: obval 1917 g. *Pamyat’ o proshlom — 2017. Materialy i doklady VI istoriko-arkhionogo foruma, poshviashchennogo 100-letiiu revoliutsii 1917 g. v Rossii*. Samara: OOO “Nauchno-tekhnicheskii centr”, 2017. P. 23–30.

Bovykin V.I. *Finansovui kapital v Rossii nakanune Pervoi mirovoi voiny*. Moscow: ROSSPEN, 2001. 320 с.

Bovykin V.I. *Rossiia nakanune velikikh svershenii. K izucheniiu social’no-ekonomicheskikh predposylok Velikoi Oktyabr’skoi sotsialisticheskoi revoliutsii*. Moscow: Nauka, 1988. 155 p.

Gruzinov A.S. Ekonomicheskii kollaps v 1917 g.: posledstviia dlitel’noi voiny ili rezul’tat revoliutsii. *Ekonomicheskaiia istoriia*. Ezhegodnik. 2016/17. Moscow: IRI RAN, 2017. Pp. 201–240.

Mironov B.N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia*. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2019. 528 p.

Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 1. 896 p.

Mironov B.N. *Rossiiskaia imperia: ot traditsii k modernu*. In 3 vols. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2018. Vol. 2. 912 p.

Mironov B.N. *Rossiiskaia imperia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 3. 992 p.

Mironov B.N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2019. 528 p.

Potkina I.V. *Na Olimpe delovogo uspekha: Nikol'skaia manufaktura Morozovykh, 1797–1917*. Moscow: Glavarkhiv Moskv, 2004. 384 p.

А. Б. Лярский

МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: МАКРОПРОЦЕССЫ В МИКРОДЕЙСТВИИ

Ключевые слова: имперская Россия, революция, образовательные стратегии, самоубийства учащихся, опасности модернизационного процесса, межпоколенный конфликт, демографическая трансформация, преемственность имперской и советской модернизации.

Аннотация. В статье основное внимание уделяется влиянию образовательных стратегий, характерных для позднеимперского периода, на поведение людей. А. Б. Лярский поддержал вывод Б. Н. Миронова о противоречивом и травматическом влиянии модернизации на общество и человека. Он полагает, что модернизация проявляется не столько в виде усвоения идей, сколько в виде «неотрефлексируемых рутинизированных практик, которые постепенно расширяют сферу своего воздействия, превращая в норму то, что ранее считалось девиацией. Поэтому, по его мнению, демографическая модернизация России происходила менее сознательно и более стихийно, чем представлено в книге; уровень культуры не оказывал существенное влияние на подверженность пропаганде, а пиар в революционном движении не играл важной роли.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-329-342

Поскольку в своей новой книге Б. Н. Миронов по большей части развивает и уточняет уже не раз высказанные им идеи, то я не сомневаюсь в том, что только критика или поддержка этих положений с моей стороны будет совершенно излишней. Также несомненно, что и критика, и апология новой работы пройдут по той же интеллектуальной колее, которая была проложена предыдущими дискуссиями. По крайней

мере, мои критические замечания в основе своей не изменились, как не изменилось и представление о выдающихся достижениях Б. Н. Миронова в изучении истории России. Поэтому я хотел бы обратить внимание на близкие мне сюжеты, получившие в этой работе Бориса Николаевича новые существенные дополнения. Одновременно, поскольку наука — коллективный труд, основанный на кумулятивном эффекте, я буду

© А. Б. Лярский, 2020

Лярский Александр Борисович — кандидат исторических наук, доцент, Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия); lam732007@yandex.ru

обращаться к собственным материалам для обсуждения некоторых идей, высказанных Б. Н. Мироновым.

В своих работах Б. Н. Миронов использует разнообразные методики и подходы (Миронов 2018а; 2018б; 2018в). Я хотел бы всячески поддержать близкий мне когнитивистско-антропологический «уклон» работ Б. Н. Миронова. Автор справедливо полагает, что та часть реальности, которую можно структурировать и описать с помощью математических выкладок, не может быть единственным источником человеческих действий. Не менее, а может быть и более важно, что именно думает человек об окружающем мире, на каких основаниях построены эти представления и как именно они влияют на поведение людей. Кроме того, немаловажен вопрос (и лично мне он наиболее интересен), как именно механизмы модернизации отражаются в конкретных людских биографиях. Что такое модернизация на индивидуальном уровне? Как макропроцессы превращаются в отдельную человеческую жизнь? Новая книга Б. Н. Миронова дает богатый материал и прочную основу для размышлений на эту тему. Опираясь на работу Бориса Николаевича и на свои материалы одновременно, я хотел бы и уточнить собственные интерпретации, и несколько скорректировать идеи, связанные с концепцией модернизации России. Основное внимание будет уделено образовательным стратегиям, характерным для позднеимперского периода.

В отличие от Б. Н. Миронова я отдаю предпочтение не количественным, а качественным методикам. Поэто-

му начнем с казуса. Малоизвестный сейчас писатель Алексей Алексеевич Демидов родился в крестьянской семье в 1883 г. Согласно его автобиографии, учился в церковно-приходской школе, потом служил в помощниках у писаря, после — в конторщиках в имении графа Бобринского. После этого работал в Крестьянском банке мелким чиновником. Активно занимался самообразованием и экстерном сдал экзамен за 4 класса гимназии. В 1916 г. был призван на военную службу в Петроград и там попал в Главное артиллерийское управление, став, как он сам писал, «военным чиновником». В 1916 г. Алексей Демидов знакомится с Горьким и начинает писать самое значительное свое произведение — роман о крестьянском детстве «Жизнь Ивана» (Антология 1931: 325–329; Писатели 1928: 109–113). С источниковедческой точки зрения следует подчеркнуть, что сам автор пытался создать из собственной автобиографии документальное повествование. При всей наивности подобного утверждения, Демидов относился к своему замыслу чрезвычайно серьезно, как к научно-этнографическому труду, — вплоть до того, что, когда он узнал о существовании книги О. П. Семеновой Тянь-Шанской с таким же названием и похожим сюжетом, он подверг свою книгу редактуре, т. к., по его простодушным представлениям, один из основных признаков научной работы — новизна (Демидов 1923: 3). При этом автобиография Демидова воспринималась как адекватное описание реалий крестьянского детства и современными автору (Рыбников 1930), и позднейшими исследователями (Задков 2005). Однако нас интересует не столько

описание крестьянской реальности, сколько взаимодействие автора и его текста. А.А. Демидов сам является продуктом социальной трансформации и вглядывается в собственное крестьянское детство с новых социальных позиций. Как же выглядит крестьянская жизнь конца XIX в. глазами писателя, испытавшего модернизацию на собственном опыте? Прежде всего, А.А. Демидов будет описывать крестьянскую жизнь как жизнь грязную в самом прямом, санитарном смысле этого слова: с испражнениями животных, взятых на зиму в избу, со вшами в невымытых головах и тараканами на замызганных стенах. Описания яркие и неаппетитные настолько, что читателю сразу становится понятным все отвращение автора к этой стороне своего детства. Причем, по словам автора, его семья считалась зажиточной: его дядя, у которого жил маленький Ваня, мог взять (и вернуть) кредит в 100 рублей, мог за один год построить и мельницу, и каменный дом. Тем не менее пришлось познать Ване в детстве и тяжелейший крестьянский труд, например косьбу или пахоту: «...он чуть не плакал и от того, что лошадь его не слушалась, и от того, что ныли грудь, руки и спина от чирьев, растревоженных небрежными, невольными движеньями. И к обеду он так измучался и устал, что едва отпряг свою лошадь и влез на нее, чтобы уехать домой... Невозможно передать, как измучался Ванька после обеда в непосильной работе... Весь организм его ныл, и слезы сами собой катились на поворотах, когда было нужно затаскивать соху и складывать с сошников на землю. Поднять соху, как это делают взрослые, он не мог... И много

горьких слез было пролито Ванькой в этом возрасте. Но не им одним. Его ровесники, попахав, тоже перемерились. Что-то тяжелое отражалось на их лицах, куда-то исчезла обычная живость и веселость; как будто они узнали и хранили в тайне души что-то нехорошее, горькое, что связало им руки...» (Демидов 1923: 175). Да, конечно, грязь может быть интерпретирована как метафора и художественное преувеличение, равно как и муки ребенка в страдную пору; стремление Демидова превратить роман в этнографическое описание можно считать невыполнимым. Однако выбор образов и метафор не случаен — для «окультуренного крестьянина», проводившего много лет на конторской работе, возвращение назад, к старым нормам гигиены и работы, невозможно. Именно грязь и тяжесть работы он выбирает в качестве главных метафор крестьянского быта, а в дополнение — изображение насилия и грубости в крестьянской жизни.

Я думаю, этот и подобные ему примеры демонстрируют, что модернизация проявляется не только в виде усвоения идей или повышения доходов. Она приходит в виде рутинизированных практик, которые постепенно расширяют сферу своего воздействия, превращая в норму то, что ранее казалось экзотикой. Часто неотрафлексированное воздействие измененных структур повседневности на представление человека о мире куда более существенно, чем воздействие любого PR. Прежде всего, и это подчеркивает Б.Н. Миронов, на изменение данных структур влияла возможность сравнения наличного существования с иными возможностями; часто такие знания приходят

извне. Так, в романе Демидова единственным человеком, который говорил о необходимости мытья рук, был время от времени приезжавший из города отец. Более того, модернизация проявляется в расширении перспектив и появлении новых социальных лифтов, которые позволяют избавиться от невероятно опостылевшей рутины крестьянского труда. В романе зависть главного героя к соседям вызывает вовсе не богатство — его семья богата, а образ жизни: сыну урядника мальчик завидует не потому, что его доход выше, а потому, что его отец получает жалованье и его детям не надо вставать на пахоту. И образование — доступный социальный лифт — в этом случае выглядит как спасение: «разговоры показывали Ваньке, что есть возможность какой-то другой жизни, лучшей, чем их, следует только учиться и для этого не нужно быть графом или вообще баринном», и когда, получив образование, герой оценивает свои перспективы, он прежде всего понимает, что не станет возвращаться к прежнему образу жизни: «...остаться в деревне и проводить жизнь бок о бок с Ильичем ему уже не хотелось — страшили грязь и зловоние, беспросветное будущее, как в могиле и тяжелый труд, который Ванька не один раз придумывал переложить на машины... словом, увидев в известной доле комфорт и наслушавшись в управе, как иногда хорошо на стороне люди живут, Ваньке было тяжело погребать себя в Екатерининском» (Демидов 1923: 171, 247). Мы знаем, что именно образование стало социальным лифтом для самого автора романа — грамотный и прошедший через «процесс цивилизации» крестьянский подросток поступил на работу

в банк и стал «офисным служащим». Сейчас, по прошествии столетия глобальных социальных изменений отход от «природной жизни» может и не выглядеть в глазах избалованного горожанина как социальный рост, но для самого А. А. Демидова и его современников это безусловный социальный успех, о котором стоило написать роман.

Следуя в русле рассуждений Б. Н. Миронова, необходимо подчеркнуть, что пример Демидова не единичен. Конечно, не все становились писателями, но отвлечение к крестьянскому образу жизни приобретали многие. Это вполне подтверждается и данными обследований крестьянских детей, проведенными Н. А. Рыбниковым как в 1916, так и в конце 1920-х гг. И в 1916-м, и в 1928-м крестьянские дети в равной степени не любят крестьянский труд. Из крестьянских детей 1928 г. сельскохозяйственный труд любили только 14,1% опрошенных (Рыбников 1930: 22), а в 1916-м и того меньше — 11,9% (Рыбников 1916: 109).

Б. Н. Миронов справедливо отмечает рост числа учащихся и рост числа учебных заведений в империи. Но важно указать то, что часто ускользает при количественном анализе — человеческий смысл этого роста. Модернизация как расширение возможностей и жизненных перспектив с помощью образования приходит не только к крестьянам — мы буквально повсюду можем наблюдать эти явления. Надежды на новое будущее — вот что приносит с собой образование. Незадолго до революции, в январе 1917 г. тот же Н. А. Рыбников провел анкетиро-

вание среди школьников городских училищ города Москвы. На вопросы отвечали школьники и школьницы 11–12 лет, учащиеся Четвертого Андроньевского городского женского начального училища и Четвертого Сретенского мужского городского начального училища. В анкете содержались вопросы о том, как дети представляют себе свое будущее, и о том, кто у них родители. У подавляющего большинства в основе их представлений о будущем был, если так можно выразиться, повышающий социальный тренд: сын служащего железной дороги собирался стать инженером, сын повара — учиться в реальном училище, сын плотника намеревается идти в торговую школу, сын дворника — служить «в контору», сын другого дворника нацелился в гимназию с перспективой будущего учительства (Архив РАО: Д. 1. Л. 52, 55, 58, 68). Причем многие указывают, что дальнейшее учение — это желание их родителей; дети рыночных торговцев и кухарок должны быть отданы в реальное училище, а дочери кузнеца и слесаря пойдут в гимназию по решению своих отцов и матерей (Там же: Л. 68, 73, 79, 80, 101, 102). Кроме того, невозможность учиться уже требовала, с точки зрения самих учащихся, какого-то обоснования (чаще всего — это необходимость зарабатывать деньги для семьи (Там же: Л. 56, 61)), в то время как учеба уже не требовала никаких обоснований. И те, кто должен был, по мысли своих домашних, зарабатывать деньги, находились в явном меньшинстве по сравнению с теми, кто собирался продолжить учебу (в третьем классе сретенского училища таких было 6 к 20 из отдавших анкеты). Точно так же отметим, что из примерно

50 ответивших на анкеты учеников и учениц только трое написали, что будут заниматься тем же, что и их родители. Исходя из вышесказанного, антропологический смысл социальной трансформации часто можно описать как обретение будущего, как изменение социального времени. Б.Н. Миронов отмечает в своей работе изменение отношений крестьянина со временем. Тот, кто нацелен на воспроизводство опыта предков, не интересуется будущим, а тот, кто получает возможность иного опыта и иных переживаний, связывает с будущим определенные надежды. Модернизационный процесс трансформирует представление о социальном времени, и это представление (с обязательным прошлым и открытым будущим) становится основой построения траектории собственной судьбы (Ассман 2017). Открытое будущее позволяет видеть себя хозяином времени и жизни. Это порождает деятеля, созидающего мир. Причем речь идет не о сознательных идейных людях, а о тех, кто воспринимает возможность выбирать будущее — в профессиональном или социальном плане — как само собой разумеющуюся, неотъемлемую часть жизни. К сожалению, мы знаем, что надеждам учеников и учениц, записанным в январе 1917 г., не суждено сбыться, но у детей из Сретенского городского училища нет никаких сомнений, что им доступно открытое будущее с перспективами социального роста.

Стоит отметить, что именно в сфере образования хорошо видны неочевидные опасности модернизационного процесса. Б.Н. Миронов пишет о миллионе фрустрированных

рабочих, которые поставляли взрывоопасный материал для социальных конфликтов, вследствие невозможности жить нормальной семейной и сексуальной жизнью. Но отчаяние из-за невозможности воспользоваться плодами модернизации в сфере образования могло быть не менее сильным. Тот же А. А. Демидов приписывал своему герою, конторщику, попавшему на гимназический бал, следующие мысли: «В гимназии уже много было учащейся молодежи, когда пришел туда Иван. Все чистенько одеты, лица почти у всех веселые. Гуляют попарно и группами, хохочут, отчего в зале, ярко освещенном, легкий гул... Но этот праздник болью кольнул где-то внутри Ивана: какие они все счастливые и есть отчего?! Все учатся. А как же я?» В итоге именно недостаток образования воспринимался героем как главное препятствие и к финансовому благополучию, и к личному счастью с образованной девушкой (Демидов 1923: 300). И, как и в предыдущем случае, нетрудно найти подтверждение тому, что герой Демидова не одинок. Вот что пишет о подобных чувствах в своем дневнике жаждавший образования ученик аптекаря из Острогжска М. Мелентьев (1882 г. р.): «Четверг 11 октября. Вчера был выходным. Пошлялся один по улицам. Знакомых никого. Жду зимы — все веселее. На коньках побегаешь. Помню прошлую осень, сколько я мучился, скучал и страдал. В гимназиях мужской и женской были частые балы и вечера. Все там, а я один на пустых улицах. Тоска и зависть ужасные. Тогда-то вот особенно гимназисты казались мне людьми необыкновенными, изысканными милостью божией... Четверг 22 ноября.

Какая тоска была сегодня утром уходить из дома в аптеку. С завистью смотрел, как веселыми гурьбами шли гимназистки и гимназисты с народом от поздней обедни. Чем хуже я их!» (РГАЛИ).

И этот разрыв в возможностях преодолевался громадными усилиями. Один из корреспондентов Н. И. Кареева так описывал свой путь к образованию: «...двенадцати лет окончил двухклассное министерское училище и с тех пор живу своим горбом. Теперь мне 26 лет, и я студент-естественник Казанского университета. Прежде чем получить аттестат зрелости, мне пришлось побывать во всевозможных шкурах: письмоводителем у лесничего, пристава, помощником волостного писаря; позднее учителем; потом, по окончании лесной школы, живя в Томске, заниматься грошовыми уроками, быть помощником лесничего, наконец землемером. Короче говоря, промотать свое здоровье, а в общем все время олицетворять птичку с длинным клювом и хвостом» (ОР ИРЛИ). Уже не раз упомянутый А. А. Демидов вспоминал, что подготовка к сдаче экзаменов за 4-й класс гимназии стоила ему огромного труда и потери здоровья, а на аттестат зрелости подготовиться самостоятельно сил уже не хватило (Антология 1931: 327–328).

Кроме того что доступ к образовательным ресурсам был явно недостаточен и мог осознаваться как вопиющая несправедливость, еще и результат процесса образования мог быть очень травматичен. Прежде всего это было связано с огромным культурным разрывом, существовавшим

между теми, кто имел доступ к образованию, и теми, кто его был лишен. В книге Б. Н. Миронова эта проблема затрагивается только в аспекте взаимопонимания социальных слоев, но следует учитывать, что в Российской империи начала XX в. огромное количество учащихся оказывались первыми в семье, получающими систематическое начальное или среднее образование. Образовавшийся культурный разрыв между родителями и детьми часто порождал внутрисемейный межпоколенческий конфликт.

Сама мысль о том, что происхождение может быть препятствием к образованию, представляется нам кощунственной и воскрешает в памяти так называемый «циркуляр о кухаркиных детях». Любые разговоры о том, что для представителей низших классов должно быть иное образование, кажутся нам ухищрением власть имущих для сохранения собственных привилегий. Но, глядя на проблему глазами некоторых современников, мы понимаем, что у этих идей могли быть не только политические основания — контраст между образованными детьми и их необразованными родителями действительно мог быть очень травмоопасным, причем речь не обязательно шла о среднем образовании. Дела о самоубийствах учащихся, сохранившиеся в РГИА, в фонде Министерства народного просвещения, дают массу примеров подобных конфликтов.

Вот пример. Харьковский учебный округ, ученик Пензенского городского четырехклассного училища Павел Дубовлин, 17 лет. Согласно доне-

сениям директора училища и попечителя округа, у Дубовлина были постоянные трения с отцом, не терпевшим возражений, обладавшим характером властным и деспотичным. Мельник по роду занятий, отец часто ругал и бил сына, считая, что обучение и чтение книг отвлекает его от работ по хозяйству, и специально заставлял его таскать мешки с мукой, чтобы он понимал, в чем настоящее дело. После одной из ссор (кстати, по поводу кандидатов в выборщики для избрания членов Государственной думы) Павел назвал отца глупцом, был в очередной раз побит — и в этот же день покончил с собой. Причины самоубийства были квалифицированы как «семейные» (РГИА: Оп. 199. Д. 105. Л. 46–47, 67). Естественно, что и получение среднего образования могло приводить к резким конфликтам: так, в 1907 г. в городе Болхове (Орловская губерния) отравилась карболовой кислотой ученица прогимназии Мария Шестакова, четырнадцати лет. Ее семейное положение описывалось как тяжелое (отец безработный, брат — алкоголик, и в довершение всего мать в этот момент болела тифом). Сама ситуация, приведшая к самоубийству, выглядит так: отец приказал девочке сделать что-то по хозяйству, та отказалась, мотивируя тем, что ей еще нужно учить уроки. Отец ударил ее «по физиономии». «Это не жизнь, а каторга», — закричала вышедшая из терпения девочка и тут же нашла в стакане, приготовленном для дезинфекции, карболовую кислоту — и выпила. Комментируя ситуацию, председатель педагогического совета прогимназии указывал на то, что весь тон учебного заведения, в котором обучалась несчастная,

резко контрастировал с «болховским домостроевским укладом жизни»: «С одной стороны, “прогимназия”, “среднее учебное заведение”, “будущие учительницы”, “иностранные языки”, обращение на “Вы” и действительно гуманное отношение к детям, а с другой — чистка коровников, мордобитие, сквернословие (историческая особенность болховитян) и тому подобное». Да и реакция местного населения была любопытной: «Пока не было прогимназии, все было тихо, а теперь собственной дочери морду начистить нельзя» (РГИА: Оп. 199. Д. 106. Л. 134–135, 294–299). Девочка оказалась в тяжелейшем положении — на перекрестке культурных сред. По мысли комментатора, контраст оказался слишком велик, смертельно велик для этой девочки. Вообще, как доказывал автор донесения, для города Болхова прогимназии слишком много — для культурного уровня болховитян достаточно было бы открыть городское училище, однако на него денег не дадут, а на прогимназию, хоть она и дороже, дадут, поскольку наличие среднеучебного заведения «удовлетворяет тщеславию зажиточных горожан».

Данный контраст проявлялся не только в виде конфликтов с рукоприкладством. Наличие этого контраста — между низким положением семьи и процессом получения среднего образования с его перспективами новых возможностей — было очевидно и для современников, и для самих учеников. Сами дети могли тяготиться подобным контрастом, тем более когда он был чрезмерно велик. Происшествие, о котором далее пойдет речь, аккумулирует в себе много жизненных трагедий одного челове-

ка и не может быть сведено только к контрасту между образом жизни родителя и ребенка, но именно в этом случае он выступает наиболее резко.

В Лубне повесилась шестнадцатилетняя Викентия Сыкачева. К сожалению, девочку нашли поздно и спасти ее не удалось. О ней в отчете было написано, что ее «тяготило и раздражало сознание своей заурядности. Отличаясь прекрасными способностями, переходя из класса в класс с наградами, Сыкачева была все-таки недовольна собой и считала себя натурой малоодаренной. Вообще она относилась к себе слишком строго и преувеличивала свои нравственные и умственные недостатки». Кроме высокой успеваемости, Викентия увлеченно читала — в одном из писем она писала, что с книгами «в свои 17 лет она успела пережить то, что другие переживают в 40». Девушка очень хотела стать актрисой, мечтала о поступлении на сцену.

Однако, кроме всего прочего, ей еще был поставлен диагноз — эпилепсия (я сознательно не буду уделять внимание медицинским аспектам случая), что, как считала Викентия, полностью закрывало дорогу к карьере артистки. В предсмертном письме она написала следующее: «Когда-то я думала, что кому-нибудь пользу принесу, что у меня есть что-то выдающееся. Напрасно, ничего особенного нет, и я должна буду тянуть канитель, как и все люди, а я этого не могу. Как я страдала, как я-то боролась, сознавая свою посредственность... Утешьте маму и убедите ее, что иметь такую дочку грешно. С искалеченной душой, с испорченной натурой, быть может я дала бы жизнь

поколению психопатов и т. д.». И далее: «Прочтите маме то, что я напишу»: «Мамо. Чи я тебе не казала, що рано, чи пизно це буде. И не лучше тоби це, що мене нема. Менше грошей пиде тих, що в теби нема, и никто тебе не буде грызты. Забудь мене. Пыдь в деревню... Прощай, мамо, не помынай лыхом...»

Из доклада, отправленного в министерство, выясняется, что Викентия была внебрачной дочерью кухарки, жила с матерью на кухне и спала с ней в одной постели. Заработная плата матери была 2 рубля 50 копеек в месяц. Были ли у этой зарплаты какие-то дополнительные условия вроде дарового жилья и еды, или что-то напутал автор документа, неизвестно, но сумма вызвала недоумение даже в министерстве, и чиновничий карандаш поставил напротив этих цифр доклада знак вопроса.

В отчете гимназии указывалось, что жизнь в кухне чрезвычайно ее тяготила и контраст между мечтами и действительностью был слишком велик. «Глубина этих переживаний еще увеличивалась от контраста домашней бедной обстановки с настойчивыми грезами Викентии о служении искусству и поступлении на сцену. Но этим грезам и мечтам был положен окончательный предел безотрадной действительностью» (РГИА: Оп. 199. Д. 185. Л. 249–262). Нельзя не обратить внимание на то, что мать гимназистки — безграмотная крестьянка, которая даже не говорила как следует по-русски, и Викентия переключается с одного языка на другой не только с точки зрения лексики, но и с точки зрения дискурса — в первой части предсмертного

письма, адресованного, видимо, грамотному и образованному человеку, обоснованием причин служит потеря смысла существования и сознание собственной заурядности, а в аргументах для матери — материальный аспект и мотив греха.

В определенном смысле следует согласиться и с чиновниками учебных заведений, и с теоретиками модернизации — контраст между надеждами, порожденными перспективами меняющегося общества, и реальностью, окружающей учащихся, мог быть слишком велик, порождая конфликты как внутри семьи, так и внутри отдельной личности. При этом отыграть ситуацию назад нельзя, изменить что-либо уже невозможно: так, когда один из крестьян просил не исключать его сына из реального училища, он мотивировал это тем, что сын не приучен к физическому труду и не сможет жить в деревне (РГИА: Оп. 165. Д. 250. Л. 164.). Также и начавший размышлять об устройстве мира, начитавшись В. Бельше, Макса Штирнера, Ч. Дарвина, пережил большое потрясение и перестал верить в Бога наш проводник в мир модернизации — крестьянский сын А. А. Демидов: «Перестав совершенно верить в бога, я испытал горечь отчаяния от пустоты душевной. Как мне хотелось вернуть свое неведение! Но, увы, этого нельзя было сделать. <...> Был момент, когда я проклинал книги, хотя уже и ценил их, как источник знания...» (Писатели 1928: 111). Ни неведение, ни гигиенические привычки, ни навыки жизни уже практически невозможно было вернуть — и эти внутренние конфликты носили, безусловно, массовый характер. Во всяком случае,

именно крестьянские дети дали основной прирост количества самоубийств во время так называемой эпидемии самоубийств 1907–1913 гг. (Лярский 2017: 365–366).

Как видно из представленных рассуждений, я поддерживаю тезис Б. Н. Миронова о травматичности модернизации и неоднозначной оценке ее последствий. Она не убирает, а обостряет и усиливает архаичные элементы жизни, иногда придает им новый импульс, и только при подобном усилении архаика проявляется, становится не само собой разумеющейся и может быть преодолена. Например, именно индустриальное развитие продемонстрировало несправедливость низкого статуса женщины и ребенка — через его использование в жестокой эксплуатации. Традиционная культура не видела в таком положении дел ничего особенного, и только фабричная жизнь показала, какую опасность может нести в себе низкий статус. Или религиозный фундаментализм, не представляя собой ничего нового, являет свою бесчеловечность с особой силой в эпоху Интернета и автоматического оружия и навязывает другому миру настоящую войну. Позитивистская наука подбирала аргументы для обоснования христианской морали и т. д. При этом следует обратить внимание на то, что социальная среда производит отбор, усиливая или приглушая те или иные трансформационные процессы в зависимости от их востребованности. История с автоматами, попавшими в руки воинственных племен Вьетнама, прекрасный тому пример: из спорадических контактов с западной

цивилизацией горцы заимствовали самое, по их мнению, необходимое.

С этой точки зрения демографическая трансформация России, о которой так уместно пишет Б. Н. Миронов, представляется мне менее сознательным и более стихийным явлением, чем это представлено в книге. Мужчины и женщины начинают ограничивать рождаемость не потому, что они стали более рациональны и, как пишет Б. Н. Миронов, способными «к самосознанию и самоанализу, к адекватной оценке своих личных интересов и мотивов поведения», чувствуя себя «субъектом своих действий» и воспринимая «окружающую среду как объект воздействия». Я же уверен, что речь должна идти не о сознательности человека, а о доступности блага, о простоте и удобстве в использовании. Модернизация, еще раз повторяю, в большинстве случаев входит в жизнь обычного человека не через сознательность, а через повседневность, не через вспышки революций, а через рутину ежедневных повторений. Потребность в ограничении рождаемости к концу XIX в. сформировалась уже во всех слоях населения, и, как только появилась возможность эту потребность реализовать, она была реализована. Эту потребность не раз отмечали исследователи, и ее же очень хорошо демонстрируют материалы автобиографий представителей разных слоев населения, собранные Н. А. Рыбниковым в 1920-х гг. Так, крестьянка, родившаяся в начале века, вспоминала (орфография и пунктуация оригинала сохранены): «...вообще у нас мама неразбиралась сребенком всегда кричала и била постоянно поголове и личто

станеш просить или говорить все лети колотушки а небыло разеснения и также и ласкова привета чтоббы хорошее отношение все как бутобы сердца говорит... и часто мама паминала когда осердица закричит да надавало вас араву нет вам пропасти както убогатых помирают дети а вас некуда недевает» (Архив РАО: Д. 23. Л. 138). Похожие настроения наложили отпечаток на воспоминания женщины из ремесленной среды: «Нас было 5 человек... Отец бросил мать... Мы бедствовали, живя у бабушки. Я понимала все это. Я видела и испытала бедность. Вдруг родился еще братец. Приходит бледная, исхудалая мать из приюта, неся братца. У меня это не вызвало никакой радости. Как, почему, зачем, когда мы бедны, мать еще родила? Братец кричал, а я негодовала и раздражалась от этого плача еще больше. Я всю вину сваливала на мать, а не на отца... ..Мать делает что-то нехорошее, недозволенное, нечестное. Говорит, что есть нечего, а сама родит. Значит, она нас не любит, а делает что-то ради удовольствия. После этого я перестала уважать мать и ненавижу и братца и новорожденных детей...» (Там же: Л. 50). Нам ничего не известно о том, как повлиял опыт жизни в многодетных семьях на репродуктивные практики этих конкретных женщин, но общая тенденция, очерченная Б. Н. Мироновым, демонстрирует снижение рождаемости.

И последнее. Работа Б. Н. Миронова убедительно связывает процесс модернизации дореволюционной России и постреволюционную трансформацию. Я по-прежнему думаю, что Борис Николаевич преувеличивает роль PR в развитии революции¹, но преемственность модернизационного процесса налицо. И это сыграет свою роль в поддержке революционных преобразований. Речь идет не только об уничтожении таких заметных явлений, как сословное неравноправие или монархическое правление. Любой «старый режим», «старый порядок» накапливает осадочные породы в виде массы мелких неудобств, конечно, исторически сложившихся, но сложившихся в запутанный и осложняющий повседневную жизнь лабиринт препятствий на пути к желанной цели. Революции подготавливаются не только пропагандой и интригами, не только военными катастрофами, но и набором мелких несправедливостей, накоплением массы неурядиц, например невозможностью получить образование из-за рождения в неподходящей среде. Очевидно, что реформа, открывшая широкий доступ к среднему и высшему образованию, создала большевикам если не большее количество сторонников, то большее количество одобрительно относящихся к новой власти людей в городах, например из числа тех, которые не могли добиться «аттестата

¹ Тезис о том, что особенности мышления крестьян делали их особенно подверженными влиянию пропаганды, представляется весьма спорным (если не считать Декрет о земле только пропагандой). С одной стороны, весь опыт европейской колонизации говорит о том, что никакая пропаганда не способна переломить влияние традиционной культуры, если она не сопровождается наглядной демонстрацией силы (тем самым предотвращая откат в традицию при первой возможности) или, что более эффективно, постепенным воздействием экономических и технологических преимуществ. С другой стороны, события последнего столетия (и последнего десятилетия в особенности) показали, что никакое высшее образование не является панацеей от воздействия PR, скорее наоборот.

зрелости» в силу финансовых или социальных причин. Но не менее важно и то, что дореволюционный старт подготовил кадры для будущей советской модернизации. Приведу еще один пример. Выше цитировался отрывок из воспоминаний безграмотной крестьянки. Вот что она писала о собственном образовании (сохраняется правописание оригинала): «Когда меня отдали в школу 8 л поучица непришлось изанедостатка было все нехватка а посмотриш вучилищ и училище все както сибя чувствуеш отсталой среди учениц чуть все нехватка первое нужен грифель попросиш денек умамы то уней нет начинает кричать где я тебе взела воровать штоли прикажеш итак остаюсь обиженной все желание отпадает училась одну только зиму завсю зиму ненаодну тетрадь мне мама не давала. Когда учительница зделает тетради и просит принести денек по 2 к придеш мама дай денек натетрадь она опять закричит незнаеш куда дватся и наговорит все и так придеш вучилище боися учительницы както сибя считаеш всегда отсталой... так зиму проучилась и больше непришлось...» (Архив РАО: Д. 23. Л. 146). И в той же папке с воспоминаниями хранится еще одна автобиография крестьянской девочки, чья жизнь была не менее тяжелой, но образовательная стратегия семьи была иной (что заметно и по орфографии): «Нимало было труда с тем, чтобы поступить в школу. Моя мама понимала так, что выучившись грамоте крестьянская девушка должна годиться только читать покойникам. Но не так понимал мой отец. Он всеми силами старался чтоб мы были грамотными и я проучившись три года сдала экзамен. За что получила свидетельство»

(Там же: Л. 154 об.). И судьба этих крестьянок в новой России 1920-х гг. сложилась в соответствии с уровнем образования, полученного в дореволюционной России, — первая была чернорабочей, а вторая, чьи родители более ответственно подошли к делу образования, стала начальницей бригады. То же можно сказать и о человеке, с биографии которого я начал свой небольшой комментарий, об Алексее Демидове. Как бы мы ни относились к кошмарам советского строительства, следует признать, что со стороны тех, кому новая власть дала возможности социального роста через образование и карьеру, многократно усилив доступность и открытость этих социальных лифтов, она, эта власть, пользовалась поддержкой. По крайней мере, А. А. Демидов, как и его герой в продолжении романа, искренне поддерживал новую власть именно за ее цивилизаторский подход. Но старт в этом «движении вверх» дала ему дореволюционная Россия.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Архив РАО — Научный архив Российской академии образования. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 52, 55, 56, 58, 61, 68, 73, 79, 80, 101, 102; Д. 23. Л. 50, 138, 146, 154 об.

ОР ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома). Ф. 422. Д. 11. Л. 100 об. — 101.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1337. Оп. 3. Д. 55. Л. 6, 7.

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 199. Д. 105. Л. 46–47, 67; Д. 106. Л. 134–135, 294–299; Д. 185. Л. 249–262; Оп. 165. Д. 250. Л. 164.

Демидов 1923 — Демидов А. Жизнь Ивана. М.: Земля и фабрика, 1923. 302 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антология 1931 — Антология крестьянской литературы послеоктябрьской эпохи. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1931. 659 с.

Ассман 2017 — Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: НЛЮ, 2017. 267 с.

Задков 2005 — Задков Ю. Трилогия А.А. Демидова «Вихрь», «Жизнь Ивана», «Село Екатерининское» — ценный источник по истории русской провинции // Провинция в контексте истории и литературы : материалы I Крапивенской краеведческой конференции [авт. вступ. ст.: О.С. Веневцева]. Тула: Ясная поляна, 2005. С. 137–145.

Лярский 2017 — Лярский А.Б. «Простите, дорогие папа и мама» : родители, дети и борьба с подростковыми самоубийствами в России конца XIX — начала XX века. СПб.: Крига, Победа, 2017.

Миронов 2018а — Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну.

В 3 т. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дм. Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.

Миронов 2018б — Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 2. 912 с.

Миронов 2018в — Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 3. 992 с.

Миронов 2019 — Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.

Писатели 1928 — Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков / под ред. Вл. Лидина. 2-е изд., доп. и испр. М.: книгоизд-во «Современные проблемы» Н.А. Столляр, 1928. 395 с.

Рыбников 1916 — Рыбников Н.А. Деревенский школьник и его идеалы: Очерки по психологии школьного возраста. М.: Задруга, 1916. 122 с.

Рыбников 1930 — Рыбников Н.А. Крестьянский ребенок: Очерки по педологии крестьян. ребенка. М.: Работник просвещения, 1930. 111 с.

MODERNIZATION IN THE RUSSIAN EMPIRE: MACRO-PROCESSES IN MICRO-ACTION

Lyarsky Alexander B. — PhD in History, Associate Professor, Higher School of Printing and Media Technologies, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (St. Petersburg, Russia)

Key words: Imperial Russia, revolution, educational strategies, student suicides, dangers of the modernization process, intergenerational conflict, demographic transformation, continuity of Imperial and Soviet modernization.

Abstract. The paper focuses on the influence of educational strategies typical of the late Imperial period on people's behavior. A. B. Lyarsky supported B. N. Mironov's conclusion about the contradictory and traumatic impact of modernization on society and people. He believes that modernization manifests itself not so much in the form of assimilation of ideas, but in the form of "unreflexed routine practices that gradually expand the scope of their impact, turning into the norm what was previously considered deviation. Therefore, in his opinion, the demographic modernization of Russia took place less consciously

and more spontaneously, than is presented in the book; the level of culture did not have a significant impact on the exposure to propaganda; and PR did not play an important role in the revolutionary movement.

REFERENCES

Antologiiia krest'ianskoi literatury posleoktiabr'skoi epokhi. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khud. lit., 1931. 659 p.

Assman A. *Raspalas' sviaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna.* Moscow: NLO, 2017. 267 p.

Liarskii A. B. *"Prostitie, doringie papa i mama": roditeli, deti i bor'ba s podrostkovymi samoubiistvami v Rossii kontsa XIX – nachala XX veka.* St. Petersburg: Kriga, Pobeda, 2017.

Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu.* 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 1. 896 p.

Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu.* 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 3. 992 p.

Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu.* In 3 vols. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2018. Vol. 2. 912 p.

Mironov B. N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia.* St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2019. 528 p.

Pisateli. Avtobiografii i portrety sovremennykh russkikh prozaikov. Ed. by Vl. Lidina. 2nd ed. Moscow: knigoizd-vo "Sovremennye problemy" N. A. Stolliar, 1928. 395 p.

Rybnikov N. A. *Derevenskii shkol'nik i ego idealy: Ocherki po psikhologii shkol'nogo vozrasta.* Moscow: Zadruga, 1916. 122 p.

Rybnikov N. A. *Krest'ianskii rebenok: Ocherki po pedologii krest'ian. rebenka.* Moscow: Rabotnik prosveshcheniia, 1930. 111 p.

Zadkov Iu. Trilogiia A. A. Demidova "Vikhr", "Zhizn' Ivana", "Selo Ekaterininskoe" — tsennyi istochnik po istorii russkoi provintsii. *Provintsiiia v kontekste istorii i literatury: materialy I Krapivenskoii kraevedcheskoi konferentsii* [avt. vstup. st.: O. S. Venevtseva]. Tula: Iasnaia poliana, 2005, pp. 137–145.

Л. М. Артамонова

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ЗЕРКАЛО ИМПЕРСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ключевые слова: Россия в начале XX в., модернизация, Первая мировая война, социальная помощь, семья, брак, демографический переход.

Аннотация. В концепции российской модернизации и революции Б. Н. Миронова важное место занимают вопросы семьи, брака, демографического поведения. Следует при этом обратить внимание на систему «признания нижних воинских чинов и их семейств» как показатель роста требований к социальному обеспечению, как форму закрепления в правовом поле и коллективном сознании изменений семейных отношений и как практику общественной активности женщин.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-343-351

Модернизационная теория в лице Б. Н. Миронова имеет самого читаемого представителя в современной российской историографии. Появление новых трудов Бориса Николаевича нередко вызывает оживленные дискуссии в научной среде, причем не только в исторической. Последний по времени заметный пример — обсуждения в 2016–2017 гг. его трехтомника «Российская империя: от традиции к модерну», начавшиеся в Доме ученых Санкт-Петербурга (Обсуждение 2016) и продолжившиеся на конференции «Стены и мосты», в журнале «Былые годы» и других авторитетных изданиях (Смирнов 2017: 201). Памятна острая полемика вокруг «Благосостояния населения и революций в имперской России», после которой, по признанию автора, он не мог остаться в стороне от спо-

ров, которые вызвал 100-летний юбилей революции 1917 г. (Миронов 2012: 9–10).

Новая книга Б. Н. Миронова «Российская модернизация и революция» выросла из его отдельных статей и выступлений 2013–2018 гг. В самом ее заглавии обозначены как продолжение обсуждения вопросов, поднятых в упомянутом трехтомнике, так и переключка с «Благосостоянием населения и революциями». Однако отсылки к известным работам не означают простого «повторения пройденного». Завидная эрудиция и работоспособность при опоре на твердые научные и гражданские убеждения позволили автору по-новому определить круг проблем, связанных с изучением имперской модернизации и российской

революции, и подойти к их обсуждению в свете предложенной им концепции, которую, как он считает, «можно назвать модернизационной концепцией революции» (Миронов 2019: 185).

Среди наиболее важных процессов, анализируемых в новой книге Б. Н. Миронова, — модернизационные изменения, вызванные «семейной революцией» и «демографическим переходом». Обращение к ним нельзя назвать совершенно оригинальным. Достаточно вспомнить главы «Демографическая модернизация» и «Семья и внутрисемейные отношения» в «Российской империи: от традиции к модерну». Новым здесь является то, что «демографическое поведение» в позднеимперской России рассматривается прежде всего в «ракурсе готовности общества к реформам и преобразованиям», в том числе революционным путем (Миронов 2019: 12, 256). Не случайно, что в рецензируемой монографии основные наблюдения и выводы по проблемам семьи, брака, рождаемости и других демографических явлений объединены в одну главу, с характерным названием «Российская революция 1917 г. сквозь призму демографической модернизации» (Там же: гл. 4).

Б. Н. Миронов предпочитает количественные доказательства своих взглядов и выводов, даже когда это бывает сделать непросто. Напомним, как через антропометрические показатели нескольких поколений жителей России был «просчитан» уровень этого благосостояния, что представляется автору «самым надежным критерием при оценке эффективно-

сти экономики, государства и проводимых им реформ» (Миронов 2012: 16). Социальная интерпретация подсчетов не была однозначно воспринята учеными, стоявшими на разных теоретических и идейных позициях. Однако сами показатели были измерены и статистически проанализированы безупречно.

Теперь же специалистам и просто читателям вновь надо решать вопрос о качественной интерпретации собранных в книге богатых количественных данных пореформенного и предреволюционного времени, когда модернизация «стала по-настоящему многомерной и глубокой» (Миронов 2019: 15). Соглашаться ли с Б. Н. Мироновым в восприятии «тех, кто активно включился в демографический переход», как «людей, наиболее подготовленных и желающих преобразования общественной жизни», т. е. фактически разделяющих цели революции? Более того, автор книги полагает, что, «основываясь на демографических данных, число таких людей можно примерно оценить» (Там же: 12). Кто-то с подобной постановкой вопроса не согласится или примет ее с серьезными оговорками. Однако в любом случае такие количественные выкладки будут интересны как показатель наличия и глубины модернизации, и это вряд ли вызовет особые споры.

Повышенный интерес к данным аспектам модернизации, нам представляется, поддержан и еще одним обстоятельством. В литературе уже подчеркивалось наличие в предыдущих трудах Б. Н. Миронова оценки массового революционного движения в России как «антимодернист-

ского по своей сути» (Смирнов 2017: 879). В новой книге также содержатся высказывания об «антимодернистских» настроениях в русском обществе, о революции 1917 г., «во многих отношениях антимодернистской» (Миронов 2019: 45). Однако здесь автор счел нужным специально указать на то, что «революционное завершение» имперского проекта модернизации «не является доказательством его несостоятельности» (Там же: 54). В революционных событиях «плоды» имперской модернизации «не погибли, хотя и существенно пострадали», ее продолжением стала советская модернизация (Там же: 22). Среди прочего, по мысли Б. Н. Миронова, советская модель модернизации напоминала классическую именно по таким признакам, как «демократизация семьи» и «эмансипация женщин» (Там же: 25).

Из представленных подсчетов следует, что в течение XVIII — первой половины XIX в. в России «функционировала типичная модель традиционного воспроизводства населения» — с предельно высокими уровнями брачности и рождаемости, а также очень высокой смертностью (Там же: 256). С 1870–1880-х гг. начинается снижение самого доступного для регулирования из этих показателей — брачности, а вслед за ним рождаемости и смертности. Однако снижение ни одного из перечисленных показателей еще не выходило на уровень «демографического перехода», более того, за счет опережающего уменьшения смертности произошел новый скачок естественного прироста населения. Только тогда «давление на ресурсы», достигнув

критической отметки, вызвало начало «перехода от традиционной к современной модели демографического воспроизводства», поддержанного «общим ростом культуры населения» (Там же: 257). Под последним понимается ответственное отношение к браку, контроль рождаемости в семье, санитарная и медицинская грамотность.

В 4-й главе также поднимаются проблемы инноваций и девиаций в брачно-семейных отношениях: внебрачные дети, разводы, контрацепция, аборт и т. п. Весь материал главы сведен в многочисленные таблицы, комментарии к ним и выводы по этим количественным показателям с учетом социальных, половозрастных и прочих особенностей, взятых к тому же во временной динамике, а потому нет смысла и возможности пересказывать его в коротком отклике. Остается лишь признаться, что знакомство с таким очень информативным и доказательным материалом может только порадовать.

Разговор о демографических и гендерных аспектах модернизации Б. Н. Миронов ведет не только в специально отведенных для этой темы разделах. Например, он обращается к ним в главе о рабочем классе, показывая половозрастной и семейный состав российских рабочих. Последний по сравнению с другими сословиями и социальными группами «отличался большой спецификой», прежде всего из-за наличия значительного числа неженатых мужчин и незамужних женщин. Всероссийская перепись населения 1897 г. зафиксировала 1199 тыс. холостых рабочих и 259 тыс. незамужних

работниц. Это означало, что в браке не состояли почти половина (около 45%) рабочих-мужчин и две трети (63%) женщин. Причиной тому было отсутствие условий для нормальной семейной жизни по стандартам крестьянского (большинство рабочих были выходцами из крестьян), мещанского или иного традиционного быта (Там же: 210).

В дальнейшем ситуация не изменилась к лучшему. К 1913 г. по стране в составе промышленных рабочих было «около 1 млн молодых одиноких мужчин и около полумиллиона одиноких молодых женщин... раздраженных и неудовлетворенных жизнью уже только потому, что в стране, где так ценились семья и дети, многие из них не имели ни того, ни другого» (Там же: 215).

Особенно усугубилось положение женщин, поскольку «к началу 1917 г. их доля среди рабочих поднялась до 40%». «Ненормальное соотношение полов» и иные причины, затруднявшие брак и семейную жизнь, были характерны не только для рабочих, но и вообще для населения городов, особенно крупных. Так, в Москве соотношение мужчин и женщин составляло 57:43, в Петербурге — 55:45 (Там же: 210, 214–215).

Сексуальное и эмоциональное неудовлетворение накладывалось на тяжелое материальное положение. Особенно болезненно все эти жизненные трудности воспринимались молодежью. Ее недовольство могло выливаться в девиантное поведение: алкоголизм, хулиганство или уход в криминалитет, а могло использоваться для привлечения

в радикальные антиправительственные движения.

В конкретном контексте и в проблематике рассматриваемой 4-й главы не всегда хватает объяснения некоторых наблюдений, на основании которых автор делает свои выводы о модернизационных изменениях, коснувшихся семьи и брака в России. В объемном труде Б. Н. Миронова, насыщенном огромной информацией, недостаточная детализация принятых в начале XX в. законов и практик их применения объяснима и не может, на наш взгляд, считаться недостатком. Однако это порождает естественное желание дополнить и уточнить некоторые выводы и наблюдения.

В этой связи обратим внимание на следующее высказывание: «Попечительские обследования 1915–1916 гг. среди семей столичных нижних воинских чинов обнаружили около 10% внебрачных семей, что стало сенсацией» (Там же: 261–262). Верное объяснение этого показателя тем, что «так называемые гражданские браки, т. е. длительное сожительство мужчины и женщины, не зарегистрированное церковью» к этому времени получили широкое распространение (Там же: 257), автор дополняет предположением, что в данном случае также сказалась специфика Петрограда как столицы, где «изменения в брачной модели» более заметны (Там же: 261). Вместе с тем, возможно, продолжает он, сыграло роль присутствие «огромного числа» солдат, которые сконцентрировались здесь в «специфическое военное время» (Там же: 262).

По нашему мнению, более точной интерпретации и объяснению этого

факта способствовало бы обращение к одному важному законодательному акту и ходу его реализации. Б. Н. Миронов внимателен к тому, как модернизационные процессы находили отражение в структурных реформах. Например, в области социальной защиты его внимание привлек закон 23 июня 1912 г. Он примечателен закреплением права рабочих на обеспечение по болезни и распространением на частные предприятия мер по страхованию от несчастных случаев, созданием структуры «центральных и местных страховых учреждений, обязанных непосредственно заниматься этой проблемой» (Там же: 74, 220). Напомним, что в одной из предыдущих работ автор монографии подчеркивал, что «социальное страхование рабочих в России после 1912 г. находилось примерно на европейском уровне» (Миронов 2018б: 201).

При этом вне поля зрения остался другой закон социальной направленности, который был принят два дня спустя, а именно 25 июня 1912 г., но в полной мере вступил в силу через два года. Имеется в виду «Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств» (Новые законы 1915: 1–30). Оно в первую очередь имело значение для введения в правовое поле системы помощи семьям лиц, призванных на военную службу, позволив регламентировать практику оказания такой помощи.

Историки уже отмечали, что данный законодательный акт, бесспорно, оказал большое влияние на вопросы социального призрения, которые собственно и регулировал, но, кроме того, он затронул и более широкий

круг аспектов общественной жизни. Так, Н. Л. Пушкарева и П. П. Щербинин на материалах преимущественно Тамбовской губернии подчеркивают его воздействие на рост «социально-го самосознания» российских женщин, переход их к «организованным коллективным действиям» (Пушкарева, Щербинин 2005: 160). О. М. Долидович, проанализировав документы Томской губернии, полагает, что недостатки и неудачи в реализации этого «Положения» в годы Первой мировой войны вели к нарастанию в семьях солдат ощущения «социальной несправедливости», недоверия к органам центральной и местной власти (Долидович 2017: 20).

Нетрудно увидеть, что отмеченные исследователями последствия встраиваются в ряд причин, приведших к революции в России. Дополнив их выводы материалами Самары, исследование которых было нацелено на выявление «семейной модернизации», приходим к выводу, что данные о солдатских семьях Петербурга сопоставимы с тем, что происходило в провинциальных тыловых городах, а не порождены спецификой милитаризированной столицы (Артамонова 2017: 88–90).

С началом Первой мировой войны, на основании Положения 1912 г., последовавших за ним законов и распоряжений о призрении воинских чинов и их семей, о пенсиях и пособиях им, в стране повсеместно активизировались уже имеющиеся и образовывались новые попечительства, комитеты, общества, занимавшиеся оказанием помощи воинам русской армии, а также их родным и близким. Именно тогда на практике был

обнаружен существенный пробел в законодательстве, которое не предусматривало поддержки и помощи от казны гражданским женам и внебрачным детям солдат. Для православных жителей империи иной формы регистрации брака, кроме церковного, формально не существовало. Но число женщин, не венчанных по установленному обряду, но создавших семьи, и детей, родившихся у них, повсеместно оказалось весьма значительным. Их нельзя было больше третировать или игнорировать на основе религиозных предписаний, как до войны. Пренебрежение к членам семей, возникших без церковного брака, грозило подорвать моральный и боевой дух слишком большого числа солдат, призванных в армию. Стало очевидно, что законодательство, ориентированное на освященную традицией семью, отставало от реалий эпохи модерна. Перекраивать его на общегосударственном уровне не было ни времени, ни желания. В результате один за другим органы городского самоуправления в разных местах начали принимать решения о выдаче таких пособий из собственных средств (для сельской местности подобные семьи были еще нехарактерны). Как правило, размер помощи приравнивали к «казенному» пайку «законных» жен и детей. Таким образом, первый шаг на пути правового признания брака, не являвшегося церковным, делался в чрезвычайных условиях военного времени — тогда, когда такой вид семьи уже имел широкое распространение в городской повседневности.

Имперские законы и решения местных властей о поддержке семей во-

еннослужащих имели еще одно важное следствие — рост общественной активности женщин. Во-первых, предоставление помощи имело заявительный характер. Женщинам, желавшим получить помощь на себя и детей, независимо от формы брака, полагалось самостоятельно обращаться в органы власти и самоуправления с просьбами о назначении пособия, внесении изменений в его размер, об учете материального положения семьи. Активно отстаивать свои интересы обучались даже многие домохозяйки, не говоря о женщинах — работницах, служащих, представителях интеллигентных профессий, численность которых заметно и быстро росла в предреволюционные десятилетия, а социальная активность еще больше выходила за пределы, свойственные традиционному обществу (Artamonova 2016: 902).

Во-вторых, усилению общественной активизации женщин способствовал состав попечительств о семьях нижних чинов, создававшихся в городах. За исключением направленного в них небольшого числа служащих, числившихся в штате местных органов управления и получавших жалованье, основную часть работы, особенно контактной с населением, выполняли добровольные помощники, среди которых численно преобладали женщины.

Действенность системы социальной поддержки семей военнослужащих можно иллюстрировать различными многочисленными примерами. Укажем из-за недостатка места только один, приведенный самим Б. Н. Мироновым. Получение «по-

собий от государства теми семьями, чьи кормильцы были мобилизованы», признается им в качестве одного из основных факторов увеличения доходов крестьян и горожан в годы Первой мировой войны. В деревне объем получаемых государственных пособий, на которые могли претендовать только «законные» семьи, увеличился с 82 млн руб. в 1914 г. до 1356 млн руб. в 1917 г., в городе соответственно с 9 млн руб. до 109 млн руб. «Однако галопирующая инфляция сильно уменьшала реальную помощь со стороны государства». Последнее замечание автора прежде всего относится к городским семьям, которые сталкивались с более высокими ценами, не имея возможностей удовлетворять часть потребностей натурой, как деревенские жители (Миронов 2019: 114–115, 122).

Усилия властей, органов самоуправления и попечительств оказались не в состоянии остановить падение жизненного уровня значительной массы солдатских семей, а тем более вернуть домой мужей и отцов с фронта или уже из небытия. Мобилизовано было в армию 47% трудоспособных крестьян и 30% горожан, общая их численность достигала 15 млн чел. Эти мужчины оставили без поддержки и в состоянии постоянной тревоги за свои судьбы 75 млн жен и детей, отцов и матерей, а также сотни тысяч невест. В итоге их семьи получили 1290 тыс. похоронок, 3250 тыс. писем и извещений о ранении, пропаже без вести, плене (Там же: 122, 160).

Объединения властей и общественности вокруг решения частной за-

дачи социальной помощи отдельной категории населения было недостаточно для того, чтобы воспрепятствовать тектоническим сдвигам в российском обществе и государстве. Согласимся с еще одним более ранним высказыванием Б.Н. Миронова, что «гражданское общество и его институты не дают гражданам индульгенцию от политических трагедий» (Миронов 2018а: 696).

Широкие массы женщин устали от невзгод войны, но за ее годы научились проявлять активность и самостоятельность в чрезвычайной ситуации выживания. У казны и органов самоуправления таяли материальные средства на поддержку обездоленных, чье количество росло. У общественности иссякал энтузиазм жертвенности и безвозмездного труда на благо Отечества. Те, кто до поры до времени получал помощь от государства, местных властей и доброхотов, в итоге оказались готовы влиться в общий революционный поток.

Изложенные выше наблюдения являются еще одним подтверждением того, что перемены в демографическом поведении, семейных устоях, социальной активности женщин действительно как зеркало отражали ход имперской модернизации. Следует согласиться с тем, что люди, вовлеченные в эти процессы в качестве активных участников, становились менее зависимыми от консервативных традиций и более способными откликнуться на призывы к радикальному решению вставших перед ними, обществом и страной проблем.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Новые законы 1915 — Новые законы и распоряжения (распубликован. по 10 октября 1914 г.) о призрении воинских чинов и их семейств, а также о пенсиях и пособиях им, с приложением узаконений об охране наследств после умерших воинских чинов, и о льготах по делам гражданским, уголовным и относительно квартирных договоров. М.: Правосудие, 1915. 87 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Артамонова 2017 — Артамонова Л. М. Материалы попечительства о семьях нижних чинов, призванных из запаса и ополчения, в фондах Центрального государственного архива Самарской области как источник по истории Самары в 1914–1917 гг. // Память о прошлом — 2017: материалы и доклады VI историко-архивного форума. Самара: ООО «НТЦ», 2017. С. 86–92.

Долидович 2017 — Долидович О. М. Попечительства о семьях призванных солдат в 1914–1917 гг. (на материалах Барнаульского уезда Томской губернии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 349–372.

Миронов 2012 — Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М.: Весь Мир, 2012. 848 с.

Миронов 2018а — Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. СПб: Дм. Буланин, 2018. Т. 2. 912 с.

Миронов 2018б — Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. СПб: Дм. Буланин, 2018. Т. 3. 992 с.

Миронов 2019 — Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дм. Буланин, 2019. 528 с.

Обсуждение 2016 — Обсуждение книги Б. Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну»: в 3 т. СПб.: Дм. Буланин, 2014–2015. 896+912+992 с., 383 табл., 539 ил. // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 172–200.

Пушкарева, Щербинин 2005 — Пушкарева Н. Л., Щербинин П. П. Организация призрения семей низших чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3, № 2. С. 147–162.

Смирнов 2017 — Смирнов Ю. Н. Российская империя: от колонизации до революции // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 3. С. 869–881.

Artamonova 2016 — Artamonova L. M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41–1 (3). С. 899–907.

DEMOGRAPHIC BEHAVIOR AS A MIRROR OF IMPERIAL MODERNIZATION

Artamonova Lyudmila M. — Dr. Sci. in History, Professor, Head of the Department. Department of History of the Fatherland of the Samara State Institute of Culture (Samara)

Key words: Russia at the beginning of the XX century, modernization, World War I, social assistance, family, marriage, demographic transition.

Abstract. Issues of family, marriage, and demographic behavior play an important role in Mironov’s concept of Russian modernization and revolution. At the

same time, attention should be paid to the system of «charity of lower military ranks and their families» as an indicator of the growth of social security requirements, as a form of fixing changes in family relations in the legal field and in the collective consciousness, and as a practice of women's social activity.

REFERENCES

- Artamonova L. M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society. *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal*, 2016, no. 41–1 (3), pp. 899–907.
- Artamonova L. M. Materialy popechitel'stva o sem'iakh nizhnikh chinov, prizvannykh iz zapasa i opolcheniia, v fondakh Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Samarskoi oblasti kak istochnik po istorii Samary v 1914–1917 gg. *Pamiat' o proshlom – 2017: materialy i doklady VI istoriko-arkhivnogo foruma*. Samara: OOO “NTTs”, 2017, pp. 86–92.
- Dolidovich O. M. Popechitel'stva o sem'iakh prizvannykh soldat v 1914–1917 gg. (na materialakh Barnaul'skogo uезда Tomskoi gubernii). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia*. 2017, no. 45, pp. 349–372.
- Mironov B. N. *Blagosostoianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX veka*. Moscow: Ves' Mir, 2012. 848 p.
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2018. Vol. 2. 912 p.
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2018. Vol. 3. 992 p.
- Mironov B. N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia*. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2019. 528 p.
- Obsuzhdenie knigi B. N. Mironova “Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu”: v 3 t. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2014–2015. 896+912+992 p., 383 tabl., 539 il. *Istoricheskaiia ekspertiza*. 2016, no. 3, pp. 172–200.
- Pushkareva N. L., Shcherbinin P. P. Organizatsiia prizreniia semei nizshikh chinov v gody Pervoi mirovoi voiny. *Zhurnal issledovaniu sotsial'noi politiki*. 2005, vol. 3, no. 2, pp. 147–162.
- Smirnov Iu. N. Rossiiskaia imperiia: ot kolonizatsii do revoliutsii. *Quaestio Rossica*. 2017, vol. 5, no. 3, pp. 869–881.

В. А. Шкуратов

РЕВОЛЮЦИЯ ПРОТИВ МОДЕРНИЗАЦИИ. ЧИТАЯ «РОССИЙСКУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ И РЕВОЛЮЦИЮ» Б. МИРОНОВА

Ключевые слова: Б. Н. Миронов, модернизация, этапы модернизации, революция, пролетариат, крестьянство, стадии интеллектуального развития по Ж. Пиаже, симпрактическое мышление.

Аннотация. Новая работа Б. Н. Миронова является своего рода эпилогом к выпущенному ранее трехтомному труду «Российская империя: от традиции к модерну». Автор рассказывает о том, что произошло после падения монархии Романовых. Разбирается расширенное толкование российской модернизации и то, что автор назвал модернизационной концепцией революции. Рецензент констатирует, что глава о рабочем классе имеет характер антитезиса к положениям советской историографии о гегемоне социалистической революции, и высказывает замечания о применении в историческом исследовании схемы стадий интеллектуального развития Ж. Пиаже. В заключительной главе книги Б. Н. Миронов рисует портрет еще более инертного и атеоретического, чем промышленный пролетариат, деревенского большинства России. Он продолжает применять стадиальную схему интеллекта Ж. Пиаже, дополняя ее идеей симпрактического мышления. Рецензент вносит свои коррективы в трактовку указанного концепта. В заключение он дает оценку опытам по созданию исторической психологии и резюмирует свое понимание политико-мировоззренческой направленности книги.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-352-361

К моим прямым профессиональным интересам относятся вопросы исторической психологии, затронутые преимущественно в третьей — пятой главах монографии, но цельность мироновского замысла не позволяет мне миновать вводные части труда. Опыты ментальности доре-

волюционных рабочих и крестьян России даны в контексте развертывания стержневой идеи производства, обозначенной его названием — правда, несколько сглажено, ведь читать его следует так: «Революция против модернизации». Поскольку Б. Н. Миронов убежденный сторон-

© В. А. Шкуратов, 2020

Шкуратов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, кандидат психологических наук, Ростовский государственный университет — Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия); narradigma94@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

ник мирного безреволюционного развития страны, а революция все-таки состоялась, то в ход пускается набор приемов, доказывающих объективную ненужность, шаткость социальных оснований, условность и даже, в некотором роде, гносеологическую сомнительность досадного явления. В начале книги предпринята попытка затушевать разрывы между главными этапами развития страны. Автор соединяет имперский, советский и постсоветский отрезки отечественной истории в линию единой российской модернизации. Советский экономический рывок представлен как осуществление преобразовательных планов царского режима, положенных под сукно революцией и извлеченных оттуда новой властью с ее укреплением. В координатах мироновского девелопментализма преемственность столь велика, что два отрезка развития почти сливаются в дореволюционно-советскую модернизацию, разве что управленческие кадры стали хуже, цифры роста ниже, а издержки развития выше. Наиболее убедительно родство двух режимов показано автором на уровне технологического планирования ресурсного освоения страны. Планы ГОЭЛРО, переброски в засушливые регионы вод сибирских рек, ДнепроГЭС, Турксиб, Каракумский канал и другие атрибуты советской индустриализации оказываются подретушированными разработками дореволюционных инженеров и чиновников. Уместно добавить, что и культурно-типологическое сходство между прогрессистскими верхушками «проклятого царизма» и антисамодержавного блока вполне очевидно. Ведь это две фракции образованного сословия

России, тончайшая прослойка лиц со средним и высшим образованием европейского образца, интегрированная в когнитивном и ценностном универсуме западного происхождения и с представлениями о введении в этот универсум остального населения, т. е. «народа».

Не могу, однако, опустить очевидное. Кардинальный разлом, произведенный большевистским переворотом в отечественной, но также в мировой истории не сводится к ухудшению в исполнении модернизации страны, он миросистемный. С появлением страны «победившего рабочего класса и его союзника трудового крестьянства» политическая география планеты изменилась. Если раньше субъектом «прогрессивного развития» был «цивилизованный мир» с главными актерами, определившимися ко второй половине XVIII в. (Великобритания, Франция, Пруссия, Австрия, Россия), то теперь субъектов и, соответственно, миров, стало два. Россия, состоявшая в «цивилизованном», т. е. первом европейском мире на основе династийного, семейно-генеалогического, культурного-образовательного родства элит, общности их вкусов и манер, выходит из него, образуя собственный, «второй» мир современности. Она является его гегемоном и около трех десятилетий единственным представителем. После Второй мировой войны к этой конфигурации добавляется третий мир деколонизированных государств. Так создается покрыв «короткого XX в.» vs «долгого XIX».

Никакой лавиной статистики не скрыть того, какой раскол в универсуме «цивилизованного

человечества» вызывает приход к власти в его крупнейшей стране радикальной интеллигенции. Если на Западе, хотя и со срывами, сохраняется либеральный консенсус между всеми основными слоями общества, то в антикапиталистических левых диктатурах это невозможно. Даже правопопулистские черно-коричневые режимы не искореняют экономический плюрализм и международные системные связи своих хозяйств, к тому же, к счастью, эти режимы недолговечны. Надо понимать, что потери процентов экономического роста из-за прекращения при СССР потока иностранных капиталовложений, утрата результатов Первой мировой войны, установление железного занавеса для научно-технических и других обменов есть не ситуативные и частные явления, а результат автаркического закрытия от бывших соседей по общему «цивилизованному миру», который теперь стал первым миром.

Трудно не заметить, что суждения Б. Н. Миронова о советской модернизации колеблются между полюсами объективизма и морально-гуманистической оценки прошлого. Как объективист автор убежден в поступательном европейском пути России от Петра I до советских вождей и далее. Но «изнутри», как свидетель своего времени, он не может обойтись без критики того, что в объективистском ключе именуется человеческими издержками роста. Нельзя сказать, что шкала суждений уравновешена. Но это особенность всей сегодняшней российской историографии и, может быть, всего российского исторического сознания.

Возникает вопрос и о сроках модернизации. Если модернизация есть переход от традиционализма к современному строю жизни, то почему она так затянулась в России? А если догоняющее развитие, то сколько раз и кого еще нам придется догонять? Б. Н. Миронов допускает регенерацию традиционализма при смене социально-политических режимов России, но признать возвратное, циклическое развитие страны (хотя бы «по спирали») ему не позволяет исторический оптимизм. Никакие катаклизмы не могут сбить поступательный, линейный ход российского развития. Такой стойкий прогрессизм в эру неопределенностей и пересмотра ценностей внушает уважение, но не может отменить кризисного состояния классической веберовской доктрины модернизации.

Вторая глава посвящена другой ключевой категории книги — революции. Она называется «Модернизационная концепция Российской революции 1917 г.», но теории в специальном значении слова Б. Н. Миронов не дает. Бегло перечислив имеющиеся концепции революции, автор предлагает следующее резюме: «Во всех этих концепциях есть рациональное зерно, каждая помогает найти в революции что-то новое и интересное, поскольку помещает ее в специфическую систему координат и дает определенный угол зрения, под которым изучается фактический материал. Однако слабость многих из них состоит в том, что предлагаемые объяснения избыточно спекулятивны и недостаточно основательно подтверждаются эмпирически. На мой взгляд, все предложенные объяснения предпосылок и причин револю-

ции целесообразно рассматривать как гипотезы, которые необходимо проверить на «фактах» (как бы ни понимать, что такое факт). И пусть полученные результаты покажут, какая или какие концепции оказались более, какие менее плодотворными или совсем бесполезными для решения поставленной задачи» (Миронов 2019: 68).

Очевидно, что Б.Н. Миронов придерживается принципа верификации, но причислить его методологию к позитивистской затруднительно из-за свободного отношения к теориям и ярко выраженной полемичности, доходящей до публицистики. Свой подход в «Российской империи...» (Миронов 2018) Миронов назвал интегральным. Пользуясь принятыми обозначениями эпистемологических ориентаций, можно сказать, что его метод сочетает жесткий эмпиризм естественнонаучного типа и близкий постмодернизму концептуальный релятивизм. Композиция «Модернизации и революции» имеет полемически-эмпирический рисунок. Гипотезы предлагаются в форме дискуссионно заостренных тезисов, вокруг которых наращиваются статистические данные (там, где количественный материал отсутствует, его место занимают описательные примеры). Из концептуальных заимствований предпочтение отдается инструментальным понятиям, укладываемым в авторскую аналитику. Некоторое удивление вызывает игнорирование Мироновым наиболее близких его историческим воззрениям теорий конвергенции, единого индустриального общества, стадий экономического роста. В обширнейшей библиографии и автор-

ских индексах «Модернизации и революции» нет Р. Арона, Дж. Гэлбрейта, У. Росту. Не углубляясь в этот парадокс, рискну предположить, что для Б.Н. Миронова их концепции оказались слишком «спекулятивными», запутанными и поэтому не попали в орбиту его мысли.

От методологических соображений перейду к обзору разделов о ментальности. Чтобы не повторяться и сэкономить место, я буду ссылаться на мою предыдущую рецензию (Shkuratov 2016), тем более что рецензируемые ниже главы «Модернизации и революции» пересекаются с соответствующими разделами «Российской империи...». Глава о рабочем классе имеет характер антитезиса к положениям советской историографии о гегемоне социалистической революции. Характеристика российского пролетариата вызывает ощущение холодного душа после оптимизма выкладок о российской имперской модернизации. Также закрадывается сомнение в обусловленности переворота 1917 г. Если эта модернизация порождала такую социально и психологически нездоровую массу народонаселения, агрессивную и готовую в любой момент взорваться, то о какой случайности революции речь?

Разъяснения Б.Н. Миронова о том, что быстрый поток изменений вызывает подъем напряжений, притязаний, недовольства, стрессов и колебаний самочувствия среди захваченных им и вырванных из рамок привычной жизни людей, оказываются весьма уместны. Объективное улучшение антропометрических, имущественных и бытовых показателей общей

человеческой массы прогресса не может нейтрализовать явления маргинализации и пауперизации значительной доли его исполнителей. Однако такова цена экономического роста, иначе обеспечить его тогда было невозможно. Миронов считает, что злонамеренные или недалекие деятели из российской интеллигенции, подстрекавшие фабричный люд, ошиблись в гегемоне своей революции, а потому и не добились целей последней. Вместе с тем они сорвали получение рабочими своей доли от капиталистической модернизации страны. В позднеимперский период происходит улучшение условий труда и быта тружеников индустрии, вводятся меры по их социальной защищенности, однако дело не в кардинальном изменении положения, а в том, что фабрично-заводское законодательство начинается с нуля. Стачечной активностью Россия начала XX в. превосходит Запад, однако требования рабочих Миронов считает завышенными.

Находя вполне достоверным предложенный им социально-психологический портрет отечественного промышленного пролетариата, я полагаю, что последний не являлся однородной массой и что изучение социальной истории этой группы народонаселения невозможно без изучения ее разнообразия, причем будет весьма полезно делать это в сопоставлении с рабочим движением главных капиталистических стран. Гипотеза Б.Н. Миронова состоит в том, что российский пролетариат не был столь образован, чтобы освоить программы своих социал-демократических вожakov, поэтому сбивался на самые обыденные и агрессивные толкования их

лозунгов. При таком гегемоне революция не могла достичь поставленных ей целей, что и требовалось доказать. Остановлюсь на главном пункте мионовской аргументации. т.е. на понимании рабочими программных установок рабочих партий. Положения программы-минимум РСДРП были сформулированы конкретно и в основном не требовали особых разъяснений. Вряд ли самоуправление, всеобщее избирательное право, восьмичасовой рабочий день, отмена штрафов и сверхурочных работ, передача земельной собственности от помещиков оставшимся в деревне крестьянским родственникам, а значит, и себе представляли мыслительную сложность для слабо подкованного в теориях фабрично-заводского люда.

Это условия держателя товара — рабочей силы. Именно вокруг них, со всякими дополнениями и уточнениями, велся торг между нанимателем и представителями нанимаемого — профсоюзами, тред-юнионами, лейбористами и всякого рода «оппортунистами» из социал-демократии на Западе. В конце концов условия выговаривались все более сносные, а рабочее представительство, отказавшись от радикальных требований свержения буржуазно-помещичьего строя, занимало места в парламентах и правительствах капиталистических стран. В России получилось иначе, но совсем не потому, что работник физического труда не понимал своей конкретной пользы. Если придерживаться тезиса о факторе образованности, то он касается программы-максимум РСДРП, в которой говорилось о более далеких целях революции — установлении диктатуры пролетариата для построения социалистического обще-

ства, а в перспективе — коммунистического будущего. Разобраться в данных категориях нелегко, и не только малограмотному. Они вообще не формулируются рационально и внятно. Начать с того, что основоположники научного коммунизма оставили нам только туманную риторику вместо научного описания этого коммунизма. На всем протяжении программирования светлого будущего партийные идеологи находятся в судорожных поисках сроков и признаков его приближения. То оно обещано «нынешнему поколению», то конкретно намечено на 1980 г., то определено как «советская власть плюс электрификация всей страны», то объявлено уже наступившим в качестве «всенародного государства», то отодвинуто подальше до полного стирания социально-бытовых различий в обществе и т.д. Но и эта чехарда вокруг официозных лозунговых этикеток меркнет перед напряженными попытками определить неопределимое левыми интеллектуалами, среди которых и самые выдающиеся умы XX в.

Однако возвращусь к образовательному цензу, которым Б. Н. Миронов пресекает ход к премудростям революционной идеи необразованному населению России. Логика прямолинейна и напоминает евангельское речение «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное». Если человек не имеет среднего или высшего образования — а в России конца XIX — начала XX в. его не имели 99,99% рабочих, — то путь в сокровищницу партийной мысли ему заказан. При этом в качестве научно-психологической опоры своего утверждения Миронов берет класси-

фикацию стадий интеллектуального роста Ж. Пиаже. Я уже высказывал замечания о сложностях использования наследия швейцарского ученого (Shkuratov 2016). Уповающих на универсализм стадийальных построений женевской школы ожидают серьезные препятствия к их всеприменению. Во-первых, со стороны психологов, работавших с методиками Пиаже в третьем мире. Они обнаружили, что взрослые испытуемые, не получившие школьного образования, но адаптированные к жизни в городе и успешные в современной экономике, справляются с задачами операционального интеллекта. Фактор урбанизации отчасти заменяет хождение в классы. А работа со сложными техническими устройствами, наладка механизмов, чтение чертежей — все это безусловно развивает логическое мышление.

Но главное затруднение исходит от самой теории Пиаже. Ведь высшая стадия формальных операций достигается в 12–15 лет. Что дальше — об этом мы у швейцарского психолога не узнаем. «Мы можем сказать, что, когнитивно выражаясь, взрослый в нашем обществе имеет ментальность подростка» (Hallpike 1979: 39), — делает вывод последователь Пиаже К. Холлпайк. На родине Пиаже эти взрослые с ментальностью подростка не проявляют свойственных психологии переходного возраста негативизма, бравяды, подверженности эпатажной моде и вызывающим взглядам. Швейцария — тихий, мирный островок среди бушующих со всех сторон мировых войн и революций XX в. Но то, что ее население до такой степени равнодушно ко всякого рода экстремизму,

только подчеркивает ее несовместимость с большими странами вроде России, охваченными эсхатологическими брожениями. Генетические построения Пиаже — шедевр адаптивной доктрины. Они ограничивают интеллектуальную планку среднестатистического взрослого населения старшими классами швейцарской школы. Обратимые операции дают возможность ассимилировать получаемую информацию в схематизмы групп и решеток. Очевидно, что это модернизированная формальная логика, а выражаясь по Канту — *Verstand*, рассудок. Следующая ступень умственного развития — *Vernunft*, разум — моделью интеллектуального роста не предусмотрена. Ни среднее, ни даже высшее образование не дают прямого хода к премудростям диалектики, которая ее адептами обозначалась как вершина познания, своего рода «тайная тайных», сходная с эзотеричностью Священного Писания.

Пропустив по недостатку места интересную и насыщенную главу о семейно-демографической трансформации предреволюционной России, обращусь к мироновскому изображению крестьянской ментальности. В этом завершении книги авторская задача раздваивается. Продолжая основную линию дезавуирования революции, Б.Н. Миронов набрасывает портрет еще более инертного и атеоретического, чем промышленный пролетариат, деревенского большинства России. Вместе с тем он выдвигает и самостоятельную цель — наметить основы науки об исторической психологии крестьянства. В первом случае в качестве образовательного ценза продолжает применяться ста-

диальная схема интеллекта Ж. Пиаже. Она дополняется идеей симпрактического мышления со ссылкой на книгу В.Н. Романова (*Романов 1991*). Миронов пишет: «Мышление крестьянина на рубеже веков было практически действенным, конкретным, ситуативным, непосредственно связанным с ощущениями и действиями. Некоторые антропологи называют его мифологическим или дологическим (Леви-Брюль). Российский культуролог В.Н. Романов назвал его симпрактическим... Он выделил два типа культуры: симпрактический, существующий в традиционных обществах, который предполагает передачу информации посредством “предметных схем действий” (Леви-Брюль)... и теоретический тип, развившийся в письменных модернистских обществах, при котором выделяется отдельный канал для передачи информации, отстроенный от непосредственной деятельности» (*Миронов 2019: 338*).

Сделаю ремарки к приведенной цитате. Леви-Брюль придерживался гносеологии Э. Дюркгейма. В учении последнего познавательные нормы, управляющие человеческим поведением, разделяются на два класса — индивидуальных представлений и коллективных представлений. Одни логические и практические, другие управляют групповыми аффектами. Пралогическое мышление, по Леви-Брюлю, не относится к сфере практической деятельности так называемых примитивных народов. Их трудовые навыки действительно погружены в наглядно-действенный опыт. Пралогическое же мышление имеет характер коллективных представлений, которые обеспечивают групповую со-

лидарность первобытных общностей. На изумленные вопрошания, как же туземцы при своих фантастических представлениях о мире могут выжить в природе, французский этнолог отвечал, что фантастические представления и выживание в природе — это разные вещи, они не смешиваются, как вода и масло. Относительно В. Н. Романова отмечу, что в издании, на которое ссылается Б. Н. Миронов, нет понятия симпрактического мышления, а есть упоминания «симпрактического информационного канала» (Романов 1991: 18), «симпрактических информационных процессов» (Там же: 49, 63, 67) «симпрактичности» (Там же: 163). Раздел «Исторического развития культуры...», в котором комментируются результаты этнопсихологической экспедиции 1931–1932 гг. в Среднюю Азию, называется «Традиционное мышление и самосознание». Романов разделяет первобытную и традиционную культуры, толкуя последнюю скорее в техническом смысле, как полевые материалы антропологов об «отсталых» народах.

Московский культуролог нашел оригинальный аспект многократно обсуждавшихся опытов А. Р. Лурии с узбекскими дехканами. Оказывается, неграмотные и малограмотные испытуемые воспринимали эксперименты по изучению их мышления не как специальные задания, а как беседы с экспериментатором. Их мотивация состояла не в решении задач, а в изложении своего мнения, иначе говоря, была коммуникативной. Батарей тестов были построены так, что выталкивали их к демонстрации собственного практического опыта. Однако вспомним, что испытуемые

были мусульманами, с кругозором, выходящим за пределы навязанной им симпрактичности. Коллективные представления, как правило, исключаются из обследований на сформированность формальной логики, но именно они создают контакт высших надпрактических (архетипических) ценностей как будто несовместимых партнеров.

Глава «Когнитивные практики русских крестьян и их изменения под влиянием модернизации» рецензируемого труда содержит массу информации. Читатель узнает, как российские земледельцы считали, измеряли пространство и время, понимали абстракции, запоминали, выражали эмоции и чувства, поддерживали идентичность и самооценку, чем гордились и что порицали; также о детских и первобытных рисунках, обратной и линейной перспективах, лубках. Он познакомится с биографией купца первой гильдии Ф. Д. Бобкова, получит сведения об инфантильности крестьян, их играх, эстетических вкусах, отношении к техническим новшествам и образованию, картине мира, демонологии, законам, психических расстройствах в их среде и уровне грамотности среди разных народов империи. Завершается глава разделом о культурном расколе в российском обществе с примечаниями о межполушарной асимметрии головного мозга. Всего этого достаточно для обоснования тезиса о несвоевременности и неудаче революции, что же касается проекта исторической психологии, то хотелось бы большей систематичности и обоснованности. Наиболее известные в XX в. попытки создать науку с указанным названием вращаются

вокруг авторитетных философских разъяснений, почему сделать это невозможно, и, увы, скорее подтверждают их, чем преодолевают. Поэтому очередная заявка в клуб творцов почему-то не созданного до сих пор знания с приложенным рецептом «исторический материал плюс какие-нибудь психологические понятия» должна бы сопровождаться резолюцией о том, что рецепт слишком прост и многократно использовался без успеха. Хотя почему без успеха? Знакомство с пограничными областями знания расширяет исследовательские возможности и кругозор ученого. Только не надо считать, что так называемый междисциплинарный подход превращает его в знатока всяческих наук. Для меня историсофские фигуры мироновского нарратива оказались интереснее психологических толкований им документального материала. На авансцене грандиозного исторического действия, представленного в книге, их две — пролетариат и крестьянство. Они — незрелые исполнители замыслов противоборствующих фракций российского образованного сословия — интеллигенции и бюрократии. Отсутствие глав об этих постановщиках исторического процесса в России воспринимается как пробел книги, хотя даже и Б. Н. Миронову, видимо, трудно объять необъятное. Богатый материал дореволюционной литературной этнографии, собранный им в главе о крестьянстве, теряет в ценности без объяснений того, что объективность приводимых фактов дана сквозь призму просветительских установок образованного сословия. Эти установки в основном дизъюнктивны. Но имеется и мощная конъюнкция эсхатологического возбу-

ждения, в котором одинаково живут интеллигенция и народ. Да и власти, этой веберовской рациональной бюрократии, в советском варианте положено бредить светлым будущим.

Единственный положительный герой мироновского повествования — правящий слой государства, этот, вспоминая Пушкина, «единственный европеец в России». Он руководит модернизацией России, и поэтому Б. Н. Миронов готов простить ему отклонения от человечности и морали. Заключительные выводы книги входят в когнитивный диссонанс с ее оптимистическим посылом. Оказывается, что потенциал революции закладывается турбулентностью социальных процессов и быстротой изменений на фоне инерционного состояния затронутой сдвигами человеческой массы и нетерпения пророков будущего. В этом, как я понимаю, на самом деле и состоит модернизационная концепция революции.

Намеренно или ненамеренно выводы книги служат оправданию консерватизма нынешнего политического курса и суммируют не только исторические уроки трехвековой российской модернизации, но и опасения от последствий быстрой смены правления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Миронов 2018 — *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.

Миронов 2019 — *Миронов Б. Н.* Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 527 с.

Романов 1991 — Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М.: Наука, 1991. 192 с.

Hallpike 1979 — Hallpike C.R. The Foundations of Primitive Thought. Oxford: Clarendon Press, 1979. 516 p.

Shkuratov 2016 — Shkuratov V.A. Historical Psychology in Boris Mironov's «Russian Empire» // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41–1 (3–1). С. 973–980.

REVOLUTION AGAINST MODERNIZATION. READING «RUSSIAN MODERNIZATION AND REVOLUTION» OF B. MIRONOV

Shkuratov Vladimir A. — Dr. Sci. in Philosophy, Professor, PhD in Psychology, South Federal University (Rostov-on-Don)

Key words: B. N. Mironov, modernization, stages of modernization, revolution, proletariat, peasantry, stages of intellectual development according to J. Piaget, sympractic thinking.

Abstract. New B. N. Mironov's book is a kind of epilogue to the previously published three-volume work "Russian Empire: from tradition to modernity". The author talks about what happened after the fall of the Romanov monarchy. Although the reviewer's direct professional interests include the issues of historical psychology touched upon in the second half of the monograph, the integrity of Mironov's plan did not allow him to bypass the introductory parts of the work. The expanded interpretation of Russian modernization and what the author called the modernization concept of the revolution is analyzed. The reviewer notes that the chapter on the working class has the character of an antithesis to the provisions of Soviet historiography about the hegemon of the socialist revolution and comments on the use of Piaget's scheme of stages of intellectual development in historical research. In the final chapter of the book, the author draws a portrait of an even more inert and atheoretical than the industrial proletariat, the rural majority of Russia. He continues to apply the stage-by-stage scheme of intelligence by J. Piaget, supplementing it with the idea of sympractic thinking. The reviewer makes his own adjustments to the interpretation of this concept. In conclusion, he appreciates the experiences in the creation of historical psychology and summarizes his understanding of the political and ideological orientation of the book.

REFERENCES

Hallpike C.R. *The Foundations of Primitive Thought*. Oxford: Clarendon Press, 1979. 516 p.

Mironov B.N. *Rossiiskaya imperia ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 2018. Vol. 1. 896 p.

Mironov B.N. *Rossiiskaya modernisatsia i revoliutsia*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2019. 527 p.

Romanov V.N. *Istoricheskoe razvitie kultury. Problemy tipologii*. Moscow: Nauka. 1991. 192 p.

Shkuratov V.A. Historical Psychology in Boris Mironov's "Russian Empire". *Bylye Gody. Russian Historical Journal*. 2016, no. 41–1 (3–1), pp. 973–980.

Б. Н. Миронов

ЭТЮДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПТИМИЗМА

Ключевые слова: имперская Россия, модернизация, революция, Первая мировая война, исторические оптимисты и пессимисты.

Аннотация. Б. Н. Миронов, автор обсуждаемой на круглом столе журнала «Историческая экспертиза» книги «Российская модернизация и революция», комментирует выступления участников, отвечает на их вопросы, замечания и предложения.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-362-376

Д. Я. Травин — экономист по основному образованию, последние 12 лет профессионально занимается исторической социологией, в частности модернизацией, и является научным руководителем Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге (Травин 2015; 2018). В его известной книге (Травин, Маргария 2004) российская модернизация рассматривается в контексте европейской модернизации — это единственное в отечественной науке сравнительно-историческое исследование на эту тему. Травин относит обсуждаемую книгу к исследованиям по исторической социологии России, что, на мой взгляд, не лишено оснований (Миронов 2004), и ищет в ней ответы скорее на социологические, чем исторические вопросы. Почему революция 1917 г. привела к столь тяжелым последствиям для экономики и политики России, почему она привела к многочисленным жертвам? Можно ли сказать, что именно наша страна

обречена на разрушительные революции, или все революции неизбежно приводят к трагедиям? Если эта проблема относится не только к России, то почему же мы сегодня видим, что наша страна отстает по многим экономическим и социальным показателям от других стран, в которых происходили известные революции Нового времени?

На мой взгляд, подобный подход к историческим исследованиям, не часто встречающийся, ставит их в контекст современной проблематики, показывает, что они на самом деле могут быть злободневными и актуальными, тем самым привлекает к ним общественный интерес, расширяет читательскую аудиторию. Нередко историки намеренно избегают актуальности, полагая, что она уводит их от науки к публицистике и политике. Такая опасность действительно существует. Однако постановка злободневных вопросов в исторических сочинениях стиму-

© Б. Н. Миронов, 2020

Миронов Борис Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); mironov1942@yandex.ru

лирует историков входить в пограничные области знания, расширять программу, методологию, концептуальный аппарат, эвристические возможности и кругозор. А будет ли эта интервенция проведена на публицистическом или академическом уровне, зависит от самого исследователя. Вопросы, поставленные Д.Я. Травиным, меня тоже волнуют, и я искал на них ответы в своих работах, включая данную, за что некоторые оппоненты меня осуждали, обвиняя в политической ангажированности. Однако, на мой взгляд, это делается от неспособности найти убедительные аргументы против модернизационной концепции российской революции. Так часто бывает: когда оппонент исчерпывает арсенал рациональных аргументов, он переходит на личности.

Д.Я. Травин абсолютно прав, считая «Российскую модернизацию» своего рода эпилогом к выпущенному ранее трехтомнику «Российская империя», в котором формулируется модернизационная концепция революции. В ней революция анализируется не просто как событие, а как результат российской модернизации, можно сказать — как побочный продукт успешной модернизации, ведь именно успехи породили проблемы: ускоренное, а в ряде случаев и преждевременное проведение реформ потребовало больших издержек и даже жертв. «Мы сможем это осмыслить, если откажемся от представления, будто модернизация — это только созидание, а революция — только разрушение». Экономический рост в период империи я оцениваю как экономическое чудо, что вызывает удивление у одних и представля-

ется странным другим, поскольку такой рост не выдерживает сравнения с экономическим чудом ни в Западной Германии и Японии после Второй мировой войны, ни с Китаем и Южной Кореей в последние десятилетия. Слово «чудо» не экономический термин. Оно означает нечто поразительное, удивляющее своей необычностью. То, что произошло в российской экономике после Великих реформ 1860-х — начала 1870-х гг., действительно удивительно: после нескольких столетий нулевого роста душевого валового внутреннего продукта он стал быстро расти, прежде всего за счет развития промышленности, несмотря на феноменальный естественный прирост населения. Это чудо породило пролетариат и другие социально-экономические проблемы, вследствие чего стало одним из факторов революции.

Д.Я. Травин соглашается, что Россия не была обречена на революцию именно в 1917 г. Однако считает, что рано или поздно революция должна была произойти и в России, как во Франции, Германии, Австро-Венгрии, Испании и других странах, потому как модернизация создает проблемы, которые мирным путем не решаются. Такой интересный поворот проблемы закономерности революции заслуживает специального обсуждения.

Д.Я. Травин высказывает несогласие по двум аспектам. Он считает, что между имперской и советской модернизацией в действительности больше кардинальных различий, чем представляется мне. Близкое по смыслу замечание высказал и В.А. Шкуратов, поэтому ответу обоим сразу.

Я удивился, пролистал «Российскую модернизацию» и обнаружил, что они правы. В книге принципиальные различия между имперской и советской модернизацией часто слишком сглажены. Акцент сделан на сходстве, хотя я напоминал, что имперский проект — либеральный, советский — консервативный, постсоветская модернизация вернулась к либеральному позднеимперскому проекту (Миронов 2019: 53, 439). Увлечшись идеей исторической колеи, я забыл о кардинальных различиях. Сыграло свою роль и мое понимание «Российской модернизации» как эпилога к «Российской империи», где принципиальные различия имперской и советской модернизации прописаны обстоятельнее. Травин верно описывает недостатки советской и преимущества имперской модернизации. Шкуратов правильно подчеркивает специфику советской модернизации. И все же не будем бросаться в другую крайность — будем помнить и о наличии большого сходства между ними.

Д. Я. Травин сомневается, что авторитарный стиль управления может быть оптимальным для достижения максимальной эффективности труда и наилучшим образом обеспечивать общее благо. Он уверен, что самым действенным средством повышения эффективности труда является рынок. Думаю, однако, что рынок не всегда выступает в качестве альтернативы авторитарному стилю управления. Мы знаем примеры успешного сочетания авторитаризма с рынком. Например, в XVIII — первой половине XIX в. во многих европейских странах крепостное право существовало в условиях рыночной

экономики, а в США — рабовладельческие хозяйства, где практиковалась высшая степень авторитаризма, успешно конкурировали со свободными фермерскими хозяйствами. В современном менеджменте во всех развитых странах авторитарный стиль используется наряду с двумя другими — демократическим и либеральным. Мировой опыт показывает, что все три стиля имеют достоинства и недостатки; их эффективность обуславливается обстоятельствами и культурно-психологическим профилем участников управления. В КНР авторитарный стиль управления практикуется не только в экономике, но и в политике. В условиях пандемии он признан более эффективным, чем демократический и либеральный.

На мой взгляд, заслуживают обстоятельного обсуждения вопросы об эффективности разных стилей управления в экономике, политике и других сферах общественной жизни и о возможности сочетания одного стиля в экономике, другого в политике, третьего в управлении культурой и наукой.

Чрезвычайно важным для дискуссии является выступление **И. В. Поткиной** — известного российского экономического историка, автора четырех монографий (Поткина 1994; 2004; 2009; Морозова, Поткина 1998), к тому же давно занимающейся проблемой модернизации (Поткина, Селунская 1990). Скоро увидит свет ее новая книга «Государство и экономика в России в годы Первой мировой войны: источники, историография, проблемы» (знаю о книге, потому что был ее рецензен-

том). Поткина разделяет мою концепцию модернизации и революции, но только потому, что результаты ее собственных исследований привели ее к аналогичным выводам — социальные взрывы стали «проявлением крайней напряженности и несбалансированности модернизационного процесса в России на рубеже XIX–XX вв. Изучая историю Никольской мануфактуры Морозовых, она на микроуровне — на примере конкретной фирмы — смогла оценить, какую высокую цену пришлось заплатить и рабочим, и предпринимателям за технологический рывок в промышленности (Поткина 2004: 321). Занимаясь исследованием проблем регулирования народного хозяйства в России в период Первой мировой войны (на основе корпуса законодательных источников), И.В. Поткина также пришла к выводу, что причины Февральской революции лежали в большей степени в области социально-политической, чем экономической. Тщательное изучение историографии и собственный анализ многочисленных источников, относящихся к 1913–1918 гг., убедил ее, что правящая элита даже на фоне таких воюющих стран, как Франция, Италия, Германия и Великобритания, достаточно удовлетворительно справлялась с острыми текущими народно-хозяйственными проблемами, несмотря на противостояние общества и власти и непримиримую борьбу контрэлит. Совпадение выводов, независимо полученных разными исследователями на основе изучения различных источников, под разным углом зрения, на макро- и микроуровне, — серьезный аргумент в пользу данных выводов. На всех, кто знает свойственную

И.В. Поткиной чрезвычайную научную добросовестность, ее наблюдения произведут сильное впечатление независимо от их взглядов на проблему.

Всегда стремлюсь, чтобы авторская концепция реализовывалась как триединство нарратива, статистики и иллюстраций. Но критики так редко обращают на это внимание, что у меня иногда закрадывается сомнение в эвристической ценности эго-документов и особенно иллюстраций (на подборку которых, между прочим, приходится тратить немало времени). И вот, наконец, услышал оценку: «Монографии Б.Н. Мирнова, как правило, сопровождаются большим числом изобразительных источников, которые играют не последнюю роль в системе доказательств. Помимо фиксации события, они обладают огромной эмоциональной силой, нисколько в этом смысле не уступающей материалам личного происхождения. Так случилось и в этот раз. Обращает на себя внимание широкое использование репродукций графических работ И.А. Владимирова, которого по праву называют художественным летописцем революции». Более того, И.В. Поткина полагает, что для полноты картины можно было бы обратиться к рисункам других художников, а также фронтовых корреспондентов. Мысль интересная, но в нашем контексте неисполнимая. В книге 99 иллюстраций, в большинстве цветных. Увеличение их числа могло превратить монографию в альбом и чрезвычайно удорожило бы книгу.

С некоторой тревогой ждал реакции на развенчание лакированного

образа «авангарда революции» — пролетариата. Публикация моей статьи о рабочих в американском журнале «Kritika» была встречена прохладно — в американской историографии с некоторых пор считается как бы неполиткорректным давать критические оценки социальным группам, находящимся в низшем классе (Mironov 2017a: 351–370; 2017b: 401–415). Возражений со стороны отечественных коллег на мои статьи о рабочих не встречал. Участники настоящей дискуссии поддержали меня, и наиболее ясно и определенно И. В. Поткина: «Глава (о рабочих. — Б. М.) настолько фундирована источниками, что даже противников нового взгляда на “застрельщика революции” должна заставить если не пересмотреть, то хотя бы задуматься над политически ангажированной и широко растражированной точкой зрения советских историков российского пролетариата».

И. В. Поткина в принципе положительно воспринимает мою попытку оценить ориентировочно долю населения, подготовленного к проведению буржуазно-демографических реформ, по проценту людей, вовлеченных в демографический переход. Однако она «не уверена в том, что необходимо давать точную цифру, в любом случае это будет только экспертная оценка». Согласен, что моя оценка «умозрительна», поэтому долго сомневался, прежде чем ее обнародовать. Но все-таки решился ради чистоты моего стиля — давать по возможности всему количественные оценки. Но оговорил, что «это, вероятно, преувеличенная оценка, максимум максиморум», другими словами, к преобразованиям готовы

менее 14% населения. В таком виде это выглядит не точной цифрой, а пределом сверху. Диспутант также считает, что в отношении демографического поведения «вряд ли исторически оправданно проводить жесткие границы по этно-конфессиональному и культурно-образовательному признаку», потому что «не все высокообразованные люди или не все протестанты, англикане, католики или иудеи жаждали кардинальных перемен в общественно-политической сфере». Безусловно, не все. Однако значительная часть людей данных конфессий хотели преобразований, а большинство православных и мусульман не хотели, хотя среди последних встречались и жаждавшие реформ. Аналогичным образом обстоит дело с образованными и необразованными. Поведение людей в любых вопросах, даже экзистенциальных, является вероятностным. Например, некоторые стремятся к смерти или не хотят быть сытыми или любимыми вопреки инстинкту. Несмотря на это, мы не говорим, что люди предпочитают умирать или быть голодными и нелюбимыми. Как показывает математико-статистический анализ, в России поздней имперского периода демографические процессы находились в тесной корреляционной связи с конфессиональными и образовательными показателями населения. Поэтому в данном конкретном случае проведение конфессиональных и образовательных границ мне представляется оправданным, при условии признания таких границ вероятностными.

Совершенно согласен с И. В. Поткиной, что моим «серьезным упу-

щением является полное забвение монографии В.И. Бовыкина». Размышляя об этой досадной оплошности, полагаю, что причиной этого послужило застрявшее в моей памяти на бессознательном уровне его активное участие в 1970-е гг. в критике «нового направления» в советской экономической истории.

И.В. Поткина находит весьма категоричным мое утверждение: «Цивилизационная уникальность России в смысле неких культурно-национальных черт, не поддающихся влиянию времени, на мой взгляд, миф». Она думает, что нельзя игнорировать «уникальную культурно-историческую традицию России», которая находит яркое проявление в религии, народном песенном творчестве, академической музыке, литературе, иконописи, живописи и т.д.». Полагаю, что на самом деле между нами нет разногласия: мы говорим о разных вещах. Я — о том, что культурно-национальные особенности поддаются влиянию времени, т.к. *генетически не наследуются*. А оппонент — о том, что русская культура имеет своеобразие, передающееся *от поколения к поколению в ходе социализации*. Современная наука утверждает, что приобретенные признаки: черты характера, привычки, наклонности, традиции — не закрепляются в генах и не передаются по наследству. Все это составные части модели поведения, которые человек перенимает в ходе социализации от родителей и окружения. Моя категоричность объясняется тем, что в последнее время получила распространение идея о том, что особенности национального характера закреплены **генетически**. Некоторые современные

авторы относят русских к низшим социальным организациям, **генетически** не способным к развитию и решению проблем модернизации. «Массовый человек России не только XIX–XX вв., но и начала XXI столетия, с доминантой традиционного (мифологизированного) сознания, нуждался и нуждается в культе личности вождя. У русских сохраняется генетически обусловленное неприятие властной элиты. Оно сопряжено с исторически возникшим еще у праславян, сохраняющимся, по сути архаичным, латентным стремлением обрести волю, а не свободу» (*Кожурин 2007: 167, 169–171*).

Уже немало лет в своих исследованиях **А.Б. Лярский** использует когнитивистско-антропологический подход, отдавая предпочтение качественным, а не количественным методикам. Проблема детского суицида в России в конце XIX — начале XX в. занимает особое место в его творчестве (*Лярский 2010; 2017*). Эта проблема дала ему благоприятную возможность для проверки вывода о противоречивом воздействии модернизации на сознание и поведение людей. В его комментарии основное внимание уделяется влиянию образовательных стратегий, характерных для позднеимперского периода. В результате исследования он согласился с моим выводом о противоречивом и травматическом влиянии модернизации: «Она не убирает, а обостряет и усиливает архаичные элементы жизни, иногда придает им новый импульс, и только при подобном усилении архаика проявляется, становится не сама собой разумеющейся и может быть преодолена». Кажется, образование должно нести

свет и надежду всем людям, и прежде всего представителям непривилегированных слоев. Однако у многих простых людей не было реальной возможности воспользоваться плодами модернизации в сфере образования, что приводило к состоянию фрустрации: в их сердцах поселялись отчаяние, тоска, а кроме того, зависть к тем, кто такую возможность имел. Но последним, в свою очередь, стоило огромного труда и здоровья подняться хотя бы до уровня среднего образования. К тому же культурный разрыв, возникавший между родителями и образованными детьми, часто провоцировал внутрисемейный межпоколенный конфликт. А контраст между надеждами и реальностью, окружающей учащихся, порождал сильные противоречия также и внутри отдельной личности, что нередко приводило к самоубийству. Именно крестьянские дети дали основной прирост числа суицидов во время так называемой эпидемии самоубийств среди учащихся в 1907–1913 гг.

А. Б. Лярский обнаружил, что модернизация проявляется не столько в виде усвоения идей, сколько в виде «неотрефлексированных рутинизированных практик, которые постепенно расширяют сферу своего воздействия, превращая в норму то, что ранее казалось экзотикой». Это очень важное наблюдение, потому что еще в 1897 г. 70% населения империи в возрасте 9 лет и старше было неграмотным. Однако диспутант распространяет данное наблюдение и на те сферы жизни, где переменны в практиках могут происходить в результате изменений в менталитете и мировоззрении. Например, ему кажется, что демографическая

модернизация России происходила менее сознательно и более стихийно, чем представлено в книге. Люди начинали ограничивать рождаемость не потому, что стали более рациональными, а благодаря «доступности, простоте и удобству использования» противозачаточных средств. А. Б. Лярский смотрит на ограничение рождаемости с точки зрения современного светски образованного человека — как на обычный механический акт. Но в конце XIX — начале XX в. простой народ (примерно 95% населения страны) считал использование любых средств, направленных против деторождения, незамолимым грехом. Господствующая культура, церковь и закон относились к практике регулирования рождаемости как к запретному, греховному, а в некоторых случаях и преступному (например, в отношении аборта) отклонению от общепринятого и общепризнанного поведения. Непросто было решиться женщине на подобный поступок. В такой ситуации решение об ограничении рождаемости, конечно, должно было быть отрефлексированным. Жаль, что я не упомянул об этом в обсуждаемой книге, хотя писал в других работах (см., например: *Миронов* 2018а: 553–561; 2018б: 185–190).

Есть расхождения с А. Б. Лярским еще по двум вопросам. Он полагает, что уровень культуры не оказывает влияние на подверженность пропаганде и пиару. Однако психологи и специалисты пиара думают по-другому. Они экспериментально установили, что мера внушаемости у каждого человека разная и зависит от различных ситуативных и личностных факторов. В числе

последних — когнитивное развитие: индивиды с невысоким уровнем интеллекта, слабо развитым концептуальным мышлением и медлительностью мыслительных процессов обладают повышенной внушаемостью. В настоящее время «высшее образование не является панацеей от воздействия PR» вследствие, с одной стороны, чрезвычайного развития технологий манипуляции, с другой — готовности значительной части образованной молодежи (между прочим, более податливой манипуляции сравнительно со взрослыми) к восприятию определенных идей (*Кара-Мурза* 2007: 40–41, 127–128). Как писал А. С. Пушкин: «Ах, обмануть меня не трудно!.. // Я сам обманываться рад!»

А. Б. Лярскому также кажется, что я преувеличиваю роль PR в революционном движении. Невозможно количественно оценить роль пиара и других факторов в происхождении революции, и я не утверждаю, что пиар был главным. Думаю, однако, что его значение было бóльшим, чем обычно ему приписывается. Вспомним, о чем мечтали революционеры — о газете как коллективном пропагандисте, коллективном агитаторе и коллективном организаторе. Сколько сил и средств тратила оппозиция и правящий режим на пропаганду и агитацию, на издание брошюр и листовок, газет и журналов и на другие пиаровские мероприятия! Сильно сомневаюсь, что все это делалось впустую и без всяких значительных результатов.

Л. М. Артамонова умеет читать научные тексты медленно и внимательно, не пропуская деталей, как читает

опытный и умный детектив следы, оставленные преступником или жертвой. Современные читатели эту способность постепенно утрачивают под давлением гигантской информации, которая на них обрушивается.

Внимание Л. М. Артамоновой сосредоточилось на главе о демографической модернизации. В частности, она нашла правильное объяснение обнаруженному мной факту: попечительские обследования 1915–1916 гг. среди семей столичных нижних воинских чинов показали сенсационное по тем временам количество внебрачных семей — 10% от общего числа семей. Я объяснил это широким распространением к тому времени гражданских браков, особенно в столице, где изменения брачной модели были более распространены и заметны, а также огромной концентрацией военнослужащих, обусловленной идущей войной. Артамонова справедливо отметила, что при объяснении данного факта необходимо принять во внимание «Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств 1912 г.», которое ввело в правовое поле систему помощи семьям лиц, призванных на военную службу. Положение ликвидировало пренебрежительное отношение к членам гражданских семей, грозившее подорвать моральный и боевой дух армии. Поскольку в относительных цифрах данные о распространении гражданских браков среди военнослужащих в Петербурге и провинциальных тыловых городах сопоставимы, то очевидно, что дело состояло не в специфике милитаризированной столицы. Артамонова обнаружила, что в условиях войны «Положение...» вызвало рост общественной активности

женщин в силу того, что предоставление помощи имело заявительный характер, а в составе попечительств преобладали женщины-волонтеры. Она установила, что активность женщин в годы Первой мировой войны стала продолжением той большой общественной работы, которую они проводили в 1912–1913 гг. во время войны на Балканах (Артамонова 2013: 12–15) и во время борьбы с последствиями неурожая 1911–1912 гг. (Артамонова 2016: 899–907). На основе приведенных данных Артамонова пришла к следующим выводам: 1) изменения в демографическом поведении, семейных устоях, социальной активности женщин действительно отражали ход имперской модернизации; 2) вовлеченные в эти процессы люди становились менее зависимыми от традиций, более способными откликнуться на призывы к реформированию общества, активно включались в общественную работу; 3) при всей приблизительности количественная оценка числа таких людей интересна как показатель наличия и глубины модернизации. Стоит заметить, что Л. М. Артамонова, подобно И. В. Поткиной, поддержала мои выводы после их верификации на основе собственного исследования. Аналогичным образом она согласилась и с моей характеристикой российского пролетариата.

Большой удачей для круглого стола, посвященного книге, имеющей прямое отношение к культурологии и исторической психологии, является участие в нем **В. А. Шкуратова** — историка по образованию, культуролога и психолога по призванию и научной деятельности. Он основатель российской школы исторической

психологии, которую понимает как изучение психологического склада отдельных исторических эпох, а также изменений психики и личности человека в истории (Шкуратов 1990; 1997; 2005; 2006; 2009; 2011; 2015). Я удовлетворен, что с основными выводами, хотя и с некоторыми оговорками, В. А. Шкуратов согласен. Вместе с тем он высказал ряд интересных соображений и замечаний.

Диспутант полагает, что «исторический оптимизм» и «стойкий прогрессизм» вплоть до настоящего времени «в эру неопределенностей и пересмотра ценностей не может отменить кризисного состояния классической доктрины модернизации». В принципе он прав. Объяснительная роль теории модернизации при изучении постмодернистских обществ действительно невысока, что совершенно естественно — она создана для анализа трансформации традиционных обществ в современные. Однако Россия во второй половине XX — начале XXI в. в некоторых аспектах еще не превратилась даже в общество модерна, поэтому актуальность теории для нее не совсем иссякла. О моральном износе теории можно определенно говорить применительно к современным постиндустриальным информационным обществам или к современным так называемым развивающимся странам Африки, Ближнего и Дальнего Востока или Латинской Америки. Потому что первые решили задачи модернизации и перешли на новый уровень, а вторые не являются ранними версиями современных обществ.

Нарисованный в книге портрет российского пролетариата заставил

В. А. Шкуратова усомниться в «необусловленности переворота» 1917 г. Действительно, российская модернизация во второй половине XIX — начале XX в. вырастила специфический пролетариат — «социально и психологически нездоровую массу народонаселения, агрессивную и готовую в любой момент взорваться». Однако на начало 1917 г. промышленных рабочих насчитывало около 3 млн, или около 4% всего самодеятельного населения 50 губерний Европейской России. В масштабе империи доля пролетариев была еще меньше. Массы социально здоровых крестьян сдерживали их агрессию. Но под влиянием войны к пролетариям присоединились 15 млн солдат, благодаря чему они превратились в мощную силу (Миронов 2019: 160).

В. А. Шкуратов резонно замечает, что пролетариат не являлся однородной массой, необходимо учитывать его разнообразие, желательно в сопоставлении с рабочим движением главных капиталистических стран. С таким замечанием не поспоришь. Однако об этом в монографии говорится, может быть, лаконичнее, чем хотелось (Миронов 2019: 202–209, 217–231, 244–247).

По мнению В. А. Шкуратова, слишком прямолинейно звучит мысль: если человек не имеет среднего или высшего образования, то путь «в сокровищницу партийной мысли ему заказан». Он считает, что необразованные пролетарии по своим когнитивным способностям были в состоянии усвоить программу-минимум РСДРП, ввиду чего могли сознательно участвовать в февральских событиях. Что касается про-

граммы-максимум, то вожди партии сами ее представляли смутно. Сильно сомневаюсь, что четыре основных пункта программы-минимум — свержение самодержавия и установление демократической республики; всеобщее избирательное право и демократические свободы; широкое местное самоуправление; право наций на самоопределение — рабочие понимали адекватно. Даже близкий им пункт о решении крестьянского и рабочего вопросов они трактовали весьма разнообразно и далеко не так, как хотелось их лидерам (Там же: 244–245). Кроме того, я не отрицаю наличие «передовых рабочих», «рабочих-интеллигентов», профессиональных революционеров из пролетариев, но их насчитывалось единицы. Наконец, подробно рассматриваю историю крепостного Ф. Д. Бобкова как раз для того, чтобы продемонстрировать, что самообразование могло заменить гимназию. В советский период таких индивидуумов насчитывалось миллионы, но до 1917 г. — единицы.

Согласен с В. А. Шкуратовым в том, что междисциплинарный подход расширяет исследовательские возможности и кругозор ученого, но не превращает его «в знатока всяческих наук». По моим наблюдениям, междисциплинарность нередко порождает дилетантизм, причем особенно ярко это проявляется у тех, кто приходит в историографию из точных и в меньшей степени из естественных наук.

Отсутствие разделов об интеллигенции и бюрократии — «этих постановщиках исторического процесса в России» — справедливо воспринимается В. А. Шкуратовым как пробел

книги. Но критик великодушно дает мне индульгенцию — «трудно объять необъятное».

Не могу не согласиться и с тем, что при интерпретации этнографического материала Бюро В. Н. Тенишева желательно было учесть, что приводимые корреспондентами факты даны сквозь призму просветительских установок образованных людей. Но все же сомневаюсь, что эти установки исказили характер когнитивных процессов у крестьян.

Замечания о применении в историческом исследовании схемы стадий интеллектуального развития Ж. Пиаже справедливы, о них в книге упоминается. Однако схема Пиаже остается влиятельной в психологической науке. К тому же серьезный пробел данной концепции (она не объясняет, как развивается интеллект после достижения стадии формальных операций) в моем исследовании не имеет значения — нам достаточно знания о первых четырех стадиях.

В. А. Шкуратову кажется, что «ключительные выводы книги входят в когнитивный диссонанс с ее оптимистическим посылом: потенциал революции закладывается турбулентностью социальных процессов и быстротой изменений на фоне инерционного состояния затронутой сдвигами человеческой массы и нетерпения пророков будущего». Когнитивный диссонанс — не критерий истины, но нередко указывает на свежесть мысли, его вызвавшей. Утверждение, что успешная модернизация ведет к революции, звучит непривычно и потому вызывает психи-

ческий дискомфорт. Если принять, что революция — побочный продукт успешной модернизации, дискомфорт исчезнет.

По мысли В. А. Шкуратова, «выводы книги служат оправданию консерватизма нынешнего политического курса и суммируют не только исторические уроки трехвековой российской модернизации, но и опасения от последствий быстрой смены правления». Думаю, это зависит от умонастроения читателя — каждый ищет и находит в книге то, что не вызывает у него когнитивного диссонанса, а то, что диссонанс вызывает, пропускает или переосмысливает на свой лад. В книге, например, есть и такие строки, которые можно понять как призыв к действию: «Традиция сильного дирижизма ослабнет тогда, когда общая и политическая культура населения достигнет высокого уровня, а гражданское общество станет сильным. Мера и степень вмешательства государства в жизнь людей обратно пропорциональна мощи гражданского общества. ...Недостаток общественной активности по необходимости замещается деятельностью агентов государства, а власть общества — властью государственных структур. Но здесь возникает опасность, которую мало кому удастся избежать, — любая общественная или государственная организация в отсутствие всестороннего контроля со стороны граждан неумолимо, в соответствии с “железным законом олигархии” Р. Михельса, превращается в неповоротливую корумпированную машину, обслуживающую интересы узкого круга лиц, забывающих о народе и его нуждах. Чрезмерная мощь государства в ко-

нечном счете становится причиной упадка и разложения как его самого, так и общества, которым оно руководит» (Миронов 2019: 30). В монографии «Российская империя» об этом написано много больше, потому я не стал повторяться. «Российская интеллигенция проявила феноменальную общественную активность. Несмотря на свою малочисленность, она сыграла огромную позитивную роль в модернизации страны. И если бы радикальное крыло интеллигенции не поддержало террор, баррикады и революцию, этот вклад был бы еще больше и позитивнее» (Миронов 2018в: 720, 732–739).

Подведу итоги сказанному.

Прошедшее обсуждение книги я оцениваю как принципиальное одобрение моей концепции модернизации и революции. Сделанные замечания указывают, что проблема модернизации и революции не исчерпана и требует продолжения исследований и дальнейшего обсуждения. Каждое выступление на круглом столе можно считать этюдом исторического оптимизма, потому что оно укрепляет оптимистическую концепцию российской модернизации.

В заключение выражу глубокую благодарность всем участникам и редакторам журнала «Историческая экспертиза» за предоставленную возможность обсудить мою книгу. Обсудить без всякого давления на авторов и без всяких ограничений на аргументацию за или против. Это создало благоприятную, доброжелательную обстановку для дискуссии. Участники проявили редкую в наше время лояльность к другому мне-

нию, не соревновались в критицизме и оскорблениях (Миронов 2014). Автору обсуждаемой книги не пришлось опасаться, что каждое новое выступление изменит тональность дискуссии, переведет ее в пространство неакадемического спора. Именно такой стиль обсуждения способствует взаимопониманию, помогает участникам и автору прислушаться к чужому мнению и идти навстречу друг другу. Вряд ли ошибусь, если предположу, что С. Е. Эрлих, научный руководитель «Исторической экспертизы», является главным «виновником» подобного стиля работы круглого стола.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Артамонова* 2013 — *Артамонова Л. М.* Организация в Самарской губернии помощи жертвам войны 1912–1913 годов на Балканах // Наука и культура России. 2013. Т. 1. С. 12–15.
- Кара-Мурза* 2007 — *Кара-Мурза С. Г.* Власть манипуляции. М.: Академический проект, 2007. 380 с.
- Кожурин* 2007 — *Кожурин Ю. Ф.* Модернизация и индустриализация России в контексте цивилизационного и стадийного подхода // Индустриальное наследие: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Выкса, 28 июня — 1 июля 2007 г.) / [редкол.: В. А. Виноградов, отв. ред. и др.]. Саранск: Изд. центр Историко-социологического ин-та, 2007. С. 183–197.
- Ляровский* 2010 — *Ляровский А. Б.* Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX–XX веков. СПб.: МИЭП, 2010. 383 с.
- Ляровский* 2017 — *Ляровский А. Б.* «Простите, дорогие папа и мама»: родители, дети и борьба с подростковыми самоубийствами в России конца XIX — начала XX века. СПб.: Крига: Победа, 2017. 599 с.

- Мионов 2004 — Мионов Б.Н. Социология и историческая социология: взгляд историка // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 55–62.
- Мионов 2014 — Мионов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. 2-е изд. М.: Весь мир, 2014. 336 с.
- Мионов 2018а — Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.
- Мионов 2018б — Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 2. 912 с.
- Мионов 2018в — Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 3. 992 с.
- Мионов 2019 — Мионов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.
- Морозова, Поткина 1998 — Морозова Т.П., Поткина И.В. Савва Морозов. М.: Русская книга, 1998. 205 с.
- Поткина 1994 — Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России: Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М.: ИРИ, 1994. 231 с.
- Поткина 2004 — Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М.: Главархив Москвы, 2004. 384 с.
- Поткина 2009 — Поткина И.В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России, XIX — первая четверть XX в. М.: НОРМА, 2009. 302 с.
- Поткина, Селунская 1990 — Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (в прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194–207.
- Травин 2015 — Травин Д.Я. Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2015. 293 с.
- Травин 2018 — Травин Д.Я. «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2018. 221 с.
- Травин, Маргария 2004 — Травин Д., Маргария О. Европейская модернизация: в 2 кн. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. 665 с.; 572 с.
- Шкуратов 1990 — Шкуратов В.А. Психика. Культура. История (Введение в теоретико-методологические основы исторической психологии). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1990. 251 с.
- Шкуратов 1997 — Шкуратов В.А. Историческая психология. Изд. 2-е, расшир. М.: Смысл, 1997. 505 с.
- Шкуратов 2005 — Шкуратов В.А. Интеллигенция в проекте современности // Логос. 2005. № 6 (51). С. 243–252.
- Шкуратов 2006 — Шкуратов В.А. Искусство экономной смерти: (Сотворение видеомира). Ростов н/Д.: Наррадигма, 2006. 399 с.
- Шкуратов 2009 — Шкуратов В.А. Новая историческая психология. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2009. 206 с.
- Шкуратов 2011 — Шкуратов В.А. Психология в истории культуры и познания. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2011. 267 с.
- Шкуратов 2015 — Шкуратов В.А. Историческая психология. Изд. 3-е, расшир. Книга первая: Введение в историческую психологию. М.: КРЕДО, 2015. 243 с.
- Artamonova 2016 — Artamonova L.M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41–1 (3). С. 899–907.
- Mironov 2017a — Mironov B.N. Cannon Fodder for the Revolution: The Russian Proletariat in 1917 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 18, no. 2 (Spring 2017). P. 351–370.

Mironov 2017b — Mironov B.N. The Workers Question and Revolutionary Gamesmanship in 1917 // *Kritika: Explorations in*

Russian and Eurasian History. Vol. 18, no. 2 (Spring 2017). P. 401–415.

ETUDES OF HISTORICAL OPTIMISM

Mironov Boris N. — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Key words: Imperial Russia, modernization, revolution, World War I, historical optimists and pessimists.

Abstract. B.N. Mironov, author of the book “Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia” discussed at the round table of the journal “Istoricheskaia ekspertiza”, comments on the participants’ speeches, answers their questions, criticism and suggestions.

REFERENCES

Artamonova L.M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society. *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal*, 2016, no. 41–1 (3), pp. 899–907.

Artamonova L.M. Organizatsiia v Samar'skoi gubernii pomoshchi zhertvam voiny 1912–1913 godov na Balkanakh. *Nauka i kul'tura Rossii*. 2013. Vol. 1. Pp. 12–15.

Kara-Murza S.G. *Vlast' manipuliatsii*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2007. 380 p.

Kozhurin Iu.F. Modernizatsiia i industrializatsiia Rossii v kontekste tsivilizatsionnogo i stadial'nogo podkhoda. *Industrial'noe nasledie: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Vyksa, 28 iunია — 1 iulia 2007 g.)*. Saransk: Izdatel'skii tsentr Istoriko-sotsiologicheskogo instituta, 2007, pp. 183–197.

Liarskii A.B. “Prostitute, дорогие papa i mama”: roditeli, deti i bor'ba s podrostkovymi samoubiistvami v Rossii kontsa XIX — nachala XX veka. St. Petersburg: Kruga: Pobeda, 2017. 599 p.

Liarskii A.B. *Samoubiistva uchaschchikhsia kak fenomen sistemy sotsializatsii v Rossii*

na rubezhe XIX–XX vekov. St. Petersburg: MIEP, 2010. 383 p.

Mironov B.N. Cannon Fodder for the Revolution: The Russian Proletariat in 1917. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 18, no. 2 (Spring 2017), pp. 351–370.

Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 1. 896 p.

Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 2. 912 p.

Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 3. 992 p.

Mironov B.N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2019. 528 p.

Mironov B.N. Sotsiologii i istoricheskaia sotsiologii: vzglyad istorika. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2004, no. 10, pp. 55–62.

Mironov B.N. *Strasti po revoliutsii: Nravny v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii*. 2-e izd. Moscow: Ves' mir, 2014. 336 p.

Mironov B.N. The Workers Question and Revolutionary Gamesmanship in 1917.

- Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 18, no. 2 (Spring 2017), pp. 401–415.
- Morozova. T.P., Potkina. I.V. *Savva Morozov*. Moscow: Russkaia kniga, 1998. 205 p.
- Potkina I.V. *Industrial'noe razvitie dorevoliutsionnoi Rossii: Kontseptsii, problemy, diskussii v amerikanskoj i angliiskoi istoriografii*. Moscow: IRI, 1994. 231 p.
- Potkina I.V. Na *Olimpe delovogo uspekha: Nikol'skaia manufaktura Morozovykh, 1797–1917*. Moscow: Glavarkhiv Moskvy, 2004. 384 p.
- Potkina I.V. *Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoi deiatel'nosti v Rossii, XIX – pervaja chetvert' XX v.* Moscow: NORMA, 2009. 302 p.
- Potkina I.V., Selunskaja N.B. Rossiia i modernizatsiia (v prochtenii zapadnykh uchenykh). *Istoriia SSSR*, 1990, no. 4, pp. 194–207.
- Shkuratov V.A. Intelligentsiia v proekte sovremennosti. *Logos*, 2005, no. 6 (51), pp. 243–252.
- Shkuratov V.A. *Iskusstvo ekonomnoi smerti: (Sotvorenie videomira)*. Rostov n/D.: Narradigma, 2006. 399 p.
- Shkuratov V.A. *Istoricheskaia psikhologiia*. Izd. 2-e, rasshir. Moscow: Smysl, 1997. 505 p.
- Shkuratov V.A. *Istoricheskaia psikhologiia*. Izd. 3-e, rasshir. *Kniga pervaja: Vvedenie v istoricheskuiu psikhologiu*. Moscow: KREDO, 2015. 243 p.
- Shkuratov V.A. *Novaia istoricheskaia psikhologiia*. Rostov n/D.: Izd-vo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, 2009. 206 p.
- Shkuratov V.A. Psikhika. *Kul'tura. Istoriia (Vvedenie v teoretiko-metodologicheskie osnovy istoricheskoi psikhologii)*. Rostov n/D.: Izd-vo Rost. un-ta, 1990. 251 p.
- Shkuratov V.A. *Psikhologiia v istorii kul'tury i poznaniia*. Rostov n/D.: Izd-vo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, 2011. 267 p.
- Travin D.Ia. *“Osobyi put’“ Rossii: ot Dostoevskogo do Konchalovskogo*. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018. 221 p.
- Travin D.Ia. *Krutye goriki XXI veka: postmodernizatsiia i problemy Rossii*. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015. 293 p.
- Travin D., Margariia O. *Evropeiskaia modernizatsiia: v 2 kn.* Moscow: AST; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2004. 665 p., 572 p.